

*"Stage Dive
Planet of books"*

Задери меня
ДОМОЙ

СЕРИЯ БРАТЯ ХАРТСОН

Книга первая

КЭРРИ ЭЛКС

В этом совершенно новом романе от Кэрри Элкс, удостоенный «Грэмми», рок-звезда влюбляется в девушку из маленького городка.

После многолетних выступлений на мировых аренах татуированный вокалист Грей Хартсон возвращается домой. Он намерен навести мосты со своим больным отцом и воссоединиться с семьей, которую когда-то оставил.

Дома он встречает ее — красивую, умную официантку, которая заставляет его смеяться больше, чем он делал это за последние годы.

Но есть одна маленькая проблема — она сестра его бывшей девушки и единственная женщина, которую он не может заполучить.

Когда Грей уехал из городка, Мэдди Кларк была неуклюжим подростком. Теперь она разносит тарелки в захолустной закусочной, а ее мечты стать известной, концертной пианисткой разбиты в пух и прах.

Только не спрашивайте ее о причинах. Она никогда их не скажет, мы же все знаем, что сильные женщины делают все возможное, чтобы сохранить достоинство и крышу над головой.

Все было терпимо, пока он не вошел в дверь и не усложнил ее, и так непростую, жизнь. И хотя это влечение неправильное, глупые сердца никогда не прислушиваются к голосу разума.

Возможно, ему стоит сочинить об этом песню.

Перевод: Виктория Горкушенко

Редактура: Оксана Ефимова

Обложка: Алина Семенова

Вычитка: Виктория Горкушенко

Оформление: Виктория Горкушенко

Переведено для группы: vk.com/stagedive

Глава 1

Зрительный зал разразился одобрительными возгласами, свистом и криками. Стук ног по липкому, кафельному полу эхом отдавался в ушах Грея Хартсона. Он замер на мгновение, его гитара висела на плече, руки обхватили микрофон, и он позволил себе почувствовать этот момент.

Это был кайф. Кайф, который никогда не длился долго. Но он будет наслаждаться им, пока это возможно. До тех самых пор, пока будет так.

— Сидней, ты был великолепен. Спасибо и спокойной ночи.

Даже с наушниками в ушах он не мог расслышать свой собственный голос в толпе. И не было похоже, что фанаты скоро остановятся. Он поднял руку и повернулся, чтобы уйти, но шум нарастал, окутывая его, как одеялом, пока он уходил со сцены.

За кулисами один техник снял наушники Грея, а другой, подняв его гитару над головой, аккуратно поставил ее на подставку. Грей взял из чьих-то рук полотенце и вытер пот с лица, затем взял бутылку воды и проглотил ее одним махом.

— Им придется включить свет, если они хотят, чтобы люди разошлись, — ухмыляясь, сказал его менеджер Марко, по дороге в сторону гримерных. — Три выхода «на бис». Три!

Слава Богу, мы их все отрепетировали. Они так в тебя влюблены!

Когда-то от таких слов он чувствовал себя парящим на вершине. Теперь же он был слишком измотан.

Грей толкнул дверь гримерки и нахмурился, глядя на всех людей внутри. Парни из перспективной группы «Быстрый рывок», выступавшая на разогреве в заключительном этапе его мирового турне, уже пили третий, а может и четвертый напиток. Их окружали группы женщин, которые хихикали вместе с ними. Еще он узнал парней из «А и усилитель Р», с его звукозаписывающего лейбла, и еще целую толпу поклонниц, которые превратили гримерку в вечеринку. Он постарался не застонать.

Это была не их вина, что он дошел до грани.

— Боже мой! Это Грей Хартсон! — одна из девушек, окружавших «Быстрый рывок», заметила его. Внезапно, группа была забыта и женщины ринулись вперед.

— Другая гримерка пуста? — спросил Грей у Марко, его голос был низким.

— Да.

— Хорошо, я воспользуюсь ею.

Обычно, вторая гримерка использовалась местными музыкантами. Он повернулся, чтобы уйти, но одна из девушек схватила его за руку и засунула что-то в карман его штанов. Он отшатнулся, почувствовав давление ее пальцев на свое бедро.

— Это то, что сделает тебя счастливым, — прошептала она, сверкая глазами. — И мой номер. Позвони мне.

Марко закрыл дверь в первую гримерку и закатил глаза.

— Я сказал им не приглашать людей снова. Прости, мужик.

— Все нормально. Это их первый большой тур, — Грей пожал плечами, пока они шли по коридору. — Ты можешь сделать так, чтобы кто-то оставался трезвым, чтобы присмотреть за ними? И чтобы они благополучно вернулись в отель?

Марко кивнул.

— Конечно.

— Если будет какой-то ущерб, то запиши его на мой счет.

Когда Грей добрался до второй гримерки, Марко ушел, чтобы позаботиться о группе поддержки, пробормотав что-то о вызове машины. В отличие от первой комнаты, эта была почти пуста, только один из гитаристов его группы пил апельсиновый сок.

— Ты не веселишься с остальными? — спросил Грей у пожилого мужчины, взяв себе еще одну бутылку воды.

— Нет. Я скоро вернусь в отель. Меня зовет моя кровать, — глаза Пола зажмурились. — А как насчет тебя? Не ожидал увидеть тебя здесь.

Турне позволило найти странных союзников. Единственное, что объединяло Грея и этого пятидесятилетнего австралийца, так это их игра на гитаре. И тем не менее, за последние две недели, они нашли общий язык. В то время как основная свита кричала и смеялась на передних сидения автобусов и самолетов, они тихо болтали на задних.

— Я слишком стар для вечеринок.

Пол усмехнулся.

— Тебе тридцать один. Еще совсем ребенок.

— Скажи это моим мышцам. И моим костям, — Грей повернул голову, чтобы размять затекшие мышцы шеи. — В любом случае, завтра мне нужно успеть на самолет. Я не хочу его пропустить.

— Ты летишь повидаться с семьей, верно?

— Ага, — Грей откинулся на спинку кожаного дивана и скрестил ноги на журнальном столике перед собой. — Верно.

— Забавное место. Хартсонс — это что-то... — Пол усмехнулся. — Не так много людей, которых я знаю, имеют целый город, названный в их честь.

— Ручей Хартсонса. И он назван не в честь меня. Возможно, моего пра-пра-прадедушки или еще кого-нибудь.

Грей нахмурил брови, думая о маленьком городке в Вирджинии, где он вырос. Туда он не возвращался с тех пор, как уехал более десяти лет назад.

— Как тебя и твоих братьев называли? — спросил Пол, усмехнувшись уголками губ. — Братья Сердцееды? — он подслушал одно из интервью Грея в автобусе и с тех пор не давал ему забыть о прошлом.

— Не напоминай мне, — парень покачал головой.

Он не мог вспомнить, кто придумал это проклятое прозвище, но оно приклеилось к ним, как на суперклей. Он и три его брата — Логан, Кэм и Таннер, закатывали глаза каждый раз, когда слышали его в свой адрес. Да, они были четверьмя сильными, привлекательными подростками, выросшими в маленьком городке, но это дурацкое прозвище всегда сводило их с ума.

Но не настолько, как это сводило с ума их младшую сестру Бекку. Она ненавидела слышать, как ее подруги описывают братьев как «горячих».

Что-то впилось в бедро Грея. Он нахмурился и сунул руку в карман, нащупывая то, что женщина положила туда ранее. Вытащив его, он увидел прозрачный пластиковый пакет с белым порошком внутри. Она написала свое имя и номер синей ручкой на внешней стороне.

— Это то, о чем я думаю?

— Да.

Грей бросил его в мусорное ведро и прислонил голову к стене. Было время, когда он отрывался как сумасшедший после концерта. Когда его популярность возросла, он некоторое время был словно ребенок в кондитерской, питаясь плодами своей славы, как будто чувствовал, что голод не за горами.

После взлета наступил крах. Однажды он проснулся в чужой постели, его голова раскалывалась от боли, а тело было напичкано таким количеством веществ, что можно было бы создать собственную лабораторию. За этим последовало трехдневное похмелье, которое стоило звукозаписывающей компании тысячи долларов неиспользованного студийного времени и пропущенное выступление на шоу Джимми Киммела. Все это заставило его почувствовать себя куском дерьма.

Ему не потребовалось много усилий, чтобы привести себя в порядок. Он был идиотом, а не наркоманом. Марко снял для него студию в уединенном местечке в Колорадо, и он с головой ушел в работу, пока не закончил свой второй альбом. Альбом, который поднял его от небольшой известности до звезды.

Боже, как он устал. Дело было не только в турне — хоть оно и было изнурительным. Дело было во всем. Работа над песнями для следующего альбома, разговоры с Марко о туре и о идеях для его продвижения, звонки сестры о том, что его отец находится в больнице с пневмонией.

Казалось, что из него высосали всю энергию. Ему хотелось спать месяцами.

— Твоя машина здесь, — сказал Марко, открывая дверь гримерки. — Но сначала тебе

нужно попроситься с несколькими людьми, — он нахмурился и посмотрел на Грея, сидящего на скамейке. — Эй, ты в порядке? Ты не принял душ.

— Я сделаю это в отеле, — Грей встал и расправил плечи.

Пол подошел и пожал ему руку.

— Было приятно работать с тобой.

— И с тобой. Расслабься. Насладись временем со своей семьей, — Грей видел фотографии жены Пола, троих детей и шестерых внуков.

— Я так и сделаю. Надеюсь, твоему отцу скоро станет лучше.

— Вспомнил! — сказал Марко, направляя Грея к выходу из комнаты. — Я уже разговаривал с твоей сестрой. Вашего отца выписали, и он восстанавливается дома. Ей нужны были данные твоего рейса, чтобы они знали, когда тебя ждать.

— Она могла бы позвонить мне.

Марко рассмеялся.

— Ты знаешь, когда твой самолет прилетает в Даллас?

Грей нахмурился.

— Нет.

— Вот почему она позвонила мне. Я также сказал ей, что ты останешься на некоторое время, как мы и договаривались. Нет места лучше, чем дом, верно? Там ты сможешь спокойно написать несколько песен.

Дом.

Грей тяжело сглотнул при мысли о внушительном, викторианском здании с нетронутой лужайкой, которая вела к ручью, давшему название городку. Дом его отца. Тот самый, который он покинул, как только смог и поклялся никогда туда не возвращаться.

И все же, впервые, за более чем десять лет, он собирался вернуться. Туда, где все еще жил его отец, вместе с тетей Джиной и сестрой Беккой.

После быстрого разговора с людьми из его звукозаписывающей компании, они добрались до выхода.

У дверей их ждал охранник, который заговорил в гарнитуру, как только увидел приближающегося Грея.

— Мистер Хартсон, — сказал он, повернувшись, чтобы поприветствовать его. — Если Вы проследуете за мной, я прослежу, чтобы Вы благополучно добрались до своей машины.

Тур был окончен. Пора было начинать долгий путь домой. От арены до отеля, от отеля до аэропорта и далее в США. Его конечной остановкой был Хартсонс Крик.

Когда он, вслед за охранником, прошел через двери и вышел в темную сиднейскую ночь, он почувствовал, как его желудок сжался при мысли о том, куда он направляется.

Толпа фанатов, собравшаяся у задней части арены, взревела, когда он вышел. Их голоса громко зазвучали, когда они начали скандировать его имя. Грей поднял руку, чтобы помахать им на прощание.

Пора было возвращаться домой.

— Согласно GPS, мы должны прибыть на место через пять минут, — сказал его водитель, когда они въехали в черту города Хартсонс Крик. Согласно потрепанному погодой указателю, население города составляло 9 872 человека — ровно столько же, сколько было, когда он уезжал.

Грей повернул голову, чтобы посмотреть в окно. Его желудок сжался от знакомых

видов: крашенные викторианские дома, длинные лужайки, широкие, измученные погодой, дороги. Неужели город стоял на месте последние десять лет? Даже магазины выглядели также. Когда они остановились на красный свет, он уставился в витрину пекарни Беллы, рассматривая холодные пирожные с корицей и пончики, которые он обожал в детстве. Он почти чувствовал вкус этого маслянистого, сахарного лакомства на своем языке. А рядом, как всегда, находилась закусочная Мерфи. Это место его первого выступления — того самого, которое привело к печально известной драке на выпускном вечере 2005 года. Его губы искривились в улыбке, при воспоминании о той потасовке и том, как Эшли Кларк натирала мазью его порезанный глаз и рассеченную губу, говоря ему, что после драки он выглядел горячее, чем ад.

Он не чувствовал себя таким горячим на следующее утро, когда его отец получил счет за ущерб, нанесенный закусочной. И когда он провел следующее лето, отмывая каждый сантиметр жирной кухни Мерфи. Он содрогнулся от воспоминаний.

— Мы на месте, — водитель остановил машину.

Грей снова выглянул в окно. До подъезда к дому его семьи оставалось около ста метров и его это вполне устраивало.

— Мы можем подождать здесь минутку? — спросил он.

Водитель пожал плечами.

— Вы босс.

Он заглушил двигатель и откинулся на сиденье, а Грей посмотрел в сторону зеленых изгородей, ограничивающих землю его отца. Он не мог видеть подъездную дорогу, но знал, что она там есть. На ней серо-красный гравий, который издавал адский шум, в тот момент, когда ты пытался пробраться домой после комендантского часа. Дорога вела к дому, который, как он помнил, был внушительным. Высокая красная крыша, белые, обшитые досками стены и купол в центре, куда можно было попасть только по шаткой лестнице.

Подъем всегда стоил того. Как только он оказывался наверху, из окон открывался вид на Хартсонс Крик. На западе виднелись поля, которые зеленым ковром простирались до гор Шенандоа. На востоке сверкал голубой ручей, ведущий к пшеничным фермам, которые осенью окрашивались в золотистый цвет.

Теперь дом уже не выглядел таким белым. Доски облупились и прогнили, местами до основания. Даже отсюда он мог видеть, где с крыши соскользнула черепица. Но главное, дом выглядел маленьким. Гораздо меньше, чем он помнил. словно миниатюрная версия его настоящего дома.

Он покачал головой, выпятив губу. Дома не уменьшаются. Может, это он вырос?

Через две минуты Грей стоял у подъездной дорожки, подняв руку в знак прощания, когда черный седан свернул на Лоусон Лейн. Даже воздух пах по-другому. Прохладный, с нотками кукурузы, поднимающейся с полей. И чем-то еще. Чем-то старым. Как будто каждая молекула кислорода хранила воспоминания о прошедших веках с момента основания Хартсонс Крик.

— Грей. Ты сделал это!

Входная дверь распахнулась и к нему устремилось розово-голубое пятно. Он успел положить гитару и чемодан, прежде чем Бекка бросилась к нему в объятия, ее темные волосы дико развевались за спиной.

— Я так и думала, что это ты, — сказала она ему, когда он поймал ее. — Я увидела машину, остановившуюся на дороге. Тетя Джина должна мне пять долларов.

— Ты поспорила на это? — улыбка Грея была широкой. Так было всегда, когда он видел свою младшую сестру. Джина несколько раз привозила ее посмотреть его шоу, и он всегда был рад ее видеть.

— Wi-Fi снова не работает. Мы должны как-то развлекать себя, — Бекка пожала плечами, как будто в этом не было ничего особенного. — Почему ты не подъехал на той большой машине прямо к дому? Нам было бы на что поглазеть.

— И именно поэтому я не хотел подъезжать к дому, — спокойно ответил ей Грей. — А папа? Он внутри?

— Он в постели, — ее голос понизился. — Его выздоровление идет медленно.

Она подождала, пока он заберет свои вещи и потянула его вверх по ступенькам, перепрыгивая через среднюю ступеньку с зияющей дырой в доске. Поднявшись наверх, он увидел Таннера, стоящего в дверном проеме и небрежно опирающегося на дверной косяк. В свои двадцать восемь лет, Таннер был самым молодым из четырех братьев, но все же на четыре года старше Бекки.

— Странник вернулся, — промурлыкал он, когда Грей подошел к двери и прислонил гитару к стене. — Что, никаких папарацци? Никаких кричащих фанатов? — он понизил голос на октаву. — Никаких поклонниц?

— Жаль тебя разочаровывать, — Грей обнял своего брата. — Что ты здесь делаешь? Я думал, ты в Нью-Йорке.

Таннер пожал плечами, подняв руку, чтобы откинуть свои светлые волосы с глаз.

— Слышал, что ты приедешь. Я здесь ради поклонниц.

Бекка сморщила нос.

— Ты — отвратителен, — сказала она, отмахнувшись от его руки. — Вы оба.

Грей поднял руки прямо перед грудью.

— Эй, я ничего не говорил.

— Ему и не нужно ничего говорить. Они просто слетаются к нему, — Таннер усмехнулся. — Эй, Бекка, я рассказывал тебе о том времени, когда я виделся с Греем в Вегасе.

— Что за шум здесь? Вы пытаетесь свести с ума своего отца?

Тетя Джина вышла из кухни в коридор, ее глаза загорелись, когда она увидела Грея на крыльце.

— Грейсон. Ты здесь, — сказала она.

— Ага. И ты должна мне пять баксов, — сказала ей Бекка.

Тетя Джина переступила порог и обняла Грея.

— О, ты просто загляденье, — прошептала она ему в грудь. — Не думала, что ты действительно приедешь.

— Тогда почему ты подготовила его комнату? — Таннер нахмурился.

— Потому что у меня всегда есть надежда, — тетя Джина сделала шаг назад и оглядела Грея с ног до головы. — Это новое? — спросила она его, указывая на края тату, выглядывающей из-под рукава.

— Это старая татуировка, — Грей усмехнулся и стал стягивать с себя верхнюю часть одежды, чтобы показать ей больше. — Хочешь посмотреть?

— Нет, не хочу. Держи свою футболку там, где она есть, — она покачала головой. — У нас в этом доме есть правила.

— В отличие от Вегаса, — подмигнул Таннер своей тете. — Там у Грея постоянно

слетала майка.

— Ты можешь вести себя тихо? — сказала тетя Джина, качая головой на Таннера. — И занеси вещи своего брата в дом.

Таннер нахмурился.

— Он может сам занести свои вещи.

Грей проглотил смех. Некоторые вещи никогда не менялись: чрезмерный энтузиазм Бекки, ворчание Таннера, даже ворчливость тети Джинны казались такими знакомыми, что у него скрутило живот. Как будто он находился в двух временных зонах, где-то между мужчиной, которым он был сейчас и ребенком, которым он был раньше.

— Я сам занесу свои сумки, — сказал он Таннеру. — Я бы не хотел, чтобы ты повредил спину, сладкий.

Таннер закатил глаза.

— Я возьму, — сказал он, взявшись за ручку. — Я бы не хотел, чтобы ты повредил свои красивые руки. Они наверняка застрахованы на миллион долларов.

— Вообще-то, на два, — Грей пожал плечами, вспомнив свое собственное возмущение, когда он впервые обнаружил этот факт.

Таннер потянулся за чехлом для гитары, но Грей успел первым.

— Я возьму это, — сказал он, осторожно накидывая ремень через плечо. Когда он последовал за тетей в дом, в нос ударил запах печенья, от которого у него потекли слюнки.

Он был дома, что бы это ни значило. Может быть, несколько недель здесь не так уж и плохо, в конце концов.

Глава 2

Весной и летом вечер пятницы означал «Стулья» — странное название, которое, добрые жители Хартсонс Крик, дали своим еженедельным собраниям. Все они собирались вдоль ручья, приносили с собой кувшины со сладким чаем и бутылки чего-нибудь покрепче, а также свои собственные стулья, которые и дали название этому действу.

«Стулья» были частью жизни Мэдди Кларк в Хартсонс Крик столько, сколько она себя помнила. В детстве она бегала и играла в игры, пока взрослые разговаривали. Она наслаждалась свободой и резвилась до темноты, забывая про сон. В подростковом возрасте, она была готова идти на все, лишь бы не слушать скучные сплетни взрослых. Но именно на этих посиделках, ей посоветовали получить стипендию в Школе исполнительских искусств Анселл в Нью-Йорке. И по итогу, она поехала туда учиться на бакалавра музыки.

И да, она не сомневалась, что стала предметом множества сплетен, когда вернулась домой, меньше чем через год, и не хотела никому говорить, почему. Но никто не сказал ей ни слова. Ни тогда, когда она работала официанткой в закусочной, ни тогда, когда преподавала игру на пианино детям младшего возраста в городе.

Тем не менее, ее мама всегда наслаждалась возможностью пообщаться со своими друзьями и соседями, узнать все последние городские новости. По дороге на эти посиделки, Мэдди всегда старалась улыбаться, чтобы мама не расстраивалась. Она отвозила туда маму на ее инвалидном кресле, а для себя, на плече, тащила старый, складной стульчик. В качестве лакомства, она брала небольшой контейнер с печеньем и чай, которые лежали на коленях у мамы.

— Сегодня здесь много людей, — заметила Мэдди, когда они подошли к ручью. — Наверное, из-за погоды.

Это было ее любимое время года. Весна и лето боролись за господство, но результат

уже был предрешен. Холод и снег зимы остались лишь воспоминанием, которое еще больше затуманивалось теплом воздуха и запахом кукурузы, разносимым ветром.

Она подвезла маму к месту, где расположились ее друзья. Рядом стоял стол с закусками, где она оставила принесенную ими еду и налила маме стакан воды. Затем она перенесла свой собственный стул туда, где собралась молодежь. Женщины, которых она знала еще по школьным годам, сплетничали о своих мужьях и призывали детей успокоиться, когда их голоса становились слишком громкими. Мужья стояли у ручья, пили из коричневых бутылок пиво и смеялись, не обращая внимания на все вокруг, так как обсуждали футбольный матч этой недели.

— Ты слышала новости? — воскликнула Джессика Мартин, прежде чем Мэдди успела открыть свой стул и поставить его на траву.

— Нет.

Мэдди вежливо улыбнулась. Джессика училась в одном классе с сестрой Мэдди, Эшли. Они вместе были чирлидершами, сколько Мэдди себя помнила, хотя она была на шесть лет их младше.

— Хочешь угадать? — спросила Джессика, потирая руки. — О, ты никогда не угадаешь.

— Была вспышка хламидиоза среди тех, кому за пятьдесят?

Мэдди сдержала усмешку, услышав глубокий голос Лауры Бэйли.

— Нет. Фу-у-у. Конечно, нет, — Джессика сморщила нос. Затем она посмотрела на Лауру. — Это ведь неправда, да?

Девушка пожала плечами.

— Меня здесь ничто не удивит.

Покачав головой, Джессика снова повернулась к Мэдди.

— Ты слышала что-нибудь об Эшли в последнее время?

— Она живет в соседнем городе, — указала Лаура. — Это не Антарктида.

Мэдди бросила на девушку благодарный взгляд. Хотя Лаура была на несколько лет старше Мэдди, они дружили с тех пор, как та открыла свой магазин платьев рядом с закусочной, где работала Мэдди. Больше всего ей нравилось, когда подруга приходила на утренний кофе.

— Она приезжала с детьми на прошлой неделе, — сказала Мэдди.

— И она что-нибудь сказала? — спросила Джессика, наклонившись вперед, ее светлые волосы упали на лицо.

Мэдди моргнула.

— Например?

Она почувствовала, как ее желудок сжался. Было ли что-то не так с Эшли? Или, что еще хуже, с Грейс или Картером? Она любила своих племянников, как своих детей.

Джессика села обратно в кресло.

— Тогда, наверное, она не знает.

— Что не знает? — спросила Мэдди, стараясь не выдать своего раздражения.

— Что Джессика тифозная и повсюду вспышки хламидиоза, — прошептала Лаура уголком рта. Несмотря на свою злость, Мэдди рассмеялась.

— Грей Хартсон вернулся! — Джессика одарила Лауру самодовольной улыбкой. — Похоже, я единственная, кто хоть что-то здесь знает.

Мэдди почувствовала, что замерзла, несмотря на окружающий ее теплый воздух.

— Грей Хартсон? — повторила она, не обращая внимания на странный гул в ушах.

— Да. Кэрри Доус сказала мне. Та, что работает в продуктовом магазине. По ее словам, он приехал на черном «Роллс-Ройсе», — Джессика сложила руки на груди. — Наверное, так передвигаются богатые и знаменитые, когда посещают родной город.

— Поэтому Бекки сегодня нет? — спросила женщина, сидевшая рядом с Джессикой. — Я как раз об этом думала.

Вместе с Лаурой, Бекка Хартсон была одной из самых близких подруг Мэдди. Она «наслаждалась» «Стульями» так же, как и Мэдди, поэтому ее отсутствие не было неожиданностью. Девушка даже не подумала о том, что это может быть связано с возвращением Грея в город.

Мысль о том, что он здесь после стольких лет, заставила ее тело почувствовать небывалую легкость. Она обхватила руками металлические ручки своего стула, для ощущения реальности.

— Что скажет Эшли? — спросила Джессика, ее голос был достаточно громким, чтобы прорваться сквозь мысли Мэдди. — Как ты думаешь, Майкл будет ревновать?

— Почему Майкл будет ревновать? — спросила Лаура. — Эшли встречалась с Греем несколько лет в средней школе. Большое дело. С тех пор прошло больше десяти лет, — она усмехнулась Джессике. — Некоторые из нас повзрослели за последнее десятилетие.

Мэдди оперлась подбородком на ладонь и посмотрела в сторону ручья. Вода была темной, и она скорее слышала ее движение, чем видела. На дальнем берегу светлячки освещали деревья, словно тысячи крошечных искрящихся лампочек.

Грей Хартсон вернулся в город.

Было странно осознавать, что она находится в том же городе и наблюдает тот же закат, что и он. Когда-то давно она была в него влюблена. Это была одна из тех душераздирающих, сильных привязанностей, которые могут быть только у подростков. Она сидела и наблюдала за ним из окна, когда он привозил Эшли домой со свидания. Затаив дыхание, она смотрела, как он убирал прядь волос с лица ее сестры и наклонялся, чтобы прижаться губами к ее губам.

Тогда она чувствовала странную смесь ревности и тоски. Даже в тринадцать лет она была достаточно взрослой, чтобы понять, что он не в ее лиге. Слишком взрослый, слишком талантливый, слишком красивый. Но Эшли подходила ему со своей безупречной красотой и популярностью в школе. Вместе они стали королем и королевой выпускного класса.

— Тебе, наверное, стоит рассказать Эшли, пока Джессика этого не сделала, — шепотом сказала Лаура, склонившись в сторону Мэдди. — Я знаю, что прошло много лет, но никому не понравится встретить своего бывшего без предупреждения. Дай ей шанс сходить в салон красоты и выглядеть на миллион долларов, — Лаура встала и подмигнула ей. — Я пошла приготовить себе выпить. Кто-нибудь еще хочет? — воскликнула она.

После откровения Джессики, Мэдди захотелось выпить чего-нибудь покрепче сладкого чая.

И во всем виноват Грей Хартсон.

Глава 3

— Ну, твой секрет раскрыт, — сказала Бекка Грею, когда они сидели за обеденным столом. — Я только что получила сообщение от Лауры Бэйли. О тебе говорят в «Стульях». К концу вечера все в городе будут знать, что ты здесь.

— Дорогая, ты знаешь правила. Никаких телефонов за обеденным столом, — укорила тетя Джина. Бекка усмехнулась и убрала свой iPhone обратно в карман.

— «Стулья»? — Грей нахмурился. — Вы все еще это делаете?

— Мы говорим о ручье Хартсонса, — сказал Таннер, зачерпывая огромной ложкой картофельное пюре на свою тарелку. — Он едва достиг двадцатого века, не говоря уже о двадцать первом. Что тут еще делать, кроме как напиваться и сплетничать?

— Люди не пьют в «Стульях», — сказала тетя Джина, забирая миску с пюре у Таннера и передавая ее Грею. — И мы общаемся, а не сплетничаем.

— Одно и то же, — Таннер ухмыльнулся ей. — И мы все знаем, что Рита Деннис подливает в чай со льдом. Так всегда начинаются сплетни, — он проглотил полный рот картофеля. — Я пытался объяснить концепцию «Стульев» своим друзьям в Нью-Йорке. Но они смотрели на меня как на идиота.

— Грейсон, ты можешь наложить своему отцу тарелку еды? — спросила тетя Джина, передавая ему пустую тарелку. — Он уже должен был проснуться. Может, ты сможешь увидеть его и поздороваться.

— Я, наверное, испорчу ему аппетит, — но Грей все равно взял тарелку и наполнил ее доверху.

— Никакого соуса для него, — сказала Бекка.

— Я помню, — Грей кивнул. — Он портит вкус мяса.

Странно, что Грей так ясно помнил, как его отец говорил об этом. Он встал и оставил свою еду недоеденной, зная, что тетя Джина разогреет ее, когда он вернется. Она делала так постоянно.

— Грей? — сказала его тетя.

— Да?

— Полегче с ним, ему все еще нездоровится, — ее губы сжались, когда их взгляды встретились.

— Я не собирался делать ничего лишнего.

— Я знаю, — улыбка тети Джинны была натянутой. — Просто вы двое... ну, вы всегда знали, как надавить друг на друга.

— Она имеет в виду, что не надо его злить, — проворчал Таннер. — Что практически невозможно по моему опыту.

— Не обращай на него внимание, — сказала Бекка, подняв брови на Таннера. — Он просто раздражен, потому что в «Стульях» никто не говорит о нем.

— Это потому, что я приезжаю домой чаще, чем раз в десятилетие, — заметил Таннер.

Все было как в старые времена. Грей помнил постоянные подшучивания за обеденным столом, когда он и его братья безжалостно подкалывали друг друга. Будучи старшим, он всегда старался быть миротворцем. Бывали дни, когда он ожидал, что Кэм и Логан будут драться друг с другом до смерти.

Пока не вмешивался их отец. Одного шлепка ладонями по столу обычно было достаточно, чтобы они затихли. А если по какой-то причине они не реагировали, он всегда повышал голос на пару тонов. К подростковому возрасту они научились не провоцировать его. Ни один из них не хотел оставаться с ним в кабинете, после ужина.

— Если вы все будете вести себя тихо, может быть, я смогу услышать свои мысли, — сказала тетя Джина, окинув их мрачным взглядом. — И прояви немного уважения, Таннер. Это дом твоего отца. Он заслуживает этого.

— Уважение надо заслужить, — сказал Таннер, его голос был легким, несмотря на его слова.

— Я буду вести себя там спокойно, — заверил Грей свою тетю. Она кивнула и еще раз улыбнулась ему.

— Удачи, — прошептала Бекка, сжимая его свободную руку, когда Грей проходил мимо нее.

Насколько Грей понимал, ему это было не нужно. Он больше не был ребенком. У него был свой дом, своя машина, он зарабатывал за месяц больше денег, чем его отец за всю свою жизнь. Тот старик в спальне, в конце коридора, больше не пугал его.

— К черту все, — прошептал он про себя, прежде чем стукнуть костяшками пальцев по двери. Его рука осталась сжатой в кулак, когда он отдернул ее, как будто его тело ожидало драки, а другая все еще сжимала тарелку с едой, которую он приготовил.

— Входи.

Грей моргнул от знакомого голоса. Он крепко сжал челюсть и обхватил пальцами ручку, с напряжением изображая улыбку.

Люди считали странным то, что он не разговаривал с отцом более десяти лет. Они хотели узнать все подробности ссоры, которая, должно быть, привела к такому разрыву. Но, по факту, никакой ссоры и не было — во всяком случае, ни одного взрывоопасного эпизода. Просто их отношения были жертвой тысячи бумажных порезов.

В детстве он мечтал сбежать из этого места. Он построил бы домик на дереве в лесу, который граничил с землей его отца на севере, наполнил бы его комиксами и газировкой и пригласил бы туда своих друзей. Он думал, что отец никогда не найдет его там.

По мере взросления его планы становились все более изощренными. Сначала они были академическими. Он усердно учился, играл в футбол, делал все, что могло помочь ему поступить в колледж. Но если его оценки были достаточно хороши для поступления, то его спортивных достижений было недостаточно для получения стипендии. А доход его отца не позволял ему получить какую-либо финансовую помощь без кредитов.

И он знал точно одно: он не мог больше быть обязанным своему отцу. Поэтому, когда его единственная отдушина — музыка, вдруг стала билетом в один конец из города, он ухватился за этот шанс. Пожертвовав всем и всеми, он обрел долгожданную свободу.

Конечно, он все еще видел свою семью. Его братья приезжали к нему в Нью-Йорк или Лос-Анджелес, когда могли. Тетя Джина и Бекка смотрели его концерты в Вирджинии и округе Колумбия. Был один год, когда он оплатил им всем перелет в Лондон, чтобы посмотреть его выступление на фестивале. Это была замечательная неделя.

Но его отец так и не приехал. Он отказался, даже Грей лично позвонил и пригласил его, хоть и знал, что это ловушка. Его отец хотел лишь получить удовольствие от того, что лично отклонил его предложение.

— Я сказал, заходи, — закричал его отец. — Что ты делаешь, играешь с ручкой?

Грей покачал головой и толкнул дверь, расправляя плечи, когда входил внутрь. Первое, что его поразило, это запах. Хотя комната больше не была кабинетом, стены по-прежнему были увешаны старыми книгами, их заплесневелые страницы делали воздух тошнотворно затхлым. А еще пахло отцовским мылом — тем самым, которым он пользовался столько лет, сколько Грей себя помнил.

— Я принес твой ужин.

Старик поднял голову со своего места на кровати. Годы, проведенные Греем вдали от дома, не были благосклонны к его отцу. Волосы Грейсона Хартсона III были редкими, едва прикрывая блестящую красную кожу головы. Его кожа была морщинистой, почти резиновой.

Но больше всего Грея потрясло его тело. Даже сквозь простыню было видно, насколько худым был его отец. Его руки были похожи на веточки, которые тетя Джина приносила на Рождество для создания сезонных экспозиций.

— Еда остынет за то время, что ты потратил, чтобы прийти, — ворчал отец.

Грей сглотнул.

— Ты не хочешь?

— Я этого не говорил. Принеси сюда.

Отец кивнул на стол перед ним. Он был на колесиках — такие можно увидеть в больничных палатах. Грей перенес тарелку и поставил ее на середину.

— Так ты решил навестить нас? — сказал его отец, наклонившись, чтобы посмотреть на тарелку. — Опять эта чертова говядина. Твоя тетя знает, что я не могу ее есть. Застревает в горле.

— Хочешь, я принесу немного соуса, чтобы помочь тебе проглотить ее?

Его отец фыркнул.

— Я буду есть только картошку. Дай мне вилку.

Грей передал ему столовое серебро и наблюдал, как отец есть картофельное пюре. Казалось, время остановилось, пока он двигал челюстями, его иссохшее горло извивалось, когда он пытался проглотить пюре.

— Хочешь стакан воды? — спросил его Грей.

— Нет, — прохрипел его отец. — Возвращайся к своему ужину. Мне и здесь хорошо.

Грей не знал, что чувствовать, наблюдая, как отец подносит ко рту очередную шаткую вилку. Сочувствие боролось с негодованием, пока его разум пытался принять эту новую реальность. Его отец был стар и болен, но он все еще оставался человеком, который превратил детство Грея в мучение.

— Это тебе не бесплатное шоу, — сказал отец, когда проглотил второй кусок. — Ты можешь идти.

Он уставился на Грея теми же голубыми глазами, которые он каждый день видел в зеркале, а затем сделал отталкивающее движение руками.

Грей пожал плечами и отвернулся. Он выполнил свой долг, и никто не мог сказать, что это не так. Когда он вернется в Лос-Анджелес, его отец снова станет смутным воспоминанием.

Мэдди уставилась на свой телефон, ее пальцы зависли над именем сестры на экране. *Эшли Лоу*. Возможно, после замужества она опустилась на несколько букв вниз в списке контактов Мэдди, но она поднялась на целый ряд социальных уровней, когда сказала «да» Майклу Лоу. Известный адвокат в Стэнхоупе, городе в двадцати милях к северу от Хартсонс Крик, сын сенатора. Он упорно работал над тем, чтобы заменить своего отца на следующих выборах.

Они познакомились, когда Эшли работала в ресторане в Стэнхоупе и обслуживала Майкла и его коллег. Когда они поженились чуть больше года спустя, ей было всего двадцать, а Майклу — тридцать один. Никто и бровью не повел. Они были слишком заняты вопросом, оправилась ли она от разрыва с Греем Хартсоном.

Мэдди прижала палец к экрану и ждала, пока ее звонок соединится. Она боролась со своей реакцией на упоминание имени Грея в «Стульях». Она отреагировала, как девочка-подросток, которой она была, когда он был здесь в последний раз, ее сердце стучало в груди,

а голова была легкой, как воздух.

Слава богу, никто больше не заметил этого. Обычно она была такой спокойной.

Когда они сказали, он снова уезжает?

— Мэдди? Что-то случилось? — раздался голос Эшли в телефоне. — Это мама?

Мэдди посмотрела на старые часы Casio на запястье. Было почти одиннадцать.

— Извини, я не знала, что уже так поздно, — сказала она сестре. — Я тебя разбудила?

— Нет. Я жду, когда Майкл вернется домой. Я сижу на террасе и пью горячий шоколад.

Ты в порядке?

— Да. Я просто хотела тебе кое-что сказать. — Мэдди потянула за распушенную нитку на своем плече. — Возможно, ничего особенного, но я хотела, чтобы ты услышала это от меня.

— Что случилось?

— Грей вернулся в город. Джессика Мартин сказала мне, а Лаура позвонила Бекке, чтобы убедиться, что это правда. Ты же знаешь, как здесь любят сплетничать.

Эшли молчала, только ритм ее дыхания был слышен. Мэдди зажала губы между зубами, ожидая ответа сестры. Этот разговор казался странным. Никто из них не упоминал о Грее уже много лет. Это было негласное соглашение. Они никогда не говорили о его музыке, успехе или сплетнях, которые, казалось, окружали его, как светлячки летом. Как будто Эшли вырезала его из своей жизни ножницами и выбросила в мусорное ведро.

— Эш? — сказала Мэдди, ее переносицу прорезали мелкие морщинки.

Сестра прочистила горло.

— Прости. Прислушивалась к детям, — быстро сказала она. — Итак, он вернулся. Полагаю, ненадолго.

— На несколько недель, по словам Бекки.

— Это, наверное, к лучшему, — смех Эшли звучал непринужденно. — Надеюсь, я не столкнусь с ним, пока он здесь.

— Не думаю, что столкнешься. Это все. Я просто хотела, чтобы ты знала.

— Спасибо. Ты все еще не против присмотреть за Грейс и Картером в воскресенье?

— Да, я с нетерпением жду этого. Я заканчиваю работу в три, так что можно в любое время после.

— Я пришлю тебе сообщение, как только узнаю время. Спокойной ночи, Мэдди. Сладких снов.

— И тебе.

Мэдди закончила разговор и положила телефон на тумбочку рядом с кроватью. Она опустилась на кровать, пока ее голова не коснулась мягкой подушки. Это был долгий день, но ее тело все еще гудело, как будто в нем был улей, полный пчел. Ей предстояло работать с шести утра и, черт возьми, ей нужно было выспаться.

Но ее тело ощущалось странно, как под напряжением. Казалось будто она стоит на пороге чего-то нового.

И она не была уверена, что ей нравится это ощущение.

Глава 4

Грей лежал без сна в своей слишком маленькой, детской кровати и смотрел на стены, которые окружали его. Они были совсем пустыми — все плакаты, которые он повесил в подростковом возрасте, нарушая правила отца, давно исчезли. Теперь остались только темные прямоугольники на стенах и блестящие кнопки там, где они крепились.

Он сел, проведя рукой по волосам.

Может, стоит выйти на улицу?

Подышать свежим воздухом и развеять ночные сны, которые не отпускали его ночь напролет. Он натянул свежую одежду из чемодана, который так и не удосужился распаковать и тихо вышел из дома. Закрывая за собой дверь, он надеялся, что к его возвращению кто-нибудь проснется и впустит его обратно.

Скорее на автомате, чем по необходимости, он натянул, на темные волосы, серую, вязанную шапку и спустился по гравийной дорожке. Для него было привычно выглядеть на людях как можно более неприметным. Пока он шел по городу, на дорогах было тихо, лишь изредка сквозь утренний воздух доносился рев мотора. Грей почувствовал, как его мышцы расслабились, а челюсть разжалась. Он и забыл, как сильно его напрягал этот дом.

Когда через десять минут мужчина добрался до городской площади, в закуской Мерфи горел свет, и его желудок заурчал, словно все понимая. Он похлопал по карману джинсов, убедившись, что бумажник при нем, и направился внутрь.

В закуской было так же пусто, как и на улице. Грей подошел к стойке и посмотрел на стеклянные купола, накрывающие свежее испеченное шоколадное печенье и щедрые куски лимонного торта. От этого запаха у него пересохло во рту.

— Простите, я не слышала, как Вы вошли, — сказала девушка из полуоткрытой двери на кухню. — Сейчас приду.

— Не торопитесь.

Грей облокотился на стойку, когда девушка вошла в дверь, толкнув ее задницей, обтянутой джинсовой тканью. Он моргнул, когда понял, что уставился на нее. Мягкие, округлые формы, так и притягивали взгляд, хотя в этом месте было неудобно так открыто пялиться. Каким-то образом ему удалось отвести взгляд, прежде чем она повернулась и поставила поднос, который несла на стойку перед ним.

— О, — она моргнула. — Могу я предложить тебе кофе?

Ее выражение лица было нечитаемым. Он понятия не имел, знает ли она, кто он такой или нет. Бекка сказала, что большая часть Хартсонс Крик знает, что он вернулся в город, но его младшая сестра всегда была склонна к преувеличениям.

Он кивнул.

— Черный. Без сахара, пожалуйста.

— Сейчас принесу, — официантка улыбнулась, наливая ему кружку. — Готов сделать заказ?

— Сначала я дам время подействовать кофеину.

Он взял у нее кружку, кончики ее пальцев скользнули по его пальцам. Он нахмурился, почувствовав, как по руке пробежала дрожь и горячий кофе брызнул через край кружки на его пальцы.

— О Боже, прости, — девушка оторвала бумажное полотенце от рулона, висевшего на стене позади нее. — Ты в порядке? Я тебя не обожгла? — она прижала полотенце к его руке. — У меня где-то здесь есть аптечка. В ней должен быть крем.

— Все в порядке, — сказал он, забавляясь. — Это было всего несколько капель. Мы, наверное, можем повременить с аптечкой из-за ожогов.

Она посмотрела на него сквозь густые ресницы. Боже, она была красива. Этакая девушка из соседнего дома. Большие ореховые глаза и веснушки на высоких скулах напомнили ему олененка. Когда она наклонилась через стойку и вытерала его руку, он

старался не смотреть вниз на ее грудь.

Что, черт возьми, со мной не так?

Он действительно не был таким парнем. Вернув взгляд к ее лицу, он понял, что она ему знакома.

Не то чтобы это было большой неожиданностью. Возможно, он ходил с ней в школу, или играл в футбол с ее братом, или целовался с ее кузиной на школьных танцах. Ему следовало бы спросить ее имя, чтобы узнать, кто она и, кто ее родственники, но он этого не сделал. Потому что тогда и ему пришлось бы сказать, кто он такой.

Он поднес кружку к губам и проглотил полный рот кофе, наблюдая, как она вытирает стойку. Он почти не чувствовал вкуса, пока пил.

— Хочешь добавки? — спросила она его.

— Было бы неплохо, — мужчина протянул свою кружку. На этот раз она была очень осторожна, наливая медленно и оставляя несколько сантиметров пространства между кофе и ободком его кружки. — Я закажу через минуту. Все еще пытаюсь принять решение.

— Не спеши. Все равно Мерфи там еще полусонный. Я всегда говорю клиентам не ожидать ничего съедобного раньше восьми утра.

Грей рассмеялся.

— Так вот почему здесь так пусто?

Она покачала головой.

— Пусто потому, что все спят, сколько могут, пока не началась служба в церкви. По воскресеньям мы ничем не заняты, пока служба не закончится.

— Все ходят в церковь?

До сих пор?

Грей не переступал порог церкви уже много лет.

— Почти все.

— Кроме тебя.

Она усмехнулась.

— Я молюсь в «Церкви кофе».

— Ты попадешь в ад, — он подмигнул ей.

— Я там была. Осталась на несколько лет, получила футболку и решила больше туда не возвращаться, — она подняла бровь, опираясь локтем на стойку и положив подбородок на ладонь. — Уверена, что у дьявола есть более важные люди, чем я, на которых он может сосредоточиться.

Ее губы изогнулись, и это что-то сделало с ним. Губы были абсолютно без помады, но такие же пухлые, как и те, что он видел в Лос-Анджелесе.

Точно!

Он просто слишком долго не занимался сексом. Но мысль о том, чтобы исправить это в Хартсонс Крик, заставила его рассмеяться. Сплетни здесь разлетались быстрее скорости света, и он больше беспокоился о том, что тетя Джина узнает об этом, чем о том, что какая-нибудь сплетница получит деньги за такую информацию.

— Ладно, думаю, я готов сделать заказ. Я возьму блинчики с кленовым сиропом. А на гарнир — клубнику, она у вас есть?

— Конечно, есть.

— Я возьму свежую, порезанную в миске.

— Хочешь яичницу? — спросила она его.

— Нет.

— Хорошая мысль. Однажды к нам приходил кулинарный критик из «Стэнхоуп Дейли». Она назвала ее несъедобной, — она покачала головой и наклонилась чуть ближе. — Это в некотором роде обман. На самом деле она сказала: «Поедание жареных яиц в закусочной Мерфи напомнило мне первый раз, когда я подарила своему парню глубокую привязанность (минет). Читатели, советую вам сплевывать, а не глотать», — девушка сморщила нос.

Грей разразился смехом.

Боже, она такая милая.

Ему очень хотелось проверить, так ли хороши на ощупь эти губы, как они выглядят. Он хотел провести пальцами по волосам и убедиться, что они такие же шелковистые, как ему казалось.

— Определенно, попридержи яйца, — сказал он ей. И когда она повернулась, чтобы уйти на кухню, он отвел взгляд и уставился в окно, выходящее на площадь. Да, она была красива, но он привык к красивым девушкам. И он точно не нуждался в подобном осложнении.

После того как он уничтожил две тарелки лучших блинчиков Мерфи, Грей вышел из закусочной, его длинные, обтянутые джинсовой тканью ноги в несколько шагов преодолели расстояние от стойки до двери. Как только за ним закрылась дверь, лицо Мэдди вспыхнуло. Через стекло она увидела, как он поправил на голове шерстяную шапку, затем засунул руки в карманы и двинулся вниз по улице. Его щеки были втянуты, губы сжаты, как будто он насвистывал. Она схватила пустую тарелку и тяжело вздохнула.

— Мерф? — позвала она.

— А? — он сидел на стуле в углу, читал газету, на его лице была глупая улыбка. Это было странно, потому что Мерфи никогда не улыбался.

— Что ты читаешь?

— Анекдоты.

— Похоже, они тебе нравятся.

— Они дерьмовые, — и как будто он только что понял, что улыбается, Мерфи нахмурил брови, свернул газету и бросил ее через всю комнату. — Не знаю, зачем я вообще покупаю эту дрянь.

Мэдди сдержала усмешку. Мерфи годами культивировал в себе образ ворчливого старика.

— Я собираюсь сделать перерыв. В закусочной никого нет, но я буду смотреть, если кто появится и сразу вернусь.

— Ха, — он кивнул и снова перевел взгляд на газету на полу.

Приняв это как согласие, она налила себе кружку кофе, добавила сливки и пошла к скамейке, установленной в центре городской площади. Это было ее любимое место для отдыха, особенно когда здесь никого не было. Летом она закрывала глаза и вдыхала аромат розового сада, разносимый теплым ветерком. А зимой она плотно застегивала пуховую куртку и прижималась к кружке, словно к согревающему огню.

— Забыл спросить, как тебя зовут, — ровный, глубокий звук его голоса заставил ее подпрыгнуть.

Мэдди подняла голову и увидела, что Грей стоит над ней, его высокое тело загораживало утреннее солнце.

— Мое имя? — повторила она, ее брови сошлись вместе.

— Да, я хочу написать отзыв в Трип Эдвайзор. Скажу всем читателям, что ты посоветовала мне избегать яичницы-глазуньи.

Мэдди сдержала улыбку.

— В таком случае, меня зовут Кора Джин, — сказала она ему. — Хочешь, чтобы я произнесла его по буквам?

— Ты не похожа на Кору Джин.

Он наклонил голову набок, его темно-синие глаза поймали ее взгляд. Она забыла, насколько он притягателен. Как он привлекает всех к себе. Она обхватила свободной рукой деревянную планку скамейки на случай, если ее тело решит броситься на него.

— А как выглядит Кора Джин?

Уголок его губ дернулся.

— Я в некотором роде влип, не так ли? Если я скажу тебе, что Кора Джин выглядит лет на шестьдесят, с испачканными никотином пальцами и усами, лучше, чем я когда-либо смогу отрастить, а твое имя действительно окажется Кора Джин, то ты захочешь меня побить.

— А если меня зовут не Кора Джин?

Его голос понизился.

— Тогда я бы сказал, что не удивлен, потому что тебе точно далеко до таких усов.

— Ты настоящий сладкий болтун.

— Ты так на меня влияешь, Кора Джин, — он усмехнулся.

Ее собственные губы дрогнули. Было почти невозможно не улыбнуться ему.

Боже, как он хорошо выглядит.

Серая толстовка с длинными рукавами не скрывала ни очертаний его груди, ни размеров бицепсов, а темные джинсы прижимались к его заднице, словно не хотели отпускать.

Когда они впервые встретились взглядами в закусочной, она ожидала, что он сразу же узнает ее. Она не так уж сильно изменилась с тех пор, как была ребенком, — по крайней мере, ей так казалось. Но в его глазах не было и намек на узнавание, когда она вытирала кофе с его пальцев.

И по какой-то странной причине ей это понравилось. Ей не нужно было объяснять, почему она все еще живет здесь, в Хартсонс Крик, спустя годы после того, как должна была уехать. Не нужно было говорить ему, что пока он возглавлял чарты в пяти разных странах, она жила со своей мамой и разносила тарелки, чтобы сохранить крышу над головой.

На несколько минут ей понравилось быть кем-то другим. Но это было мимолетно, она знала это. Кому-то достаточно было пройти мимо и поприветствовать ее, чтобы он понял, кто она такая. В этом городе никто не оставался неузнанным.

— Мой перерыв окончен, — сказала она ему, проглотив последний глоток кофе. — Мне нужно возвращаться.

Он кивнул и сделал шаг назад.

— Приятно было познакомиться с тобой, Кора Джин. Спасибо за завтрак и за то, что спасла меня от яичницы со вкусом спермы.

Она засмеялась и покачала головой, перекинув косу через плечо, когда вставала.

— В любое время.

Затем она повернулась и пошла к закусочной, не оглядываясь, потому что ее горло итак

было слишком сжато, чтобы снова смотреть на него. Как только она открыла дверь и шагнула внутрь, она с облегчением выдохнула.

Грей Хартсон позавтракал вместе с ней. Если бы она рассказала эту историю в «Стульях», о ней говорили бы несколько недель.

Именно поэтому она ничего не рассказала.

Глава 5

— Никогда не думала, что застану день, когда ты будешь добровольно идти в церковь, — сказала тетя Джина, положив руку ему на локоть. Они поднимались по ступенькам к Первой баптистской церкви, расположенной прямо на городской площади.

— А что еще делать в воскресенье утром? — пожал Грей плечами.

— Бекка и Таннер нашли, чем заняться.

— Они еще даже не проснулись, — Грей улыбнулся своей тете. — А у меня явно все виды акклиматизации. Мое тело не знает, вчера это или завтра.

— Ну, ты хороший мальчик, — она вынула руку из-под его логтя и погладила его по лицу. — Хотя ты мог бы и побриться.

— Я надеюсь, что Бог простит несколько волосков.

Он толкнул дверь церкви и тяжело сглотнул, когда все повернулись посмотреть на них. Скамейки были заполнены верующими и, похоже, не верующими. Он видел, как несколько из них яростно звонили по своим телефонам. Он тяжело сглотнул, надеясь, что слух о его присутствии здесь не распространится слишком быстро.

— Сегодня много народу, — пробормотала тетя Джина, похлопав его по руке. — Много молодых людей, — она состроила гримасу, увидев телефоны. Когда они проходили мимо одной девушки, которая откровенно записывала его, Джина бросила на нее взгляд. — Ты можешь в это поверить? — прошипела она. — Они даже не стесняются этого.

— Все в порядке. Я привык к этому.

— А я нет, — между ее бровями появилась глубокая морщина. — Это так грубо.

Грей подвел ее к скамейке в нескольких рядах от первого ряда, и все зашевелились, чтобы освободить для них место. Он узнал несколько лиц — родителей его старых друзей и друзей его родителей. Их лица были немного более изможденными, волосы блее, чем в те времена, но они были все те же.

Кто-то потрепал его по плечу, и он повернулся, чтобы увидеть телефон, протянутый девочкой-подростком.

— Могу я сделать с тобой селфи?

— Да. Конечно.

Не успел он произнести последнее слово, как она уже разместила свое плечо рядом с его плечом и направила телефон на их лица.

— Эй, — сказала она, сделав, казалось, сотню снимков. — Ты собираешься петь сегодня?

— Конечно, он будет петь, — ответила девушка рядом с ней. По цвету их волос и сходству лиц он решил, что они сестры. — Это церковь. У нас есть гимны, идиотка.

— Я имела в виду выступление. Соло. Разве это не потрясающе? Я могу записать его, — глаза первой девушки загорелись. — У тебя есть аккаунт в Insta? Я отмечу тебя на фотографии. О, а ты можешь прокомментировать его? Это сведет Эллу Джексон с ума. Она говорит, что она твоя самая большая поклонница, но она даже не знает всех слов песни «Вдоль реки».

Орган взвыл, его глубокие ноты заглушили любой возможный ответ. Да и не было его. Грей повернулся лицом вперед, когда вошел преподобный Мейтланд, его длинная белая мантия развевалась за ним.

Грей все еще чувствовал жжение на затылке. Оно подсказывало ему, что за ним наблюдают. Возможно, ему следовало взять с собой охрану, но серьезно, какой мудака будет приводить охрану в местную церковь? Это была проигрышная ситуация. Либо он сидел здесь и терпел, либо вел себя как дива и проваливал. Когда тетя Джина подняла на него глаза и ее обеспокоенное выражение лица осветилось полумраком, он понял, что попал впросак.

Ему просто нужно было пережить следующий час. Он ведь сможет это сделать, не так ли?

И тогда он избежит церкви в течение следующего тысячелетия или около того.

Мэдди работала в тихой закусочной, протирая столы, которые уже были чистыми и раскладывала меню, сложенные в держатель на прилавке. Она всегда ненавидела эту часть воскресенья — «затишье перед бурей». Как только служба заканчивалась, все спешили в закусочную, чтобы побыстрее занять свои любимые места.

На прошлой неделе между Мэри-Эллен Джонс и Люси Дэвис чуть не произошла драка, когда они обе попытались втиснуть свои пышные зады в кабинку возле входной двери. Потребовалось десять минут переговоров и предложение бесплатной выпечки, прежде чем Люси убедили занять кабинку позади нее.

Раздался звонок над дверью, и вошла Кора Джин, ее великолепные серебристые волосы были убраны назад в идеальный пучок. Несмотря на возраст, она была бодра и по-прежнему любила работать каждое воскресенье, чтобы помочь справиться с послецерковной суетой. Ей также удавалось вселить страх божий в большинство подростков Хартсонс Крик.

Встреча с Корой напомнила Мэдди о ее разговоре с Греем.

Он ведь не собирается писать отзыв для Трип Эдвайзор?

Если он это сделает, ей придется опровергнуть его и извиниться перед Корой Джин.

О Боже, а что если это станет вирусным сообщением?

Она покачала головой над собственным идиотизмом. Тогда это казалось таким забавным — притвориться кем-то другим.

— Что все эти люди делают возле церкви? — спросила Кора Джин, вешая куртку на ряд крючков рядом со стойкой. — Я не видела столько молодых людей в такую рань с тех пор, как вышла последняя книга о Гарри Поттере.

— Это было десять лет назад, — сказала Мэдди, забавляясь.

— Да, люди уже не воспитывают детей так, как раньше. Они слишком заняты просмотром видео на своих телефонах и написанием бляней, чтобы думать о книгах, — Кора Джин натянула фартук на голову, умело избегая волос. — Знаешь, я скучаю по тем временам, когда вы все были телевизионными наркоманами.

— Бляния? — повторила Мэдди.

— Знаешь, эта штука с Твиттером. Блять. Только не говори мне, что ты не знаешь, что это такое?

— Это чириканье. Как у птиц. Поэтому он и называется Твиттер, — Мэдди пришлось подавить смех. — И я не уверена, что дети еще этим пользуются. Скорее Snapchat и Instagram. В любом случае, почему у церкви так много людей? Там крестины или что-то в этом роде?

— Насколько я знаю, нет, — Кора Джин пожала плечами. — Они все сидят на

ступеньках, как будто ждут автобус. С телефонами в руках, конечно же.

— Я пойду посмотрю.

Мэдди подошла к двери и выглянула наружу. Первая баптистская церковь находилась в противоположном углу большой зеленой площади, частично заслоненная сценой и дубами, которые росли вокруг нее. Она все равно задрала голову, но это было бесполезно. Она ничего не могла разглядеть.

— Ты не против, если я отлучусь на минутку? — спросила она Кору Джин, которая кивнула.

Выйдя на улицу, Мэдди обошла площадь и остановилась на другой стороне, где собралось не менее тридцати человек. Все они смотрели на побеленные стены здания Первой баптистской церкви. Когда огромные деревянные двери открылись, толпа зашумела. Те, кто сидел на ступеньках, встали и направились к открытой двери. Остальные присоединились к ним, расталкивая всех локтями и держа свои телефоны наперевес.

— Грей Хартсон там? — крикнула одна из девушек.

— Да, мы хотим Грея.

Шум усилился и Мэдди замерла на месте, немного потрясенная и слишком увлеченная. *Грей действительно был там? О чем, черт возьми, он думал?*

Хартсонс Крик, возможно, и был маленьким сонным городком, но он не был коматозным. Новости здесь распространялись так же быстро, как в Лос-Анджелесе, Нью-Йорке и других городах, к которым он привык. Да даже быстрее, и все потому, что скучающим людям нравились сплетни.

В дверях показался преподобный Мейтланд. Даже отсюда Мэдди могла видеть на его лице замешательство, по поводу внезапного интереса местных детей к Первой баптистской церкви. Он протянул руки, и она надеялась, что толпа расступится, как Красное море. Но вместо этого, две девочки проскочили за ним и вбежали в здание.

— Юные леди! — воскликнул преподобный Мейтланд, сведя брови. — Служба окончена.

Мэдди подавила смех. Все это было так абсурдно. И так необычно для воскресенья в Хартсонс Крик.

Другой подросток столкнулся с преподобным Мейтландом и улыбка сползла с лица Мэдди. Кто-то определенно пострадает. Преподобный Мейтланд шагнул вперед, чтобы поддержать себя и освободившееся место тут же заполнили еще люди.

Мэдди набрала в рот побольше воздуха и пошла к церкви, нахмурившись, когда преподобный Мейтланд опустил еще на пару ступенек.

— Эй! — позвала она, пытаясь протиснуться сквозь всех людей. — Вам, ребята, нужно остыть. Перестаньте толкаться.

Они как будто ничего не слышали. Они продолжали толкаться друг с другом и с преподобным. Мэдди пришлось расталкивать людей локтями, чтобы добраться до него.

— Вы в порядке?

— Я в порядке, — сказал он, немного задыхаясь. — Может быть, немного ушибся. Но там есть молодой человек, которому гораздо хуже, чем мне.

— Грей там? — спросила она. Несмотря на то, что ее голос был низким, упоминание его имени заставило толпу снова зареветь.

— Боюсь, что да. Я сказал им всем оставаться на местах, пока я пойду посмотрю, что здесь происходит. И теперь я не могу войти обратно.

— Вы можете позволить преподобному вернуться в его церковь, пожалуйста? — обратилась она к толпе на ступеньках. — Давайте, проявите немного уважения.

Очевидно, уважение здесь было дефицитным товаром. Но ее локти, похоже, сработали там, где не сработала ее просьба и каким-то образом ей удалось помочь преподобному Мейтланду вернуться на крыльцо.

— Вам, наверное, стоит закрыть двери, — сказала она ему, когда они дошли до двери. — Я позвоню в полицию и попрошу разобраться с этими подростками.

— Единственный дежурный — Скотт Дэвис. Эти дети съедят его на завтрак, — сказал ей преподобный Мейтланд. — Нам нужно вытащить отсюда Грея Хартсона. Это должно унять ветер в их парусах.

— Где он?

— Был в третьем ряду, когда я видел его в последний раз.

Преподобный Мейтланд жестом указал на середину церкви. Никто больше не сидел. Они все толпились вокруг, быстро переговаривались, их глаза были расширены, как будто ничего подобного в Хартсонс Крик никогда не происходило.

— Задняя дверь открыта? — спросила она.

— Да. Нужно просто нажать на предохранительную перекладину. Но там некуда идти, кроме как к передней части церкви.

Она хорошо это помнила. Задняя часть Первой баптистской была окружена дворами, за которыми находились улицы. А перед ними была река. Неважно, шли вы пешком или ехали на машине, единственный выход шел вокруг городской площади.

— Я разберусь с этим, — пробормотала она. — Или это, или скормить его волкам.

Глава 6

— Это глупо, — сказал Грей своей тете, когда она взяла его за руку. Он был раздражен всей этой суетой, происходящей вокруг него. — Я просто пойду туда и позволю им сделать несколько фотографий. И им это скоро надоест.

Он пошел прочь, но она ухватила за него крепче. Он мог бы легко освободиться, но не хотел случайно причинить ей боль.

— Оставайся здесь, — твердо сказала она. — Преподобный Мейтланд разберется с этим.

«Рок-звезда вызвал переполох в церкви. Ослепленная толпа причинила вред прихожанам».

Он мог с легкостью представить такие заголовки газет.

В конце концов, он был достаточно крупным и достаточно сильным, чтобы позаботиться о себе и не допустить трагедии.

— А вот и преподобный Мейтланд, — сказала женщина, стоявшая рядом с ними. — И он не выглядит очень счастливым.

— Все в порядке? — спросила тетя Джина, когда преподобный Мейтланд подошел к ним. — Толпа ушла?

Она ослабила хватку. Грей воспользовался случаем и освободил руку.

— Извините за это, — сказал он преподобному. — Я пойду, поговорю с ними и попрошу их уйти. Так все смогут продолжить свой день.

— Нет, я действительно не советую этого делать, — щеки преподобного Мейтланда были розовыми. — Они немного... перевозбуждены. Я хочу, чтобы ты ушел через заднюю дверь, ту, что между кафедрой и органом. Там кое-кто ждет, чтобы помочь тебе выйти.

Грей посмотрел на дверь, затем снова на преподобного.

— Через заднюю дверь? — повторил он. — Вы хотите, чтобы я побежал туда? Я их не боюсь, все будет в порядке.

Это становилось безумием. Это был Хартсонс Крик, а не Голливуд.

— Может, ты и будешь в порядке, но я беспокоюсь о девушках там. Будет безопаснее, если ты исчезнешь.

— Он прав, Грей, — сказала ему тетя Джина. — Будет проще, если ты уйдешь через заднюю дверь.

— Хорошо. Я уйду. Даже если это все чертовски безумно. Ты идешь?

Она покачала головой.

— Я буду вас тормозить.

— Мы позаботимся о ней, — сказал ему преподобный Мейтланд. — Как только ты уйдешь, толпа разойдется. И тогда, возможно, я смогу позавтракать.

— Грей! Грей Хартсон! Где ты? — крикнул кто-то.

— Ты должен уйти сейчас же! — резко сказал преподобный.

Грея и раньше вытаскивали из разных мест. Обычно в окружении охраны, с опущенной головой, пока он не оказывался в ожидавшей его машине и не уезжал. Но ему еще никогда не приходилось бежать из церкви. И если быть честным, это казалось ему немного унижительным.

Он покачал головой и поцеловал тетю в щеку.

— Увидимся дома, хорошо?

Она кивнула, и он последовал указаниям преподобного Мейтланда, направился к двери, открыл ее и вышел. Еще один шаг вперед, и он вошел во что-то маленькое, теплое и... черт... он кого-то сбил?

Нет, не кого-то. Ее. Снова.

— Кора Джин? — спросил он, когда она наткнулась на перекладину для одежды на краю крошечной комнаты. — Я сделал тебе больно?

— Нет, — она покачала головой. — Я в порядке, — она поправила мантию, висевшую на перекладине. — Нам нужно выбираться отсюда. Следуй за мной.

— За тобой? — нахмурился Грей. — Куда мы идем? В закусную?

Она усмехнулась, и он обнаружил, что его губы изогнулись в ответ. На ней все еще был фартук закусной Мерфи, надетый поверх обтягивающих джинсов и черной футболки. Даже когда он прикрывал ее тело, невозможно было не заметить изгибы под ним. Она облизнула пересохшие губы, и мужчина постарался не смотреть на них. Честно.

— Мы не пойдем в закусную, — сказала девушка, наклонив голову к двери в другой стороне раздевалки. — Надеюсь, ты регулярно ходишь в спортзал. Мы собираемся пробраться через несколько задних дворов.

Грей поборол желание улыбнуться серьезному выражению ее лица.

Она хочет поиграть в спасителя, кто я такой, чтобы мешать ей?

И если это означало провести с ней немного больше времени, он мог с этим смириться.

— Пойдем, — сказала она, взяв его за руку, и повела к запасному выходу в дальнем конце комнаты.

Девушка попыталась нажать на засов, но он не двигался.

— Дай мне, — пробормотал Грей, надавливая на засов. Он подался с металлическим лязгом и дверь открылась в церковный двор.

Грей огляделся и убедился, что двор пуст.

Слава Богу.

— Куда дальше? — спросил он, позволяя ей вести его за собой.

— Сюда, — она указала на забор. — Мы перелезаем через забор Торсенов, затем пролезаем в дыру в стене Картеров. Ты будешь рад услышать, что между Картерами и Шортлендами есть ворота, — девушка подмигнула ему. — Ходят слухи, что старик Шортленд был в любовной связи с Мэйми Картер и ворота немного упростили ситуацию.

Маленькие городки. Он и забыл, насколько они сводили его с ума.

Первый забор был легким. Грей пошел вперед, легко поднявшись. Его бицепсы напряглись, когда он перемахнул через ограду. Он протянул руку Коре, которая взяла ее и вскарабкалась рядом с ним, и они оба опустились на газон, с другой стороны.

— Где дыра? — спросил он.

Она моргнула.

— Она была там, — сказала она, указывая на пять рядов кирпичей. — Я уверена, что она была достаточной, чтобы пролезть.

— И часто ты пробиралась через нее?

Она закусила губу между зубами и чертыхнулась.

— Я не была большой поклонницей церкви, когда была ребенком, — призналась девушка. — Всякий раз, когда проповедь становилась скучной, я уходила в уборную и скрывалась на некоторое время. Никто никогда не замечал.

— Ты действительно попадешь в ад, — он усмехнулся.

— Может быть, мы постучим в заднюю дверь Торсенов? Они нас пропустят.

Грей покачал головой.

— Нет. Не будем их впутывать. Кроме того, я хочу посмотреть, как ты взбираешься на стену.

Она подняла бровь, и ему захотелось опустить ее обратно.

— Ты думаешь, я не смогу это сделать?

— Я этого не говорил. Просто сказал, что хочу посмотреть.

— Хм.

Девушка подошла к стене и осмотрела ее вдоль и поперек, словно пытаясь найти самый легкий путь. Стена возвышалась над ней. Даже была выше его самого, но с помощью прыжка и силы рук он был уверен, что сможет ее преодолеть.

Она наклонила голову в сторону и сжала руки. Грей смотрел, как девушка пружинится на ногах, ее тело напряглось, готовясь к старту.

— Пожелай мне удачи, — пробормотала она и согнув колени, прижалась к траве, а затем подпрыгнула вверх, кончики ее пальцев коснулись верхушки стены.

Затем она упала обратно, ее ноги ударились о газон. Грей кинулся вперед, пока ее тело не ударилось о его с некоторой силой. Достаточно сильно, чтобы у него перехватило дыхание.

— Уф.

Она прислонила свое тело к нему, и его окутало ее тепло. Ему пришлось сжать руки в кулаки, чтобы удержаться от желания обхватить ее и впиться пальцами в ее кожу.

Девушка откинула голову назад к его груди, пока они не встретились взглядами. В них был жар и напряжение, как будто она могла читать мысли. Грей сглотнул, потрясенный тем, как его тело откликнулось на ее взгляд. Если бы это было другое время, другое место...

— Кто там? — раздался голос из дома в дальнем конце двора. Он посмотрел и увидел фигуру, стоящую на крыльце и уперевшую руки в бедра.

— Это Делла Торсен, — пробормотала Кора.

Грей поднял руку в знак приветствия.

— Может, уйдем отсюда? — спросил он девушку.

— Ты иди. Я брошусь к ногам Деллы и буду умолять о прощении.

— Оставь свои мольбы для другого раза, — сказал он, его голос был сиплым. — Я помогу тебе перебраться через стену.

— И как ты собираешься это сделать?

— Вот так, — он сцепил пальцы вместе, ладонями вверх, затем опустил перед стеной.

Девушка вздохнула.

— Я слишком тяжелая. Я сломаю тебе пальцы.

— Все в порядке, они застрахованы.

Она посмотрела на него.

Грей усмехнулся.

— Эй, думаю, ты знаешь, кто я. Эти пальцы — мои инструменты. Если я их потеряю, я потеряю много денег.

— Это хорошая причина для меня не стоять на них, — сказала она ему. — И для протокола, я всегда знала, кто ты. На тебе была шапка, а не маска.

— Что ж, спасибо, что не оказываешь мне особого внимания.

— Я предупредила тебя о яйцах, — заметила она. — Я бы назвала это особым отношением.

— Я вызываю полицию, — крикнула Делла со своего крыльца. — Вы нарушаете частную территорию!

— Пойдем, — призвал Грей Кору. — Давай выбираться отсюда.

Со скептическим выражением лица она вставила ногу в колыбель, которую он сделал своими ладонями и протянула руки вперед. Грей встал и, сгибая руки, подтолкнул ее вверх, пока она не уперлась ладонями в верхнюю часть стены.

— Что мне теперь делать? — воскликнула девушка. — Я не думаю, что смогу перемахнуть самостоятельно.

— Просто продолжай держаться. Я дам тебе еще один толчок, — на этот раз он скользнул руками по ее теплым, обтянутым джинсовой тканью бедрам. — Я собираюсь толкнуть еще раз, — сказал он ей. — Постарайся подхватить движение.

— Я выпускаю собак, — крикнула Делла Торсен. — Сиким, Доджер.

— Доджеру семнадцать лет и у него недержание, — пробормотала ему Кора. — Не обращай на нее внимания.

Грей скользнул руками по ее заду, затем подбросил вверх и отпустил, когда она взмахнула ногами под напором его толчка. Ее нога едва не задела его лицо и ему пришлось отступить назад, чтобы избежать столкновения, но, конечно, девушка успела перемахнуть через стену. Он прыгнул с разбега и дотянулся до верхушки забора, легко перемахнув через него, прежде чем упасть на другую сторону.

— У тебя все выглядит так просто, — пробормотала она. — Это нечестно.

На этот раз они не стали останавливаться, чтобы узнать, собирается ли хозяйка дома выпустить своих собак. Грей взял ее за руку, и они побежали к воротам в конце двора. Калитка была закрыта на засов, замок заржавел, но ему удалось справиться с ним и открыть

калитку, чтобы выпустить Кору первой.

Как только ворота закрылись за ними, он начал смеяться. Не только потому, что все его утро было совершенно абсурдным, но и потому, что адреналин, бурлящий в его разгоряченных венах, заставлял его чувствовать себя на высоте. Он прислонился к забору и, откинув голову назад, разразился громким смехом.

— Это не смешно, — сказала Кора, хотя она тоже смеялась, да так, что из ее глаз полились слезы. — Представь себе заголовки газет: «Грея Хартсона растерзала адская гончая, когда он бежал из церкви». Ты никогда не переживешь этого.

— Моему пиарщику это понравится, — сказал он. — Это было бы здорово для продаж.

Еще одна слеза скатилась по ее щеке. Не думая, Грей протянул руку, чтобы вытереть ее кончиком пальца, ощущая тепло ее кожи. Она покраснелась, щеки розовели и светились, и это что-то с ним сделало.

Что-то чертовски хорошее.

— Ты очень красивая, — сказал он Коре, его голос был мягким. Сквозь тяжелые веки мужчина рассмотрел ее. Высокие скулы, мягкие губы, такой прямой нос, что он мог бы провести по нему ровную линию и эти чертovy глаза, которые больше не плакали.

Вместо этого они смотрели на него.

Девушка была всего в паре шагов от него, но казалось, что это слишком далеко. Шаг вперед сократил расстояние. Затем Грей провел пальцем от ее скулы вниз к губам, прорисовывая бантик на верхней губе, а ее теплое дыхание ласкало его кожу.

Боже, она такая теплая и мягкая.

Он провел ладонью по ее шее, наклоняя лицо вверх. И все это время она молчала, взглядом оценивала его, как будто ждала, что он сделает дальше.

Он наклонился ближе, и ее грудь напряглась. Обхватив другой рукой ее талию, Грей притянул девушку к себе. Потребность в ней пульсировала в нем, желание заменило адреналин в его крови.

Она моргнула, и он готов был поклясться, что чувствует ее ресницы на своей коже. Его губы были на расстоянии дыхания от нее, так близко и он чувствовал вкус ее желания на кончике своего языка.

— Кора, — прошептал он, опуская свой рот к ее. — Что ты делаешь со мной?

Словно щелкнул выключатель. Она рывком откинула голову назад, разрывая связь между ними. Проведя кончиком языка по нижней губе, она покачала головой и сделала шаг назад.

— Мне жаль. Теперь с тобой все должно быть в порядке. Мне нужно идти... — девушка посмотрела на часы.

Настала очередь Грея моргать.

Что, черт возьми, только что произошло?

В одну минуту казалось неизбежным, что его губы окажутся на ее губах. А в следующую? Как будто кто-то вылил на него ведро ледяной воды.

Он открыл рот, чтобы поблагодарить ее, но она уже бежала в сторону городской площади, не оглядываясь на него. Грей со вздохом смотрел ей вслед. Эта девушка была чертовски интригующей. И если она думала, что сможет сбежать от него, то он точно знал, что не допустит этого.

Завтрак в закусочной может стать его новым любимым занятием.

Глава 7

— Не может быть, чтобы ты бегал по чужим дворам и скакал через заборы, — произнес Таннер, покачивая головой, после рассказа Грея о его побеге из церкви. Он был дома уже несколько часов и тетя Джина приготовила обед. Грей с Таннером прибирались на кухне, пока она и Бекка сидели с его отцом. — Ты все выдумываешь.

— Нет. Иди и спроси Кору Джин в закусочной. Это она мне помогла.

— Кора Джин? — Таннер поднял темную бровь. — Ты хочешь сказать, что Кора Джин перепрыгнула через высоченный забор? — он усмехнулся. — Теперь я точно знаю, что ты лжешь.

— Почему? — спросил Грей, его голос был полон недоумения.

— Потому что Коре Джин семьдесят четыре года. Ты, наверное, помнишь ее с тех пор, как мы были детьми. Она всегда кричала на нас за беспорядок, — Таннер нахмурился. — Да ладно, ты должен помнить?

— Я действительно не помню никакой Кору Джин, — он нахмурился, пытаясь заставить свой мозг работать. — погоди... ты имеешь в виду Боевого Топора?

— Да, — Таннер кивнул. — Маленькая старушка. Белые волосы собраны в пучок, — он вздохнул. — И, по-видимому, очень хорошо умеет лазать на заборы.

Грей провел подушечкой большого пальца по нижней губе.

— Она не была старой, — сказал он Таннеру, на лице которого появилась ехидная ухмылка. — Ей было не больше двадцати пяти.

Она была молода, красива и заставляла его смеяться так, как он делал это когда-то.

И он хотел целовать ее до тех пор, пока у них обоих не перехватит дыхание.

— Но она сказала, что ее зовут Кора Джин?

— Да. Она работает в закусочной.

— Что я могу тебе сказать, — Таннер пожал плечами. — Единственный человек моложе пятидесяти лет, работающий в закусочной — это Мэдди, и я уверен, что ты ее знаешь, поскольку встречался с ее сестрой в течение трех лет.

У Грея пересохло во рту.

— Мэдди Кларк? Сестра Эш?

Таннер рассмеялся.

— Я так и сказал.

Это было невозможно. Мэдди Кларк было четырнадцать лет, и она носила брекеты. Грей потряс головой, пытаясь прогнать мысли.

— Что насчет Мэдди Кларк? — спросила Бекка, неся пустую тарелку на кухню.

— Грей пугает Кору Джин Мастерс и Мэдди Кларк, — глаза Таннера заблестели. — Это легко сделать.

— Вся эта слава вскружила ему голову, — Бекка закатила глаза. — И, судя по тому, что сказала тетя Джина, Мэдди Кларк спасла твою задницу. Эти девочки-подростки хотели съесть тебя на завтрак.

Грей все еще пытался осознать это.

— Мэдди Кларк, — повторил он. — Я не знал, что она все еще живет в городе.

Бекка взяла свежее полотенце из ящика и помогала Таннеру вытирать посуду, пока Грей ставил ее на стойку.

— Она уехала на некоторое время. Поступила в Анселл, чтобы изучать музыку, — сказала она ему. — Но что-то случилось, и она снова вернулась домой.

— Что-то случилось? — повторил Грей. В нем поднялось любопытство. — Что

случилось?

Все знали, что в Анселл поступают только лучшие. Колледж исполнительских искусств в Нью-Йорке имел одну из самых престижных музыкальных программ в стране.

— Полагаю, она вернулась, чтобы присмотреть за мамой, — Бекка пожала плечами. — Очень жаль, потому что я думала, что у нас появится еще одна звезда, — его сестра усмехнулась. — Это могло бы меньше вскружить твою голову.

— Мэдди выступала?

— Она играла на пианино. До сих пор играет.

— Точно, теперь я вспомнил, что она играла. Помню, у нее были уроки с ее мамой, когда я встречался с Эш, — он нахмурился, вспоминая те дни.

Эшли в костюме чирлидерши, у Грея всегда синяк или два после футбола. Маленькая Мэдди сидела за пианино, ее мама наклонялась к ней, чтобы показать на ноты, лежащие перед ней.

Он почти чувствовал аромат жаркого, доносящегося из кухни.

— Но теперь она работает в закусочной?

— И преподает игру на пианино, — Бекка пожала плечами. — Уже несколько лет.

Он хотел спросить еще что-нибудь, но Бекке уже стало любопытно, почему он задает столько вопросов. Еще чуть-чуть, и она сама бы могла задать несколько. А сейчас он не был готов на них отвечать.

Пару часов назад Грей чуть не поцеловал младшую сестру своей бывшей девушки. И не сложно представить, какую бы гору дерьма это все вызвало.

Грей закончил мыть последнюю тарелку и поставил ее на полку, затем слил воду. На слив ушла целая вечность, что заставило его напрячься.

— В этом доме хоть что-нибудь работает так, как надо? — спросил он.

— Нет, — Бекка усмехнулась.

И разве это было не правдой?

После такого утра ему захотелось что-нибудь ударить.

— Я собираюсь подняться в свою комнату и поиграть на гитаре, — сказал он, когда они закончили убирать посуду. — Увидимся позже.

Немного игры на гитаре было то, что нужно его душе. Что угодно, лишь бы отвлечься от этого дома, этого города и этих чертовых жителей, которые сводили его с ума.

Особенно от той, которая заставляла его смеяться и хотеть ее целовать, а также та, которая лгала ему в лицо о своем имени.

Да, особенно, от Мэдди Кларк.

— Входите, — позвала Мэдди племянников, распахивая дверь с ухмылкой на лице.

Маленькая Грейс бросилась к девушке, и та едва успела поймать ее, не упав. Картер попятился назад, на его лице появилась застенчивая улыбка, когда он потянул за воротник рубашки.

— Привет, дружок, — сказала Мэдди, взъерошив его светло-каштановые волосы. — Выглядишь нарядно.

— Что значит «нарядный»? — спросил он.

— Значит модно. Но это старомодное слово. Так одевались парни, которые умели ухаживать за женщиной.

— А что такое ухаживать? — спросила Грейс, спускаясь с рук Мэдди. — Это что-то

связанное с ведьмами?

— Ты опять путаешь моих детей? — спросила Эшли, поднимаясь по ступенькам к месту, где стояла Мэдди.

— Мама, что такое ухаживать? — спросила Грейс, почесывая макушку своих светлых волос.

Смущенные глаза Эшли встретились с глазами Мэдди.

— Я рассказывала ей про ухаживания, — сказала Мэдди. — Как в старые времена.

— Ухаживание — это когда мужчина хочет сделать женщину счастливой, — сказала Эшли, закатив глаза на Мэдди. — Но это не то слово, которое вам обоим понадобится еще долгое время. А теперь идите в дом и повидайтесь с бабушкой. Я хочу поговорить с тетей Мэдди.

Девушка отошла в сторону, чтобы Грейс и Картер могли проскользнуть мимо, их ботинки стучали по деревянному полу, пока они бежали на кухню. Она услышала глубокий голос мамы, приветствующей их, за которым последовали более высокие тона ответов детей.

— Все в порядке? — спросила Мэдди свою сестру.

Эшли выглядела прекрасно, как всегда. Ее светлые волосы были убраны в низкий пучок, а простые линии темно-синего платья подчеркивали ее стройную фигуру. Мэдди чувствовала себя неловко, стоя рядом с ней в футболке и джинсах, но что в этом нового?

Она всегда была в тени Эшли. Со временем смирившись с этим. Даже смеялась над этим. И, если иногда ей хотелось, чтобы люди не сравнивали их так сильно, то это было нормально, не так ли?

Эшли погладила ее по волосам.

— Есть новости в городе? — спросила она с невинным выражением лица. — Есть что-нибудь, о чем я должна знать?

Мэдди пожала плечами.

— Например?

— Я слышала, что Грей был сегодня в церкви и вызвал переполох. Мне интересно, видела ли ты что-нибудь из закуской?

На мгновение Мэдди замерла.

Знает ли Эшли нашем побеге? Или, что еще хуже, о почти поцелуе?

— Что, например? — спросила она, стараясь говорить, как можно ровнее.

— Не знаю. Я просто решила спросить, — Эшли выглядела задумчивой. — Как ты думаешь, мне стоит пойти к нему?

Мэдди моргнула.

— С чего бы тебе это делать? — ее желудок чувствовал себя странно. Как будто внутри него нагревалась жидкость.

Эшли пожала плечами.

— Когда-то я была любовью всей его жизни. Мы встречались три года. Это покажется грубым, если я хотя бы не поздороваюсь, не так ли? — ее голос упал. — Или ты думаешь, что это может произвести на него неправильное впечатление?

Пальцы Мэдди сжались в кулак.

— Разве это не расстроит Майкла? — спросила она.

Муж Эшли не был похож на ревнивца, но, опять же, Мэдди не была уверена, какой он на самом деле. Когда бы она его ни видела, он всегда был таким тихим, как будто не хотел присутствовать на мероприятии, которое они посещали. Он был на десять лет старше Эшли,

что делало его старше Мэдди на шестнадцать лет и она не могла вспомнить ни одной общей черты, кроме Эшли и их детей.

— С чего бы? — спросила Эшли, смеясь. — Не похоже, что я тосковала по нему все это время. В конце концов, я замужем. И я надеюсь, что Грей тоже забыл меня. Прошло больше десяти лет с тех пор, как мы расстались.

— Я не знаю, — ответила Мэдди, все еще чувствуя себя не в своей тарелке. — Просто все это как-то странно, понимаешь?

— Почему ты думаешь, что это странно? Ты его почти не знала. Ты была еще маленьким ребенком, когда он уехал из города, — Эшли покачала своей красивой головой. — Честно говоря, Мэдди, тебе не нужно беспокоиться обо мне. Я просто хочу поступить правильно. Я не хочу, чтобы все говорили обо мне и думали, что я была грубой, если не пришла в гости. Но я также не хочу, чтобы они говорили, что я отчаянно хотела его увидеть, — она вздохнула.

Внешность всегда была важна для Эшли, даже в детстве. Она была самой красивой девочкой в школе, главной болельщицей и, конечно же, ее парень был тем, кого вождедели все остальные девочки.

Иногда Мэдди казалось, что жизнь дается ее старшей сестре гораздо легче, чем ей самой. Чаще всего это казалось забавным. Но иногда это причиняло боль, как будто кто-то разбередил старую рану.

Так и мысли о том, что ее сестра собирается на встречу с Греем Хартсоном, были подобны царапине на ее сердце.

— Мне пора, — сказала Эшли, наклоняясь вперед, чтобы обнять Мэдди. — Спасибо, что помотришь за обезьянками. Мы должны вернуться около восьми. Ты не против одеть на них пижамы? Так будет намного легче уложить их спать.

— Конечно. Я отправлю их в душ и подготовлю ко сну, — Мэдди поцеловала Эшли в щеку. — Приятно провести время.

— Спасибо. Увидимся позже, — она вошла в дом и позвала. — Грейс, Картер, я ухожу. Будьте паиньками для тети и бабушки.

— Пока, мама! — крикнули Грейс и Картер, не потрудившись выйти из кухни.

Эшли спустилась с крыльца, ее высокие каблуки щелкали по каменным ступеням.

Мэдди наблюдала за ней и потрогала свой затылок, поморщившись, когда почувствовала, что ее коса распустилась и как много волос выбилось из нее. Она быстро отдернула руку, покачав головой.

Не было смысла пытаться соревноваться со своей красивой сестрой. Она давно усвоила этот урок.

После ужина с семьей и очередных подколов со стороны Таннера по поводу бегства через заборы, Грей вернулся в свою комнату, сославшись на акклиматизацию, но на самом деле он хотел побыть один.

Он все еще не мог забыть, что именно Мэдди Кларк помогла ему сбежать из церкви.

Когда, черт возьми, она успела повзрослеть? Но самое главное, почему она солгала о том, кто она такая?

Она знала, кто он. Она призналась в этом, когда они пытались перелезть через этот проклятый забор.

Он пытался отвлечься, играя на гитаре. У него был альбом песен, который нужно было

написать и через четыре месяца была забронирована студия, но пальцы, казалось, не работали. Он словно забыл, как писать музыку, как накладывать одну ноту на другую, пока она не превратится в мелодию. Вместо этого каждый раз, когда он прикасался к струнам, они звучали неправильно.

Так неправильно.

Он убрал гитару и принял душ, затем лег в кровать, пытаясь вспомнить, зачем он вообще сюда вернулся.

Потому что ты обещал своей сестре. И твой отец болен.

Да, и то, что он уже целую вечность не возвращался в Хартсонс Крик. В конце концов, сон казался предпочтительнее излишних размышлений.

Через несколько часов появилась первая капля. Он едва уловил ее в дремлющем сознании. Вторая пробилась в его сон в виде дождя. Но именно третья разбудила его.

Не то чтобы это была только капля. Скорее, это был потоп, льющийся с потолка и заливающий все вокруг, включая Грея и его кровать.

Он сел, выплевывая воду изо рта и моргая, его брови сошлись вместе, когда он пытался понять, что, черт возьми, происходит. Вода продолжала литься на вмятину в подушке, где была его голова. Он проследил ее источник — дыру в оштукатуренном потолке, из которой виднелись полусгнившие балки и ржавая труба.

Ржавая труба с дырой.

Он вскочил с кровати и огляделся в поисках ведра, чашки, чего-нибудь, что можно было бы подставить под потоп.

— Таннер! — позвал он. — В потолке течь. Помогите мне.

— Что? — спросил Таннер, вбегая в спальню, одетый только в пижамные штаны. Это было одно преимущество перед Греем, который был одет только в боксеры и бегал вокруг, пытаясь найти чертову чашку.

— Где она? — Бекка появилась, неся ведро.

Слава Богу.

Они с Таннером перетаскивали кровать через всю комнату, затем поставили ведро под протечку.

— Где отключается вода? — спросил Грей.

— Под кухонной раковиной.

Он побежал на кухню, Бекка и Таннер следовали за ним. Когда они проходили мимо комнаты тети Джины, она распахнула дверь.

— Что происходит? — спросила она их.

— Еще одна протечка. На этот раз в комнате Грея, — сказала Бекка своей тете.

Еще одна? На этот раз?

Грей опустился на колени перед раковиной, открыл крашеные деревянные шкафчики и достал хранившиеся там флаконы для чистки, затем наклонился вперед, чтобы повернуть запорный вентиль. Он был неподатливым и ржавым, и его рука болела от того, что он тянулся к нему под неудобным углом. Но в конце концов он повернулся, и мужчина со вздохом сел обратно.

— Когда ты сделал эту татуировку? — спросила Бекка, рассматривая чернила на его теле.

Он посмотрел вниз на свою грудь и на черные всполохи пламени, которые распространялись от груди до плеч.

— Некоторое время назад.

Работа над рисунком заняла больше года, он был тщательно проработан с тату-мастером, который прилетал в ту страну, где он в то время гастролировал. С того момента, как Грей почувствовал, первую иглу проткнувшую его кожу, он знал, что это было правильное ощущение. Было ощущение, что он накладывал броню, защищал себя.

— Красиво, — сказала Бекка, обводя рукой узор. — Но не позволяй папе видеть это. Он был не в восторге от обложки твоего второго альбома.

— Да, мне самому пришлось промывать с отбеливателем глаза, — сказал Таннер, ухмыляясь. — Все эти рекламные щиты в Нью-Йорке с обнаженным телом моего брата, смотрящим на меня сверху вниз. Они вызывали у меня кошмары.

— Ты жалеешь о них? — спросила Бекка, не обращая внимания на Таннера.

— Нет. В моем списке сожалений они находятся в самом низу, — Грей пожал плечами. — Итак, у вас есть номер сантехника? Нам нужно заменить эти трубы.

Глава 8

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что он не заменит все трубы? — спросил Грей, его голос был напряженным. — Это безумие — заменять один кусок трубы, когда знаешь, что нужно менять все. Сколько у вас было протечек за последний год?

— Несколько, — тетя Джина пожала плечами. — Но ты же знаешь своего отца. Он упрямый. И ему не понравилась ни одна из расценок, которые он получил за выполнение работы.

Они сидели за завтраком, Грей потягивал горячий кофе из старой кружки со сколами. Странно, как много вещей здесь требовало ремонта. Не только крыша, водопровод и облупившаяся краска снаружи, но и кухня, и ваннные комнаты оставались такими же, как в его детстве. Казалось, что здесь ничего не трогали годами.

— Сколько это стоит? — спросил Грей. — Я переведу деньги. Ты должна была сказать мне раньше. Ты же знаешь, я бы позаботился об этом. Я найду место, где мы все сможем остановиться, пока будут заменять трубы.

Его злило, что они не попросили его о помощи.

— Я не могла, — сказала тетя Джина, поджав губы.

— Папа не позволил ей, — сказала Бекка, наливая себе кружку кофе.

Им пришлось наполнить кофеварку из наружного крана для этого.

Грей покачал головой.

— У меня больше денег, чем я знаю, что с ними делать, — запротестовал он. — Позволь мне помочь.

— Папа гордый. Ты знаешь это, — Бекка вздохнула. — Он все время говорит, что отремонтирует все сам, когда ему станет лучше. Но ему никогда не бывает лучше, понимаешь?

Да, Грей понимал. Или, по крайней мере, понимал сейчас. Как и состояние этого дома, здоровье его отца тоже стало шоком.

— Я поговорю с ним, — сказал Грей, его голос был решительным.

— И вбудоражишь его, пока он болен? — спросила тетя Джина. — Зачем тебе это нужно?

— Потому что ты не должна так жить, — сказал ей Грей. — Сейчас двадцать первый век. Мы живем в величайшей стране на Земле. И я могу бл*дь себе это позволить.

— Язык, — Бекка подняла на него бровь.

— Мне жаль, — он покачал головой. — Но это меня так зае... чертовски злит. Папина гордость мешает вам жить как цивилизованные люди, — он отставил кофе. — Просто дай мне поговорить с ним, хорошо? Я не буду кричать или раздражать его. Я обещаю.

— Это то, что ты сказал в прошлый раз.

Грей слегка улыбнулся.

— Ну, в этот раз я серьезно.

— Пусть идет, — сказал Таннер, откинувшись на спинку стула. — Может быть, он сможет убедить старика. Видит Бог, я уже пытался.

— Для тебя в этом ничего такого нет, — сказала тетя Джина, ее брови сошлись вместе. — Тебе не обязательно жить с ним полный день. Ты скоро уедешь, и мы с Беккой останемся теми, кто будет собирать осколки, если ты сведешь его с ума.

— Вам двоим тоже не обязательно оставаться, — заметил Грей. — Вы знаете, что я купил бы вам дом где угодно. Только скажите.

— Я никогда не оставлю его, — тетя Джина скрестила руки на груди. — Ты знаешь это.

Сердце Грея смягчилось от ее преданности. Он знал, что это не показуха. В детстве тетя Джина была для них как ангел-хранитель, заботясь о них, когда они больше всего в ней нуждались.

Она приехала в их дом на следующий день после смерти их матери ее сестры и больше не уезжала. С того момента она заботилась о них. Вытирала им глаза своим платком на похоронах матери, крепко обнимала их, когда дурные сны будили их посреди ночи. Она ругала их, когда они не сдавали вовремя задания или, когда директор звонил и сообщал, что один из четырех братьев Хартсонов отсутствует в классе.

Она облегчала их душевную боль и радовалась их победам и каждый из них любил ее за это.

— Почему ты осталась? — спросил ее Грей. — Большинство из нас давно уехали. Даже Бекка скоро уедет. Ты выполнила свое обещание маме.

Краем глаза он заметил, как сморщилось лицо Бекки. Она была такой маленькой, когда умерла их мама, что даже не помнила ее. Тетя Джина была единственной матерью, которую она когда-либо знала.

— Я обещала своей сестре позаботиться обо всех вас, — сказала тетя Джина, ее голос был низким. — Это касается и твоего отца. И он нуждается во мне, — она встала и отнесла свою тарелку к раковине. — Я буду здесь до тех пор, пока он будет нуждаться.

— В таком случае я плачу за новую сантехнику. И крышу, — сказал ей Грей. — Спасибо за завтрак. Я пойду поговорю с ним.

Она покачала головой, когда он встал и вышел в коридор, направляясь к кабинету отца. Когда Грей поднял руку, чтобы постучать в дверь, он услышал ее ответ.

— Они оба слишком упрямы. Все это закончится плачевно.

Когда Грею было двадцать лет, он сказал отцу, что бросает колледж и переезжает в Лос-Анджелес для записи альбома. Он заключил контракт на запись двух альбомов от одного из крупнейших звукозаписывающих лейблов страны.

Его отец молчал в течение целых пяти минут. Он просто смотрел на Грея своими голубыми глазами, его губы были сжаты, а правая сторона челюсти подергивалась.

С тех пор прошло более десяти лет, но его отец смотрел на Грея точно так же. Как будто Грей был не более чем дерьмом на подошве его ботинка, и он ждал возможности соскрести

его.

Но с этим была проблема. Грей больше не боялся старика. К тому же ему нужно было думать о тете Джине. Он не собирался оставлять ее и Бекку в этом разрушенном доме, пока они заботятся о его отце. Она заслуживала большего. Они все заслуживали.

— Нет.

Ответ был достаточно слабым, чтобы Грей наклонился вперед, потому что его сильное тело возвышалось над отцом.

— Что?

— Я сказал «нет». Нам не нужна твоя помощь. И никогда не была нужна.

Его отец кашлянул и все его тело задрожало. Если бы это был кто-то другой, Грей спросил бы, все ли в порядке, но он знал, что лучше не делать этого со своим отцом. В глазах Грейсона Хартсона III сострадание приравнивалось к слабости. Любая эмоция приравнивалась к слабости.

— Этот дом разваливается. И, насколько я могу судить, денег на его ремонт не осталось. Тебе нужна моя помощь.

— Мне не нужна никакая помощь, — глаза его отца были ожесточенными. — Ты думаешь, что ты большой человек, раз размахиваешь деньгами? Думаешь, это делает тебя лучше меня? Эти деньги, которые ты получил, испорчены. Я не хочу иметь с ними ничего общего.

Грей нахмурился.

— Испорчены? Как?

— Они не заработаны должным образом.

— Я заработал каждый цент. Писал песни, записывал их, путешествовал по всему миру, продвигая их.

Отец втягивал его в это, Грей знал это, но остановиться было невозможно. Старик знал, как нажать на каждую кнопку, и каждая из них причиняла боль.

— Ты занимался проституцией. Думаешь, я не видел фотографий? Ты выставлял себя напоказ, пока девушки не бросали в тебя деньги, — глаза его отца сузились. — И теперь ты хочешь, чтобы я взял эти деньги? Нет, спасибо. Я не возьму ни одного дьявольского доллара.

Грей не был уверен, смеяться ему или кричать. Дьявольский доллар? Это было неплохое название для альбома, но очень дерьмовый способ описать своего сына.

— Значит, ты предпочитаешь, чтобы тетя Джина и Бекка жили в нищете?

Господи, его отец был упрям. Но, опять же, он тоже был таким. Эта жилка текла по венам всех Хартсонов и это приводило к эффектным столкновениям. Может, ему стоит уехать побыстрее. Он мог бы сидеть на балконе, брэнчать на гитаре, писать новую музыку, любуясь океаном.

— Я скоро поправлюсь, — сказал его старик, расправив плечи, хотя он лежал в постели. — И тогда я все отремонтирую. Так, как я всегда делал.

По тому, как он это сказал, Грей почти поверил ему. Он был уверен, что его отец тоже в это верил. Но стоило только взглянуть на него в кровати, на его хрупкое и истощенное тело, на его изборожденное возрастом лицо, чтобы понять, что это неправда. Он никак не мог залезть на крышу или заменить трубы.

Грей проглотил сострадание, которое пыталось подняться в нем. Он скрыл его, пожав плечами.

— Я сделаю это, — сказал он.

— Что сделаешь?

— Я заменю трубы. Починю крышу.

Его отец закашлялся от смеха.

— Ты сделаешь это? Серьезно? Ты ни дня в жизни не занимался ручным трудом. Ты знаешь, как резать трубы? Сваривать их вместе? — еще один кашель. — Хотел бы я посмотреть, как ты попробуешь.

— Я сказал, что сделаю это, и я сделаю, — Грей глубоко вздохнул, его челюсть напряглась, грудь выпятилась.

Он не был уверен, кто больше удивлен его решимостью — отец или он сам. В любом случае, ему пришлось проглотить привкус разочарования, который, казалось, всегда оседал в нем, когда он разговаривал с отцом.

— Будь моим гостем. Мне бы не помешало немного развлечений.

Грей пожал плечами и вышел из кабинета отца, стены давили на него, когда он вышел в коридор.

Ему нужно было выбраться отсюда на некоторое время. Этот дом заставлял его чувствовать себя сумасшедшим.

Мэдди вошла в закусочную через кухонную дверь и окликнула Мерфи, чтобы сообщить ему о своем приходе. Он поднял голову и поманил ее к двери, ведущей в закусочную.

— Как ты думаешь, кто это? — спросил он, указывая на кого-то, сидящего в угловой кабинке. — Он спрашивал о Коре Джин, — он понизил голос. — Ты же не думаешь, что он один из этих золотоискателей? Охотится за ее деньгами?

Мэдди постаралась не рассмеяться. У Кору Джин была небольшая пенсия и деньги, которые она зарабатывала, работая в закусочной. Она не была похожа на сахарную мамочку.

Посмотрев в ту сторону, куда указывал Мерфи, Мэдди точно знала, кто это, с его широкой спиной и каштановыми волосами, завивающимися сзади. На нем была темно-синяя кепка, козырек низко надвинут на лицо, а голова наклонена вниз, как будто он внимательно читал лежащее перед ним меню. Это позволило ей немного изучить его, рассмотреть мышцы его спины, татуировки, которые были почти, но не полностью, скрыты рукавами его черной кофты. Ей стало интересно, каково провести пальцем по чернилам.

— Есть только один способ это узнать, — сказала Мэдди Мерфи, задвигая свою сумку в шкафчик и забирая с крючка свежий фартук. — Я спрошу, хочет ли он кофе.

— Попробуй продать ему и вафли. Я слишком много намешал.

— Слишком много — это сколько? — с любопытством спросила Мэдди.

— Около пяти литров, — Мерфи пожал плечами. — Сегодня здесь было тихо.

Мэдди усмехнулась и прошла через металлические двойные двери в главную закусочную. Мерфи был прав, здесь было тихо, как в аду. Такое случалось по вторникам.

— Кофе? — спросила она, неся полный кофейник к единственному занятому столику.

Грей поднял голову, медленная улыбка растянула его губы.

— Кора Джин, — сказал он. — Как дела?

Его глаза поймали ее взгляд, и она почувствовала, что ее тело покрылось мурашками. Даже с низко надвинутой кепкой он был до смешного красив. Ей захотелось вылить на себя чертово ведро воды. Да, он был красив, но она встречала много красивых парней.

Но ни один из них не вызывал в ее теле такого трепета.

— Черный. Без сахара, верно?

— Ты правильно запомнила.

Она налила кружку, затем наклонила голову к меню, лежащему перед ним.

— Могу я предложить тебе что-нибудь поесть?

— Налей себе кружку и садись со мной, — сказал Грей, не сводя с нее глаз. — Мэдди.

Она ожидала этого. Нельзя долго оставаться в городе и не узнать все, и Грей не был идиотом. И все же она почувствовала, что у нее свело живот, когда он произнес ее имя. Не потому, что он не произнес его красиво — он произнес. Просто это означало, что ей придется стать самой собой.

Старой, отстойной Мэдди Кларк.

Ей даже нравилось быть бесстрашной Корой, сбивая его с толку.

— Мне нужно работать, — сказала она ему.

Он оглядел закусочную.

— Ты здесь не очень-то суетишься. Я угощу тебя завтраком. Назови свой яд.

— Я слышала, что вафли хорошие, — сказала она, ее рот скривился от юмора.

— Лучше, чем яйца?

— Все, что угодно, лучше яичницы.

Он поймал ее взгляд, и она покраснела. Он обладал неотразимым обаянием. Он заставлял детей улыбаться, молодых девушек падать в обморок, а женщин постарше тратить чертовски много денег на его музыку.

— Две порции вафель.

Она отдала Мерфи заказ, затем взяла себе кружку для кофе.

— Ты смело сидишь у окна, — сказала она ему. — Я думала, что, после воскресенья, ты захочешь затаиться.

— Я подумал, что большинство этих девушек сейчас в школе. И я хотел увидеть тебя.

Ее дыхание перехватило в горле.

— Правда?

— Да. У меня есть к тебе вопрос.

— Возможно, я не захочу на него отвечать, — сказала она ему, склонив голову набок.

Он снова улыбнулся, солнечной улыбкой, от которой в уголках его глаз появились морщинки.

— У меня возникает такое ощущение, когда дело касается тебя, — он оперся подбородком на костяшки пальцев и наклонился вперед, его глаза сузились, когда он поймал ее взгляд. — Но я считаю, что ты должна мне правду.

— Как ты догадался?

Он откинулся назад, оценивая ее.

— Потому что мы получили психологическую травму в воскресенье. Нельзя пройти через что-то подобное, не установив с кем-то связь.

— Мы перелезли через пару заборов.

— И нас чуть не загрызла свирепая собака, — Грей сделал глоток своего кофе, приподняв бровь.

— Пес с недержанием, потерявший большую часть зубов.

— Вот видишь, — в его глазах промелькнул блеск веселья. — Это страшное дерьмо.

Она рассмеялась. Не могла удержаться. В нем было что-то такое, от чего становилось легко дышать. Он был кислородной машиной, заставляя ее чувствовать себя легче воздуха.

— Итак, у нас травматическая связь. Это значит, что ты должен быть помягче со мной.

— Я буду очень нежен с тобой, — его голос был приторно сладким. Она могла почувствовать его на своих зубах. — Так почему ты не сказала мне, кто ты?

— Потому что ты бы задавал вопросы, на которые я не хотела отвечать.

— Мило, — он снова усмехнулся. — Дай угадаю. Ты думала, что я спрошу о твоей сестре?

Она крепче сжала свою кружку.

— А ты бы не стал?

— Мне не нужно знать об Эш. Я уверен, что она замужем и у нее есть дети. Возможно, живет в огромном доме не так далеко отсюда. Она работает волонтером в школе своих детей, может быть, в хорошо выбранной благотворительной организации или двух — ничего противоречивого. И каждую пятницу она проводит в салоне, готовясь к вечеру свиданий с мужем.

Мэдди нахмурилась.

— Откуда ты знаешь? Ты расспрашивал о ней других людей?

— Нет, — Грей откинулся назад, сложив руки на груди. Она старалась не обращать внимания на то, как напряглись его бицепсы. — Это то, чего она всегда хотела. А Эш всегда получает то, что хочет.

Кроме тебя.

Мэдди моргнула при этой мысли.

— Думаю, это не то, чего хотел ты.

Он покачал головой.

— Я не из тех, кто живет в маленьком городке.

С этим невозможно было поспорить. Грею Хартсону здесь не место. Он был слишком талантлив, слишком красив, слишком... все. Казалось, он затмевает все и всех, с кем соприкасается.

— Так почему ты здесь? — спросила она его.

— Когда папа заболел, Бекка попросила меня приехать. Так что я заехал сюда по пути домой в Лос-Анджелес.

— Ты скоро уедешь?

Он покачал головой.

— Не так скоро, — он опустил взгляд на свою кружку, провел пальцем по ободку. — Я останусь в городе на некоторое время.

— Как долго?

Ее грудь сжалась. Она не могла понять почему. Это был страх? Волнение? Нервозность? Все эти чувства пронеслись в ней в пьянящем коктейле.

Страх — потому что его пребывание здесь означало перемены. Это означало, что они с Эши снова увидятся и, хотя сестра была замужем, она, скорее всего, придет к нему.

Волнение — потому что находиться рядом с Греем было все равно, что висеть вниз головой на американских горках. Это заставляло ее сердце биться и кровь бурлить так, как никогда раньше.

А нервозность? Ей не нравилось чувствовать себя неуправляемой. Она уже пробовала это раньше и упала низко, низко, низко.

— На пару месяцев. Достаточно долго, чтобы поработать над новыми песнями и помочь отремонтировать старый дом. Ему нужны новые трубы и новая крыша. Я подумал, что смогу помочь.

— Как помочь? — спросила Мэдди. — Ты будешь руководить подрядчиками?

— Я собираюсь сделать это сам, — он провел кончиком языка по нижней губе, поймав капельку кофе.

Ей пришлось сжать губы, чтобы не рассмеяться.

— Сам?

Она попыталась представить себе это. Обладатель премии «Грэмми» Грей Хартсон на старой разбитой крыше дома своего детства, пояс с инструментами на талии... Если бы она сделала эту фотографию, то заработала бы достаточно денег, чтобы оплатить лекарства своей мамы до конца их жизни.

— Почему?

— Папа не позволит никому другому сделать это. Ты же знаешь, какой он, — Грей пожал плечами.

— Ты когда-нибудь раньше ремонтировал дом? — спросила она его.

— Вроде того, — уголок его рта приподнялся. — Я немного поработал над своим первым домом в Лос-Анджелесе и у меня есть несколько друзей, которые могут мне помочь. Ты знаешь братьев Джонсон?

— Тех, которые участвуют в телешоу? — спросила Мэдди. — «Как перевернуть твой дом за тридцать дней»?

— Да, именно оно. Они расскажут мне обо всем, что я не смогу понять. Я буду общаться с ними по видеочату, если понадобится. Неужели это так сложно?

— Вафли готовы! — крикнул Мерфи из открытой двери кухни.

— Оставайся здесь, я принесу тебе завтрак.

Глава 9

— Ты это видел? — спросила Бекка Грея, когда он приехал домой из города. Она протянула свой телефон, и он наклонился, чтобы посмотреть на экран.

— Электронное письмо? — сказал Грей.

— Да. От преподобного Мейтланда. Напоминает своей пастве, что мы должны уважительно относиться ко всем гостям города и делать им приятное, а не делать фотографии и выкладывать их в социальные сети.

Грей нахмурился.

— Он упоминает меня?

— Нет, но мы все знаем, что он говорит о тебе, — голос Бекки был ликующим. — Думаю, он не хочет, чтобы ты снова бегал по чужим дворам.

— Это действительно лишнее, — сказал Грей, просматривая письмо. — Как Иисус принимал всех в свою общину, так и мы должны делать то же самое, — прочитал он. — Пожалуйста, не посягайте ни на чью личную жизнь в церкви или за ее пределами.

— Письма преподобного Мейтланда похожи на папские указы, — Бекка все еще ухмылялась. — Его слово — закон. Теперь люди оставят тебя в покое.

— Да ладно, — Грей вернул ей телефон. — Сейчас же двадцать первый век.

— Это Хартсонс Крик, — указала Бекка. — И, как ты нам постоянно напоминаешь, он еще не перешагнул тысячелетие.

Телефон Грея зажужжал в кармане. Он достал его и увидел, что на экране высветилось имя его менеджера. Проведя пальцем по экрану, он ответил.

— Марко?

— Я получил твое сообщение. Ты ведь не серьезно насчет замены труб и ремонта

крыши?

— Я смертельно серьезен, — Грей облокотился на кухонный стол. — Я обещал отцу.

— Но тебе нужно написать альбом, — напомнил ему Марко. — Студия звукозаписи забронирована. Твой лейбл будет в бешенстве, если мы откажемся.

— Я все равно буду писать. Тебе не нужно об этом беспокоиться.

— Хо-ро-шо... — Марко растянул слово на три слога. — Но позволь мне поговорить с лейблом, пусть они знают, что ты делаешь. Может быть, назначу видеоконференцию. А насчет строительства, мне придется проверить твою страховку, узнать, что ты можешь делать, а что нет.

Грей рассмеялся.

— Я почти уверен, что они не упомянули сантехнику в сопроводительном письме.

— Это будет подпадать под ручной труд. Мне придется поговорить с брокером, — Марко сделал паузу, как будто делал заметку. — А как семья?

— Хорошо, но мокро, — Грей рассказал ему о наводнении.

— С твоей тетей все в порядке? Ни одна из ее вещей не испортилась, не так ли?

— Она в порядке. Сильнее, чем все мы вместе взятые. Можешь организовать для меня грузовик, пока я здесь. Он мне понадобится, чтобы забрать припасы.

Марко начал смеяться.

— Ты действительно это делаешь, не так ли?

— Конечно, да, — Грей нахмурился. — Почему все смеются, когда я им об этом говорю?

— Потому что ты Грей Хартсон. За минуту ты зарабатываешь больше, чем водопроводчик за месяц. В том, что ты делаешь, нет никакого смысла, — Марко прочистил горло. — Ты действительно обратился за помощью к братьям Джонсонам?

— Они дали мне несколько советов.

Грей понимал, что это звучит, как защита. И Марко не виноват в том, что ему все это кажется таким странным. Черт возьми, это и было странным.

— Ладно, слушай, просто не делай глупостей, хорошо? Я не знаю, почему ты это делаешь, но ты делаешь, и я с этим согласен. Но береги руки и обязательно пиши музыку. Это все, о чем я прошу.

С музыкой проблем не было. Он уже написал два трека. Сырые, грубые и полные эмоций. Это то, что он чувствовал каждый раз, когда просыпался в Хартсонс Крик. Или каждый раз, когда он заходил в закусочную и видел за стойкой определенную брюнетку. Он провел пальцами по волосам, пытаясь понять, что именно притягивает его к младшей сестре его бывшей девушки. Да, она была хорошенькой, но ему было не до красивых женщин. Как и наркотики, и выпивка, окружение идеалов быстро потеряло для него свою привлекательность.

Но Мэдди не была идеальной. Она была откровенной, но хитрой, уверенной в себе, но он видел в ней и уязвимость. Мэдди Кларк была загадкой и так отличалась от той девочки-подростка, которую он помнил. И она его очаровала.

Марко прочистил горло.

— Грей?

— Да? — он наблюдал, как вошла тетя Джина с корзиной, полной одежды. Зажав телефон между ухом и плечом, он взял корзину у нее и понес в прачечную.

— Ты в порядке? — Марко понизил голос. — В смысле, ну, знаешь, психически в

порядке?

— Что? — Грей закашлялся от смеха. — Да, в порядке. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты принимаешь странные решения. Я видел это раньше. Длительное турне, за которым следует выгорание. Мне организовать видеоконсультацию с доктором Теннисоном?

— Мне не нужно разговаривать с психоаналитиком. Я просто забочусь о своей семье. Постарайся не волноваться так сильно, — Грей покачал головой. — Два месяца, и я вернусь в Лос-Анджелес, записывать следующий альбом. Не волнуйся.

— Я не могу не волноваться. Не делай глупостей. И не высовывайся. А еще, я понятия не имею, как собираюсь это раскрутить. Может быть, мы сможем пригласить съемочную группу или что-то в этом роде...

— Никакой съемочной группы, — Грей покачал головой. — Нам не нужно ничего раскручивать. Я собираюсь починить несколько труб и черепиц, проведя некоторое время с семьей. Нет ничего проще.

— Знаменитые последние слова, — тихо сказал Марко.

— Я поговорю с тобой позже, Марко.

Он повесил трубку прежде, чем Марко успел предложить что-то еще. Потому что все было в порядке. У него все было под контролем. Следующие несколько недель он проведет за ремонтом дома и сочинением песен.

Что может пойти не так?

— Вот, держи, — сказала Мэдди, положив мамины рецептурные лекарства на кухонный стол. Она зашла в аптеку по дороге домой. — Достаточно, чтобы продержаться весь следующий месяц. И Мерфи прислал пирог, чтобы мы съели его после ужина.

— Какой? — с улыбкой спросила мама. У нее был затуманенный взгляд, который бывает у нее после сна.

— Вишневый. Твой любимый. Я собираюсь принять душ, а потом приготовить нам что-нибудь вкусненькое. Тебе что-нибудь нужно?

— Я в порядке. Рита Фостер приходила. Помогла мне с обедом.

— Это хорошо, — Мэдди наклонилась, чтобы поцеловать маму в щеку. — От меня воняет жиром, извини.

— Рита сказала, что Грею Хартсону пришлось сбежать из церкви в воскресенье. Сказала, что ты ему помогла.

Позвоночник Мэдди выпрямился.

— Правда? — сказала она, сохраняя спокойный голос. — А я думала, что она прибережет это для «Стульев».

Ее мама захихикала.

— Она не смогла удержаться. Сказала, что были жалобы. Делла Торсен говорит, что вы напугали ее почти до смерти.

— Делла Торсен едва могла нас видеть. Мы были в конце ее двора около трех секунд. Я пыталась помочь. Преподобный Мейтланд попросил меня тайно вывести оттуда Грея.

Ее мама улыбнулась.

— Как он? Он всегда был таким милым молодым человеком. Одно время я действительно думала, что он и Эшли..., — ее голос прервался. — Теперь это уже в прошлом, — поспешно добавила она. — Эшли так счастлива с Майклом и детьми.

— Да, — у Мэдди запершило в горле. — Он и сейчас хороший. Уверена, что он когда-нибудь зайдет поздороваться. У него всегда было много времени для тебя.

— Как долго он пробудет в городе? — спросила ее мама.

Мэдди провела ладонью по затылку. Ее кожа была липкой и теплой.

— Думаю, пару месяцев. Он помогает отцу ремонтировать дом.

— Джине это понравится. Она всегда жаловалась на этот дом. И, конечно, она любит, когда ее мальчики приезжают домой. Они не бывают тут достаточно долго и часто, — она прищелкнула языком.

Мэдди улыбнулась маме и направилась в коридор. Она не хотела сейчас думать о Грее Хартсоне. Это был долгий день, и она была измотана. Может быть, душ поможет ей взбодриться.

— Я не знаю, что тебе сказать, — ответил Мак Джонсон, качая головой, глядя на Грея через экран своего мобильного телефона. — Этим трубам по меньшей мере пятьдесят лет. Видишь эту коррозию справа? Эта труба сделана из свинца. Некоторые другие больше похожи на оцинкованную сталь, насколько я могу судить. Но, не видя их своими глазами, я могу только сделать предположение. Ты знаешь, когда трубы заменялись в последний раз?

— Думаю, папа сделал это, когда они с мамой только поженились, — Грей провел большим пальцем по челюсти. — Думаю, это было около сорока лет назад.

— Да, отсюда и стальные трубы. Свинцовые могут быть со времен постройки дома. Если бы это был мой дом, я бы вырвал их все и начал с нуля.

— Сколько времени это займет? — это был Таннер. Он склонился над телефоном, восхищенный тем, что Грей небрежно слушает советы одного из братьев Джонсонов.

— Если бы это был я, то неделя. Для любителей? Твоя версия так же хороша, как и моя? — его брови сошлись. — Ты уверен, что хочешь это сделать, Грей? Я мог бы понять, если бы ты делал это ради рекламы или благотворительности. Но что-то еще? Обратись к профессионалу.

— Почему все продолжают спрашивать меня об этом?

— Потому что ты сумасшедший, брат, — сказал ему Таннер. Мак рассмеялся.

— Тебе стоит его послушать, — согласился Мак. — Заплати профессионалу, а потом иди и запиши еще один альбом за миллион долларов.

— Я сделаю это сам, — сказал ему Грей.

— Он упрямый, как черт, — Таннер пожал плечами. — Мы все такие. Когда он на что-то решается, его уже не переубедить.

— Да, ему это качество может понадобиться, если будет сам менять трубы, — Мак вздохнул. — Я поговорю со своим другим сантехником, и он составит для тебя план. Перечислит необходимые материалы, сроки ремонта, инструменты, которые тебе понадобятся, и последовательность замены всего этого. Но ты должен понимать, что это профессиональная работа. Я не ожидаю, что возьму гитару и сразу же смогу на ней играть. Ты тоже не должен ожидать, что сможешь это сделать. Ты будешь делать ошибки и наносить ущерб.

— Звучит зловеще, — Таннер ухмыльнулся.

— Ты будешь ему помогать? — спросил Мак.

— Недолго. Я возвращаюсь домой после следующих выходных. Дальше он будет сам по себе.

— Я буду здесь, — запротестовала Бекка. — Я могу помочь.

— Ты выглядишь самой разумной из всех них, — Мак кивнул. — Ладно, я лучше пойду.

Через полчаса у нас собрание по поводу следующего сезона.

— Хорошо, — Грей кивнул. — Спасибо, Мак. Я ценю это.

— А я буду благодарен, когда ты споешь на свадьбе моей дочери, — сказал Мак, подмигнув ему. — Удачи. Она тебе понадобится.

Грей положил трубку и посмотрел на своего брата, который сдерживал улыбку.

— Я же говорил тебе, что это безумие, — сказал Таннер.

— Не обращай на него внимания. Ты сможешь это сделать, Грей. Ты всегда занимался домом, когда мы были детьми. И ты починил мой велосипед, когда я врезалась на нем в стену, помнишь? — Бекка усмехнулась.

— Тебе придется записать это, — сказал Таннер, взъерошив волосы своей младшей сестры. — Я должен увидеть это во всей красе.

— Никто ничего не будет записывать, — прорычал Грей. — Когда именно ты уезжаешь?

— В понедельник после моего дня рождения. В то же время, когда уедут Кэм и Логан.

Их братья собирались приехать в город на выходные в честь дня рождения Таннера, чтобы отпраздновать с ним и пообщаться с Греем.

— О! Это кое-что напомнило мне. Я говорила с Сэмом, и конкурс караоке состоится, — сказала Бекка, ее глаза блестели. — Ровно в восемь часов в баре «Лунный свет».

— Конкурс караоке? — Грей покачал головой. — Seriously?

— Караоке в «Лунном свете» — лучшее, — сказал Таннер, его лицо было серьезным. — Тебе понравится.

Бекка хлопнула в ладоши.

— Это будет потрясающе. Все мои братья в одном месте.

— Ты уверена, что мне стоит идти? — Грей чувствовал себя так, словно он мочится на чужой праздник. — Я не хочу создавать еще больше проблем, как в церкви.

— Все будет хорошо, — сказал ему Таннер. — Они не пускают туда девочек-подростков. Сэм, который там заправляет, нас прикроет.

— Пойдем, Грей, — призывала Бекка. — Мы никогда не были в баре вместе. Я хочу потанцевать со своим старшим братом.

— Он не умеет танцевать, — сказал Таннер, ухмыляясь. — Но было бы здорово, если бы ты был там.

— Я не знаю... — Грей поджал губы.

— Просто скажи «да». Мы присмотрим за тобой. Логан и Кэм тоже, — Бекка сжала его руку.

— Может, он боится, — Таннер подмигнул. — Что если он проиграет в Караоке? Он никогда не переживет этого.

Грей застонал.

— Я приду. Но я не буду петь в Караоке, — он посмотрел на свою сестру. — И я не буду танцевать, если только не напьюсь виски.

Бекка подняла брови.

— Звучит как вызов, — она придвинулась вперед, чтобы поцеловать его в щеку. — Я так рада, что ты здесь. Ты самый лучший.

Глава 10

Грей не мог вспомнить, когда в последний раз он так сильно уставал. Было всего восемь вечеров, а мышцы умоляли его уложить их в постель и дать им поспать добрых двенадцать часов. И он бы так и сделал, если бы ему не нужно было писать этот чертов альбом. Если последние дни он проводил с телом, скрюченным в безумных позах, работая над водопроводом, то вечера он проводил в старом отцовском летнем домике с гитарой и чистыми нотными листами. Он твердо решил писать хотя бы по одной песне в неделю и готовиться к работе в студии звукозаписи через два месяца.

В первый же день работы он чуть не затопил кухню. Бекка запаниковала, а отец громко выругался. Вытирая воду, Грей пытался определить, где он ошибся. Казалось, на все уходило в два раза больше времени, чем он думал.

— Черт, я буду рад вернуться домой, — сказал Таннер, покрутив головой, словно пытаясь ослабить напряжение в шее. — Почему я сказал, что помогу тебе?

— Потому что иначе я бы надрал тебе задницу, — сказал ему Грей, вытирая тарелку и передавая ее младшему брату. — И это было бы больнее.

— Да, точно, — Таннер усмехнулся. — Ты едва можешь удержать полотенце для посуды, не говоря уже о том, чтобы нанести мне телесные повреждения. Кроме того, я слышал, что твой менеджер сказал тебе о твоих руках: «Всегда надевай перчатки, никаких порезов, никаких царапин. Эти красивые пальчики слишком многого стоят».

Грей закатил глаза.

— У тебя всегда был умный рот.

— Он становится только умнее, — Таннер подмигнул. — Мужик, я выдохся. Хочешь пойти со мной в «Лунный свет»? Можешь купить мне пиво, чтобы поблагодарить за мою тяжелую работу.

— Я куплю тебе пиво в субботу, — сказал ему Грей. — И мы сможем выпить за твой отъезд.

Таннер рассмеялся.

— Ты так отчаянно хочешь от меня избавиться?

Нет.

Грей с ужасом ждал отъезда своего брата. Не только потому, что он помогал ему с ремонтом, но и потому, что ему нравилось общаться с Таннером. Будучи на три года младше, его брат был занозой в заднице на протяжении всего их детства. Но он защищал его, как мог — сначала от боли после смерти матери, потом от гнева, который отец никак не мог унять.

Таннеру было почти семнадцать, когда Грей уехал в Лос-Анджелес. Все еще ребенок, несмотря на его протесты. Но теперь он был мужчиной и Грей общался с ним на новом уровне.

Без него здесь будет тихо.

— Я собираюсь поработать над музыкой сегодня вечером, — сказал Грей своему брату. — Но я обязательно приду в субботу.

Глаза Таннера смягчились.

— Это много значит. Спасибо, брат.

Грей сделал мысленную пометку положить свою карту на барную стойку. Субботний вечер будет за его счет.

— И, если ты сегодня напьешься, избегай третьего шага. Иначе отец услышит, как ты возвращаешься домой.

— А, старый трюк с третьим шагом. Не волнуйся, Логан научил меня этому, — сказал

ему Таннер. — Удачи с музыкой.

— Спасибо.

Грей смотрел, как его брат берет куртку и прощается с тетей Джинной и Беккой, которые смотрели старый фильм в гостиной. Затем он пошел по коридору, собираясь взять гитару и бумагу, прежде чем отправиться в домик.

— Это ты, Грей? — окликнул его отец, когда он проходил мимо кабинета. На мгновение Грей подумал о том, чтобы проигнорировать его. Что он мог сделать? Он же не собирался гнаться за ним по лестнице, как это было в детстве.

— Да, это я, — сострадание взяло верх над презрением. Он толкнул дверь кабинета и увидел отца, сидящего в кожаном кресле со спинкой возле его кровати. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — его отец кивнул. — Или настолько хорошо, насколько это возможно, — он прочистил горло и Грей поморщился от того, как много булькающих звуков он услышал. — Как водопровод?

— Медленно, но верно. Сегодня нам удалось заменить около двух метров. Самое худшее — это каждый раз прерываться, чтобы включать воду. Это занимает целую вечность, чтобы проверить уплотнения.

— Хм-м-м... — его отец кивнул, но больше ничего не сказал.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросил его Грей. — Хочешь, я принесу тебе попить?

— Нет, спасибо.

— Тогда ладно, — Грей замер на мгновение, потрясенный отсутствием яда в голосе отца. — Я собираюсь пойти поиграть на гитаре.

— Не шуми. Помни о соседях.

— У меня есть наушники. Никто не услышит.

Его отец взял книгу со стола перед ним.

— Увидимся завтра, — он прочистил горло. — Спасибо за работу, которую ты делаешь.

Грей с двойным удивлением воспринял слова отца.

Когда он в последний раз благодарил меня за что-либо?

Это было странно и неловко, поэтому он просто кивнул и пошел наверх, чтобы взять свою гитару.

Мужчина не мог припомнить случая, чтобы он не был в обиде на своего старика. И хотя это чувство все еще присутствовало, сегодня оно было разбавлено. И он не знал, что делать с этим новым чувством.

Час спустя он сидел на мягком, плетеном кресле в летнем домике, стеклянные двери были широко открыты, чтобы впустить прохладный вечерний воздух. Наушники висели у него на шее, он напевал какие-то слова и единственным звуком в его ушах было постоянное жужжание цикад. Он и забыл, насколько громкими они были здесь. Как они были саундтреком к его летним вечерам в подростковом возрасте, наряду с Nirvana, или Foo Fighters, или любой другой группой, которые он крутил на повторе целыми неделями.

Может быть, сейчас где-то подросток включал на повторе музыку самого Грея. Уголок его рта приподнялся при этой мысли.

Он встал и пошевелил плечами, разминая напряженные мышцы. Он напевал рифф, который пришел ему в голову, пока играл. Он вышел из летнего домика и вдохнул сладкий, пьянящий аромат сирени, посаженной вокруг деревянного здания.

Как и все остальное, оно ветшало. Его не мешало бы покрасить, установить новые

оконные рамы и обновить интерьер. Но ему нравилось, как он чувствовал себя здесь. Как будто ему все еще было шестнадцать лет, и он постоянно играл на гитаре, мечтая однажды стать знаменитым музыкантом.

И теперь он им стал. Он должен быть счастлив. И все же... шестнадцатилетний парень не был доволен тем, чего он достиг. Потому что его достижение должно было принести одобрение отца. Но этого не произошло. Совсем нет.

Он ненавидел то, что часть его самого все еще жаждала этого.

Он тихо закрыл дверь в летний домик и пошел к передней части отцовского двора. Отсюда он мог видеть высокий шпиль Первой баптистской церкви и красные крыши магазинов, которые теснились вокруг городской площади. За городом были фермерские угодья — растущая кукуруза, освещенная лунным светом.

Если не считать жужжания насекомых, в городе было жутко тихо. Он посмотрел на часы — было всего девять тридцать, но казалось, что все, кроме него, уже спят.

Может быть, все-таки стоит пойти в бар?

Таннер, вероятно, все еще был там, выпив пару бокалов пива за вечер. Он мог бы заказать виски и позволить крепкому алкоголю унять тоску.

Но вместо этого он обнаружил, что направляется к другой знакомой дороге. На три квартала ниже его собственного.

Прошло меньше пяти минут, и он оказался на месте. Он нахмурился, глядя на старое бунгало и размышляя, что, черт возьми, ему делать дальше. И тут через открытое окно в передней части дома он увидел ее, сидящую за пианино.

Мэдисон Кларк. Мэдди. Младшая сестра его бывшей девушки, которая уже выросла. Он отошел от света уличного фонаря в тень и внимательно наблюдал, как она поднимает крышку пианино, затем сгибает пальцы и расправляет плечи. В момент касания руками клавиш, ее спина была прямая, как натянутая струна.

Она начала со звукоряда. Сначала одной рукой, затем добавила другую. Она стала играть все сложнее, ее пальцы быстро двигались, превращаясь из звукоряда в песню, мелодия которой звучала сладко и низко, отдаваясь эхом в ночном воздухе.

Мэдди Кларк была хороша, не нужно было быть рок-звездой, чтобы понять это. Это было видно по тому, как легко и непринужденно, без единого сбоя, текли ноты, темп нарастал по мере того, как она достигала крещендо, ее грудь вздымалась и опускалась в такт.

Что там говорила Бекка? Что Мэдди училась в Анселле.

Так какого черта она работает в закуской маленького городка?

Когда мелодия стихла, ее пальцы замедлились, перебирая последние клавиши, Грей вышел на свет, собираясь вернуться домой.

Но тут она подняла голову и посмотрела в окно. Их взгляды встретились и Грей услышал биение своего пульса в ушах. Она подошла к окну и отдернула занавеску, чтобы можно было высунуться.

— Эй, — тихо позвала она. — Ты что там делаешь?

— Слушал, как ты играешь, — он сделал шаг вперед, чтобы не кричать. — Ты была хороша.

Ее губы изогнулись.

— Спасибо. Если бы я знала, что меня слушает известный музыкант, я бы, возможно, постаралась немного больше.

— Мне бы не хотелось слышать, насколько ты хороша, если будешь стараться еще

больше, — он был всего в метре от дома. Достаточно, чтобы разглядеть веснушки на ее носу и тени под глазами. — Что ты играла?

— Ничего такого, о чем бы ты слышал.

— Я знаю. Это было что-то, что написала ты?

Она открыла рот, потом снова закрыла его, ее пальцы все еще сгибались вокруг открытого оконного стекла.

— Хочешь пива? — спросила она его.

Он не был уверен, кого больше удивил ее вопрос. И все же его рот наполнился слюной, от мысли о ледяной жидкости.

— Да, я бы не отказался. Если я тебе не помешаю.

— Пройди на задний двор. Я принесу нам парочку, — сказала она, наклонив голову к дорожке, которая вилась вокруг бунгало. К тому времени, как он подошел, она уже толкнула плечом заднюю дверь и вышла с двумя бутылками пива. — Держи, — сказала она, передавая ему холодную бутылку. — Думаю, мы можем посидеть здесь и насладиться погодой.

Она откинулась на спинку стула в стиле адирондак, обращенного к реке, а он занял место рядом с ней.

— Твое здоровье, — сказала она, протягивая свою бутылку, чтобы стукнуться с его.

— Твое здоровье.

Он сделал длинный, холодный глоток пива, закрыв глаза, пока оно скользило по его горлу.

— Мне это было нужно.

— Мне тоже, — она улыбнулась ему. — Это был один из тех дней.

— Кому ты об этом рассказываешь.

Ее левая бровь приподнялась.

— Как продвигается ремонт?

— Медленно. Тяжело. И все усугубляется постоянным беспокойством о том, что я затоплю все вокруг, а отец никогда не даст мне довести дело до конца.

— Тебя действительно волнует, что думает твой отец? — спросила она.

— Меня волнует, если я затоплю его, и он снова окажется в больнице, — сказал Грей, поднося бутылку к губам. — Или, если я оставлю тетю Джину без воды на несколько дней.

— У тебя достаточно денег, чтобы все это исправить. Просто увези их на Гавайи на несколько дней и пригласи специалиста. Уверена, что они быстро простят тебя.

— Я начинаю понимать, что за деньги не все можно купить.

Она засмеялась.

— Но они могут купить чертовски много.

Он смотрел, как ее губы сомкнулись на ободке бутылки, и она откинула голову назад, чтобы проглотить еще один глоток. Он пытался игнорировать желание, пронизывающее его.

Это была Мэдди. Маленькая Мэдди Кларк. Его гребаное либидо должно было угомониться. Он скрестил ноги на случай, если этого не произойдет.

— Так почему сегодня один из тех дней для тебя? — спросил он, пытаясь отвлечься.

Она вздохнула и потянула за этикетку на своей бутылке, отрывая бумагу.

— Иногда дни похожи на один из таких дней, понимаешь? Как будто ты плывешь против течения, когда все остальные плывут на моторной лодке, и в тот момент, когда ты думаешь, что делаешь успехи, они огибают тебя и убеждаются, что их поток отправляет тебя под воду.

— Это были яйца Мерфи? — спросил Грей, его лицо было серьезным.

Она рассмеялась и это доставило ему слишком большое удовольствие.

— Это всегда яйца Мерфи, — она повернулась, чтобы посмотреть на него, ее теплые глаза снова поймали его взгляд. — Их достаточно, чтобы испортить день любому.

— Как можно так долго управлять закуской и не знать, как готовить яйца?

Она пожалала плечами.

— Это требует большого мастерства.

Настала очередь Грея смеяться. Впервые за весь день он почувствовал, что его мышцы расслабились. Это было вызвано пивом, прохладным воздухом и женщиной, сидящей рядом с ним. Это что-то напоминало ему, но он не мог определить, что именно.

— Смотри, — сказала Мэдди, подняв руку в сторону деревьев. — Светлячки. В этом году их так много.

Он проследил за направлением ее пальца, рассматривая светящихся насекомых, которые отдыхали на старом дубе в конце двора. Отсюда они выглядели как тысячи крошечных огоньков, светящихся в ночном воздухе.

— Красиво.

— Да. Мне всегда нравились светлячки. Бывают годы, когда их совсем нет. Но в другие они здесь каждую ночь, освещают дорогу.

— Был год, когда они были повсюду, — сказал Грей, снова вернув к ней свой взгляд. — Мне, наверное, было шестнадцать, и я помню, как подумал, что если бы они могли остаться до Рождества, это было бы похоже на то, что у нас есть свои живые, дышащие украшения. Но это было невозможно.

Мэдди улыбнулась ему.

— Не знала, что шестнадцатилетние парни так думают. Я думала, что это только девчонки, спорт и... — она зажала губу между зубами.

— Секс? — спросил он, сдерживая усмешку.

— Я больше думала о сольных развлечениях.

— Ты думала о мастурбации? — его голос был низким. — Не позволяй подростку слышать это от тебя.

— У тебя грязные мысли.

— Не такие грязные, как у подростка.

— Ты в этом уверен? — она наклонила голову в сторону, ее брови поднялись вверх.

— Это ты заговорила о сексе, — заметил он.

— О Боже, — сказала она, покачав головой. — Ты переиначиваешь мои слова.

Да, возможно. Но теперь он не мог выбросить из головы этот образ — Мэдди Кларк трогает себя.

Он сделал еще один глоток пива.

— Почему бы нам не сменить тему? — спросила Мэдди.

— Конечно. О чем поговорим? — ответил он, понизив голос. Он не мог вспомнить, когда в последний раз чувствовал себя таким расслабленным и в то же время так хорошо знал женщину. Его тело откликалось каждый раз, когда их глаза встречались.

— Расскажи мне о своем следующем альбоме, — предложила Мэдди, откинув голову назад. И пока Грей рассказывал ей о концепции, которую он задумал, он наблюдал за выражением ее лица. Ему нравилось, как загорались ее глаза, когда он говорил о музыке, что ее вопросы были такими острыми и умными, когда он рассказывал ей о последней

написанной песне. Но больше всего ему нравилось, как она смотрела на него. Как будто он был таким же большим и ярким, как луна, низко висящая в небе.

И что с того, если какая-то его часть хотела поцеловать младшую сестру своей подростковой возлюбленной? Ну... Он был взрослым мужчиной. Он мог и не обращать на это внимания.

Глава 11

— Мэдди? Я только что видела, как Рейчел Гарстон подъехала к дому.

— Сейчас подойду.

Сын Рейчел Гарстон был постоянным учеником, которого Мэдди учила с пяти лет. У него не было особых способностей к игре на пианино, да он и не хотел. Но он любил радовать маму, играя для ее друзей на Рождество и на дни рождения, а Рейчел никогда не пропускала платежи за его обучение.

И он был милым маленьким ребенком, так что это тоже было неплохо.

Выйдя из кухни, Мэдди взглянула на сообщение, которое до этого читала на телефоне. Она ничего не слышала о Саре Мэйхью уже несколько месяцев, с тех самых пор, как они обменялись рождественскими открытками в декабре прошлого года. При виде ее имени, вспыхнувшем на экране, желудок Мэдди сделал странный кульбит. Сара была единственным человеком из Школы исполнительских искусств Анселл, с которым она поддерживала связь, и вид ее имени всегда напоминал Мэдди о тех днях.

О том, что могло бы быть и чего могло не быть.

Идя по коридору, Мэдди думала о ее сообщении.

Ты можешь поверить, что прошло уже пять лет с момента выпуска? Мы решили устроить долгожданную встречу выпускников. Сейчас идет организационная стадия — мы создали страницу на Facebook и просим предлагать даты и места. Ты должна присоединиться к нам. Я знаю, что ты не закончила учебу, но ты все равно была частью класса. Все будут рады тебя видеть!

Мэдди открыла входную дверь и подняла руку, чтобы помахать Рейчел. Маленький Чарли побежал по дорожке, сжимая в руках музыкальный альбом. Она улыбнулась, когда он подошел к ступенькам.

— Заходи, — сказала она. — Моя мама приготовила лимонад. Я думаю, мы можем выпить по стаканчику, прежде чем начнем.

— Да! — он вскинул кулак вверх, отчего Мэдди захотелось рассмеяться.

Она сунула телефон в карман и отогнала мысли об Анселле и всех тех, кто его окончил.

Это было целую жизнь назад. Это больше не имеет значения.

— Пойдем, — сказала она, положив руку на плечо Чарли. — Пойдем, нальем тебе стакан.

Когда наступил вечер пятницы, Мэдди захотелось вызвать дождь, хотя она ненавидела мокнуть или торчать в помещении. Но в данный момент это было предпочтительнее, чем везти маму в «Стулья» и подвергать себя воздействию добрых жителей городка Хартсонс Крик.

Но, как послушная дочь, она все равно сделала это, загрузив контейнер напитками и помогая маме собраться. Единственным плюсом, который она увидела, когда несла напитки и кексы к большому столу в центре поля, было то, что тетя Джина и сестра Грея, Бекка, были там, разгружая свои корзины с выпечкой.

— Привет, — поприветствовала ее Бекка. — Давно не виделись, — она разливала лимонад из огромного стеклянного кувшина по стаканчикам. — Хочешь?

— Было бы здорово, — Мэдди взяла предложенный стакан. — Спасибо. Это рецепт твоей тети Джинны?

— Да. И нам повезло, что он у нас есть. Еще час назад у нас в доме не было воды, — Бекка вздохнула. — Каждое утро мне приходится вставать в шесть утра, если я хочу принять душ. Сейчас я отсчитываю недели до того момента, когда смогу выспаться.

— Как обстоят дела с водопроводом? — спросила Мэдди. — Грей еще никого не залил?

— Ты знаешь об этом? — спросила Бекка.

— Грей сказал мне... — девушка запнулась, заметив любопытное выражение лица Бекки. — Здесь долго ничего не держится в секрете, — быстро добавила она.

— Я слышала о том, что ты спасла его, — сказала Бекка. — Но это было до того, как он согласился заменить все трубы. Ты видела его с тех пор?

Мысли Мэдди вернулись к той ночи и их долгому разговору на заднем дворе, когда они наблюдали за светлячками. Ей нравилось слушать, как он говорит о музыке, о своем альбоме, о возвращении домой и о песнях, которые он хочет написать.

Бекка смотрела на нее, ожидая ответа.

— Он заходил в закусочную на днях, — сказала ей Мэдди. Это не было ложью.

— О. Я не знала.

— Итак, если не считать раннего утра, как продвигается работа? — спросила девушка, надеясь, что Бекка не заметит резкой смены темы.

После того как они поговорили о работе Бекки на местной винокурне, Мэдди приготовила маме тарелку со сладостями и налила прохладительный напиток. Она сказала подруге, что догонит ее позже, и вернулась к маме.

— Спасибо, дорогая, — сказала мать, положив салфетку и тарелку на колени. — Все выглядит очень вкусно.

— Лучший чай — чай тети Джинны, — сказала ей Мэдди.

Ее мама сделала глоток.

— Как будто пьешь маленький кусочек жидкого солнца.

Час спустя ее мама увлеченно беседовала с матерью Джессики. Хотя Мэдди очень хотелось домой, у нее не хватало духу прервать ее. Взяв печенье со все еще нагруженного фуршетного стола, она побрела по траве к полю, где группа подростков устроила игру в футбол. Она улыбнулась, глядя, как они бегают и препираются и это так сильно напомнило ей о былых временах, когда она сама была одной из них.

— Мэдди, садись с нами.

Она повернулась и увидела, что Джессика выжидающе смотрит на нее. Когда девушка заколебалась, та постучала пальцем по пустому стулу справа от нее и улыбнулась.

Мэдди открыла рот, чтобы отказаться, но увидела, среди сидящих там, Лауру и Бекку.

Не может же быть все так плохо, правда?

— Я слышала, что ты лазила по заборам, — сказала Джессика, прежде чем Мэдди опустилась на сиденье. — Я не поверила, когда Делла Торсен рассказала мне об этом. Какая женщина в нашем возрасте лазает по заборам? — она фальшиво рассмеялась. — Думаю, тебе помогает то, что ты никогда не рожала.

— Что? — спросила Мэдди. — Почему это имеет значение?

— О, ты поймешь, когда это случится с тобой, — женщина рядом с Джессикой

скривилась. — Скажем так, прыжки на батуте, акробатика и даже кашель могут стать проблемой после родов.

— Вот почему я всегда делаю гимнастику для тазовых мышц, — заявила Джессика, откидывая волосы за спину. — Используйте или потеряете, дамы. К тому же Мэтт ценит... ах... разницу, — она подмигнула.

— Мы можем поговорить о чем-нибудь другом? — спросила Лаура, сморщив нос. — Мне действительно не нужно знать твои сексуальные секреты.

Джессика надулась.

— Я просто говорю, что Мэдди повезло. Ей не нужно беспокоиться о таких вещах, — она снова повернулась к Мэдди. — Но я не думаю, что это правильно. Грей сбивает тебя с пути. Что сказала Эшли?

Мэдди украдкой взглянула на Бекку. Ее выражение лица ничего не говорило.

— Он не сбивал меня с пути. Это я заставила его прыгнуть. Он просто пытался убежать от всего этого внимания.

— Держу пари, ему это нравится, — сказала Джессика. — Какой парень не любит, когда девушки бегают за ним? Он просто умоляет об этом со всеми этими обложками альбомов. Клянусь, я видела его голое тело чаще, чем Мэтта.

— Это несправедливо, — ответила Мэдди, пытаясь подавить свое раздражение. — Это все равно что сказать о девушке в короткой юбке, что она умоляет парней приставать к ней. Он имеет право на самовыражение.

Бекка тепло улыбнулась ей, на ее лице отразилась благодарность.

— Девушки с короткими юбками сами напрашиваются на это, — Джессика пожалала плечами. — Мы все это знаем.

Лаура покачала головой.

— Звонили из 50-х. Они хотят вернуть свои ханжеские взгляды обратно.

Мэдди подавила смех.

— Мне нравятся обложки альбомов Грея. Они красивые и артистичные.

— Все эти татуировки, — Джессика насмешливо вздрогнула. — Мне нравится, когда мои мужчины выглядят как мужчины, а не как холсты.

— А я думаю, что татуировки — это сексуально.

Слова сорвались с губ Мэдди прежде, чем она успела их остановить. Джессика повернулась к ней с приподнятой бровью.

— Ты думаешь, что Грей Хартсон сексуальный?

Мэдди сглотнула.

— Я этого не говорила.

— Нет, действительно сказала.

Ей надоело защищаться от Джессик этого города. Их мелкие мысли и суждения казались ей отягощающим бременем. Она посмотрела на Бекку, которая с интересом наблюдала за происходящим. Когда их взгляды встретились, Мэдди подмигнула.

— Ну, если ты спрашиваешь мое мнение, то Грей сейчас, безусловно, самый сексуальный парень в Хартсонс Крик. Но ведь у него не так много конкурентов, правда? Таннер, наверное, тоже неплохо выглядит, но кто еще есть?

Джессика моргнула.

— Я думаю, что Мэтт очень хорошо выглядит.

— Конечно, ты так думаешь, — сказала Мэдди. — Благослови Господь твое сердце.

Лаура закашлялась от смеха.

Это было не так приятно, как Мэдди думала. Может быть, это было слишком легко. Джессика встала, чтобы налить себе выпивку и позвала своих подруг, за исключением Мэдди, Лауры и Бекки, присоединиться к ней.

— Это было мило, — сказала Бекка Мэдди, когда они ушли. — Надеюсь, однажды я смогу забыть, как ты назвала моего брата сексуальным.

— Она просто сказала правду, — сказала Лаура, пожав плечами. — В вашей семье рождаются привлекательные дети, в том числе и ты.

Бекка поцеловала ее.

— Спасибо тебе. И за это вы обе должны прийти завтра вечером на день рождения Таннера. Он арендовал часть бара «Лунный свет».

— Рич уже идет, — сказала Лаура, вздохнув. — Это значит, что я буду нянькой. Но спасибо за приглашение.

— А ты? — спросила Бекка, улыбаясь Мэдди. — Таннер обещал караоке. Я всегда выигрываю, когда пою с тобой.

— Да, но сможете ли вы вдвоем победить Грея? — спросила Лаура. — Он же известный певец, в конце концов.

— Уф. Я об этом не подумала, — Бекка поджала губы. — В таком случае, ты должна прийти завтра вечером. Мы не можем позволить моему брату забрать нашу корону, — она пошевелила бровями в сторону Мэдди. — Будь там к девяти. Именно тогда начнется веселье.

Глава 12

Грей вошел в бар «Лунный свет» и огляделся. Он посмотрел на темные деревянные полы, покосившиеся неоновые вывески и облупившиеся стены. Которые, в свои лучшие времена, могли быть выкрашены в темно-красный цвет.

Он был здесь всего один раз и его выгнали быстрее, чем он успел предъявить свое поддельное удостоверение личности. Почему он тогда решил, что ему сойдет с рук пьянство, когда он был несовершеннолетним, в единственном баре в Хартсонс Крик, он понятия не имел. Возможно, потому что ему было восемнадцать, и он был чертовски дерзок.

Он дважды взглянул на одну из освещенных вывесок на дальней стене.

— Живая обнаженка? — спросил он Таннера, нахмурившись. — Серьезно?

— В мечтах Сэма, — сказал Таннер, наклонив голову в сторону владельца бара. Сэм тянул кружку пива, его седые волосы падали на глаза.

— Кто-то купил ее ему на прошлое Рождество, в шутку.

— Ему это никогда не сойдет с рук, — сказала Бекка, присоединившись к ним в баре.

— Представьте себе воскресную проповедь преподобного Мейтланда, если бы он это увидел, — она посмотрела вниз на свой телефон. — Я получила сообщение от Кэма. Они с Логаном в двадцати минутах езды. Их рейс задержали на два часа.

— Ничего не меняется, — Таннер закатил глаза. — Эти двое всегда опаздывают.

Грей покачал головой, улыбаясь брату и сестре. Таннер был прав.

Хорошо, что он может прийти сюда с ними и выпить вместе, как взрослые.

Он пропустил все их дни рождения после того, как ему исполнилось двадцать. Ему не довелось отпраздновать их выпускные вечера, первую выпивку и многое другое, так что он наверстывал упущенное. И он был рад этой возможности.

— Две «Сьерра Невады» и грязный мартини, — сказал Сэм, пододвигая им напитки. — Хочешь, чтобы я добавил их в счет?

— Да. — Грей положил на стойку свою черную карту American Express. — Запиши на нее все напитки сегодня вечером.

— Все? — Сэм поднял бровь. — То есть все, кто приходит и заказывает?

Грей кивнул.

— Ты не можешь этого сделать. Я пригласил много людей. Это будет стоить сотни, — запротестовал Таннер.

— Может быть, тысячи, — услужливо добавил Сэм.

— Все в порядке. Считай, что это расплата за все напитки, которые я должен был купить тебе за последние шесть лет, — успокоил Грей Таннера. — Я твой старший брат, позволь мне это сделать.

— А мне ты тоже устроишь вечеринку в честь дня рождения? — спросила Бекка, ухмыляясь, когда взяла свой бокал с коктейлем.

— Конечно.

— В таком случае скажи «да», — сказала она Таннеру. — Дареному коню в зубы не смотрят.

— Ты уверен, парень? — снова спросил Таннер. — По крайней мере, позволь мне заплатить половину.

— Ни за что. Я думаю, так ты позволишь мне пропустить караоке.

— О нет, — запротестовала Бекка. — Ни за что. Ты не можешь отказаться от этого. У меня есть ставки на это.

— Ты ставишь на победу Грея? — спросил Таннер, ухмыляясь. — Какой идиот будет ставить против тебя?

— Нет. Я ставлю на себя. Ну, на меня и Мэдди. Мы выигрывали каждый раз, когда проводился конкурс караоке. Думаю, что сегодня мы сделаем это снова. А поскольку Грей здесь, шансы просто потрясающие.

— Мэдди придет сегодня вечером? — спросил Грей. Он сделал глоток пива и постарался не обращать внимания на то, как участился его пульс.

— Да. Она мой партнер по преступлению. И мне неприятно это говорить, но ее голос так же хорош, как и твой, — Бекка пожалала плечами. — Игра началась, брат.

Грей открыл рот, чтобы ответить, но тут дверь открылась, и вошли друзья Таннера, а за ними два знакомых лица, на которые все повернулись посмотреть. Он усмехнулся, узнав их.

— О Боже! — воскликнула Бекка, подбегая к двум своим братьям и обнимая их. — Вы здесь. Боже, как я скучала по вам, идиоты.

— Конечно, мы здесь, — Логан, старший из них, взъерошил ее волосы. — Я же говорил, что мы ненадолго приедем, — он взглянул на Таннера. — С днем рождения, брат. Извини, что мы ненадолго. В ресторане кадровый кризис.

Будучи владельцем трех ресторанов в Бостоне, Логан был постоянно занят. Он мог вырваться только раз в сто лет.

Кэм был игроком НФЛ, угловым защитником в команде «Патриот». Его график был таким же напряженным, как и у его близнеца. Им редко удавалось провести время вместе.

Грей шагнул вперед и обнял своих братьев, широко улыбаясь. Он был старше их чуть больше чем на год, и когда они были маленькими, он был как третий близнец. Только когда они выросли, он стал защитником, следя за тем, чтобы с ними все было в порядке, как и с Таннером и Беккой.

— Все братья Сердцееды в одном месте, — сказала Бекка, смеясь, когда они застонали

над своим старым прозвищем. — Кто бы мог подумать?

— Как работа? — спросил Грей у Кэма. Из всех своих братьев Кэм был единственным, кто знал, как трудно справиться со славой. Когда он был в Бостоне, ему было практически невозможно пройти куда-либо без того, чтобы его не узнали.

— Занят, — Кэмерон провел рукой по своим подстриженным волосам. — Вот-вот начнутся межсезонные тренировки. А как насчет тебя? Слышал, ты работаешь над старым особняком?

— Кто бы мог подумать, что Грей Хартсон будет заниматься водопроводом, — сказал Логан, хлопнув Грея по спине. — Надеюсь, ты записываешь все это для потомков.

Таннер принес напитки, и все подняли бокалы для тоста. Грея охватило тепло, такое тепло, которое дает только семья. Это была как бы другая сторона медали его отношений с отцом. Странно, что без старика никто из них не смог бы существовать.

— Двадцать минут до караоке, — позвал Сэм из-за барной стойки. В бар ввалилось еще больше друзей Таннера, а также несколько молодых женщин, которых он не узнал и которые направились прямо к Бекке.

Он осмотрел все лица, которые появлялись, но ни одно из них не было Мэдди.

— Вы, ребята, собираетесь петь, да? — спросила одна из подруг Бекки у Логана и Кэмерона.

— Конечно, — Логан усмехнулся. — Мы не можем позволить Грею украсть все внимание.

— Я не буду петь, — сказал им Грей.

— Ах, да, ты будешь петь.

— А как насчет тебя, Таннер? — спросил Кэм.

— Да. Я уже подал заявку на песню, — он усмехнулся. — И поскольку это моя вечеринка, я должен быть первым.

Бекка посмотрела на часы.

— Может, мне стоит позвонить Мэдди. Не в ее духе опаздывать.

Воздух внутри бара становился теплым, уровень шума повышался, когда друзья и родственники Таннера смеялись и разговаривали друг с другом. Грей взглянул на дверь, когда она открылась и вошла Мэдди. Она на мгновение замерла в дверях, оглядываясь по сторонам, пока не заметила Бекку и не улыбнулась.

Боже, как она хорошо выглядела в своих узких джинсах и белом топе на бретельках, ее темные волосы каскадом спадали по спине. Он сделал еще один глоток пива и отвел глаза в сторону, не желая, чтобы кто-нибудь заметил его взгляд.

— Кто это? — спросил Логан у Бекки, его глаза расширились.

— Мэдди Кларк.

— Не может быть, — его брат посмотрел на Грея. — Ты слышал это? Это Мэдди Кларк. Господи, она изменилась.

— Сестра Эшли? — спросил Кэм, поворачиваясь, чтобы посмотреть, как она идет через бар. — В этой семье точно знают, как создавать великолепных девушек.

— Эй, ты видел Эшли с тех пор, как вернулся? — спросил его Логан.

— Нет.

— Наверное, это к лучшему, — Кэмерон рассмеялся. — Она возненавидела тебя после того, как ты ушел.

Грей тяжело сглотнул и снова посмотрел на Мэдди. Не смог сдержаться. Ее глаза

встретились с его и это было похоже на удар в живот. Приятный, но болезненный удар. Затем Логан встал между ними и прервал связь. Грей сделал глубокий, успокаивающий вдох.

Что в ней такого?

Каждый раз, когда они были вместе, он чувствовал ощутимую связь. Это было безумно, глупо и чертовски хорошо.

Он сделал еще один глоток пива и взглянул на часы. Было почти девять часов.

— Ладно, Таннер, — позвал Сэм, выходя из-за барной стойки. — Время караоке, и ты первый, — он подвел младшего брата Грея к импровизированной сцене в углу, вручил ему микрофон и указал на экран. — Дамы и господа, — объявил он. — Добро пожаловать на конкурс караоке в баре «Лунный свет». Первый участник — это наш Таннер Хартсон. И сегодня он будет петь песню «Вдоль реки», которую написал его знаменитый брат, Грей Хартсон.

Мэдди подавила усмешку, увидев, как приоткрылся рот Грея, когда Сэм назвал песню, выбранную Таннером. Его брови сошлись вместе и ей очень захотелось протянуть руку и проследить за морщинками, которые образовались на вершине его сильного, прямого носа.

— Ты выбрал мою песню? — озадаченно спросил Грей.

Таннер усмехнулся и наклонился к микрофону.

— Считай, что это дань уважения, брат.

— Так Таннер говорит о расправе, — насмешливо прошептала Бекка, а Логан и Кэмерон рассмеялись.

Но затем начались знакомые ноты «Вдоль реки» и сердце Мэдди сжалось, как всегда. Это была такая медленная, душераздирающая мелодия. Когда она только вышла, все местные радиостанции постоянно крутили ее. Она напоминала ей о школьных танцах, встрече выпускников и вечерах в кафе.

Ее глаза снова переместились на Грея и дыхание перехватило в горле, когда она поняла, что он смотрит на нее.

— Привет, — она улыбнулась ему.

— Привет, — он подошел к ней и остановился в нескольких шагах от нее. — Рад, что ты пришла.

Да, она тоже. Сейчас. Час назад у нее почти случился приступ паники, когда она поняла, что будет петь перед Греем Хартсоном. Это было глупо, потому что ее никогда не волновало пение перед людьми. Во всяком случае, не здесь, в Хартсонс Крик. Караоке в баре «Лунный свет» было лишь небольшим развлечением, если только вы не были Беккой, которая относилась к этому очень серьезно.

Инструментальное вступление закончилось и Таннер пропел первые слова.

— *Помнишь, как мы были детьми? И все, что мы делали? Дни, которые мы проводили в школе прямо у реки.*

— Ой, — Логан закрыл уши. — Может ли он попасть в еще более неудачные ноты?

— *День, когда умерла любовь. И все плакали. Мы крепко обнимали друг друга у реки.*

Таннер смотрел прямо на своего брата, исполняя ему серенаду. Грей покачал головой, а Мэдди усмехнулась, потому что было чертовски мило наблюдать за ними.

— Давай, брат, — позвал Таннер. — Давай, спой со мной.

Грей поднял руки вверх и покачал головой.

— Нет, — пробормотал он.

— Давай, — призвал Логан.

— Это его вечеринка, — сказала Бекка, схватив Грея за руку. — Иди и присоединись к нему.

Таннер начал припев и указал на Грея. Он повернул руку и поманил его согнутым пальцем. Мэдди снова засмеялась, а Грей посмотрел на нее, подняв брови.

— Что? — спросила она.

Грей озорно улыбнулся и пошел к сцене, и, черт возьми, если, наблюдение за его легкой походкой, не заставило ее сердце биться быстрее. Он вышел на сцену и Таннер обнял его, ухмылка брата была такой широкой и заразной. Таннер поднес микрофон ко рту Грея, когда зазвучал припев и толпа в баре громко зааплодировала, когда он начал петь.

— *День, когда я шел вдоль реки, был днем нашего прощания.*

Голос Грея был низким и проникновенным. Дрожь пробежала по позвоночнику Мэдди.

— *День, когда мы шли вдоль реки, был днем, когда я заставил тебя плакать.*

Его глаза обшаривали толпу, пока не остановились на ней. У Мэдди перехватило дыхание.

— *Теперь я сижу здесь один и думаю только о том времени.*

Все столпились вокруг сцены, подняв руки вверх, громкими голосами присоединяясь к песне.

— *Почему мы не можем снова прогуляться вдоль реки?*

— Черт, — прошептала Бекка на ухо Мэдди. — Как ты думаешь, мы сможем его перепеть?

— Конечно, — соврала Мэдди. — Легко.

Бекка пробормотала что-то об их игре на «пять», а затем подошла к Сэму, стоявшему у сцены, и что-то прошептала ему на ухо. Мэдди осталась на месте. Она не смогла бы сдвинуться, даже если бы захотела. Она была словно прикована, ее пульс бился в такт музыке.

— Ты такой чертовски сексуальный, — крикнула Грею одна из подруг Бекки. Почти все засмеялись.

Мэдди хотела присоединиться к ним, действительно хотела. Но в ней бурлило слишком много эмоций и ни одна из них не была забавой. В ней были и смущение, и желание, и тоска.

Но не юмор. Совсем нет.

Когда песня подошла к концу, и Грей спел последнюю ноту, раздался рев, свист и хлопки. Грей взъерошил волосы Таннера, а тот хлопнул его по спине, после чего они оба спустились со сцены.

На мгновение они исчезли в толпе, и она видела только макушки их голов, пока друзья Таннера поздравляли и обнимали их. Затем появился Грей и направился к ней, Мэдди пришлось сжать пальцы в кулаки и впиться ногтями в ладони, чтобы не броситься на него.

Необходимость прикоснуться к нему была непреодолимой. Его футболка облегла тело, кожа сияла, глаза сверкали. Она тяжело сглотнула и попыталась напомнить себе, кто он такой.

Бывший моей сестры.

Но ее сердце не хотело слушать. Оно было слишком занято тем, что колотилось в ее грудной клетке.

— Как я справился? — спросил он, глядя на нее сверху вниз напряженным взглядом.

— Ты был неплох, — ей каким-то образом удалось сохранить голос ровным. — Не так хорошо, как в записи, но кто как умеет?

Он усмехнулся и это сломило ее.

— Упрек, под маской похвалы.

— Итак, следующие — Бекка и Мэдди, — крикнул Сэм в микрофон. В динамиках раздался треск, заставивший ее вздрогнуть.

— Удачи, — сказал Грей, все еще улыбаясь ей.

— И в качестве угощения Мэдди будет играть на пианино, пока они поют.

— Ты будешь? — спросил Грей.

Для нее это было новостью. Так вот о чем Бекка шепталась с Сэмом. Она посмотрела на старое пианино в конце сцены. По опыту она знала, что оно не настроено и покрыто сантиметровым слоем пыли.

— Давай, Мэдди, — позвала Бекка через плечо Сэма, чуть не подпрыгивая от возбуждения.

Грей просунул свою теплую ладонь под ее локоть и подвел ее к пианино, отступив назад, чтобы она могла опуститься на табурет. Она провела пальцем по крышке, и, конечно же, она оказалась пыльной. Вздохнув, она подняла ее и повернулась к Бекке.

— Что я играю?

— Леди Антебеллум. «Я нуждаюсь в тебе сейчас», — заговорила Бекка в микрофон. Люди перед сценой зааплодировали.

Мэдди покачала головой и посмотрела на клавиши. С гитарой было бы лучше, но она могла сделать это и на пианино. Когда она положила пальцы на клавиши цвета слоновой кости, подошла Бекка с микрофоном и села рядом с ней.

— Ты исполняешь вокал Хилари, а я — Чарльза, — прошептала Бекка, когда Мэдди нажала пальцами на первые четыре ноты, а затем повторила мелодию, беззвучно считая про себя.

Пока Бекка держала перед ней микрофон, Мэдди открыла рот, чтобы запеть и забыла обо всем вокруг.

Обо всем, кроме великолепного мужчины, опирающегося на пианино и пристально наблюдающего за ней.

Глава 13

Вся комната затихла, когда Мэдди запела первую строчку. Ее голос был чистым, идеально поставленным, и это поразило его до глубины души. Под клавишами он видел, как ее колено двигалось вверх-вниз в такт, как ее пальцы ускорились, когда куплет переходил в припев.

Бекка наклонилась, и они вдвоем запели о том, что пьяны и в чем нуждаются, и он верил каждому слову. Выражение лица Мэдди было оживленным, губы мягкими, как будто она жила словами, которые пела.

Она была прирожденной исполнительницей. Это было очевидно. Дело было не только в том, что она умела играть на пианино — он встречал много людей, которые умели это делать и некоторые из них были лучше, чем она. И дело было не в звуке ее голоса, хотя он вызывал дрожь по позвоночнику каждый раз, когда она открывала рот. Нет, дело было в том, как она двигалась, как поворачивала голову, чтобы охватить взглядом зрителей, которые стояли, покачиваясь, перед сценой с восторженными выражениями лиц. Ей не нужно было красоваться или вытягивать мелодию, потому что она уже сделала их своими.

Это опьяняло.

Бекка взяла на себя следующий куплет, споткнувшись на одной ноте и Мэдди поймала ее взгляд и усмехнулась. Затем снова начался припев, и толпа присоединилась к нему, их тела покачивались, руки были подняты вверх.

Грей начал повторять слова вместе с ними. Мэдди посмотрела на него, ее губы изогнулись, когда она поймала его взгляд. Боже, как он хотел ее. Хотел выцеловывать эти слова прямо из ее рта. Хотел показать ей, как чертовски сексуален ее талант. Его пальцы болели от желания коснуться ее мягких губ, проникнуть внутрь и наблюдать за ее реакцией.

— Мэдди хороша, да? — спросил Таннер, передавая Грею свежую бутылку пива. Он облокотился на пианино рядом с ним и скорчил рожицу Бекке, которая высунула язык.

— Она более чем хороша. Она лучше, чем половина профессиональных певцов, которых я знаю.

— Вот почему никто не любит петь караоке после них. Они с Беккой всегда выигрывают конкурсы, — Таннер ухмыльнулся. — Пока не появились мы.

Песня подходила к концу. Бекка и Мэдди, наклонившись друг к другу, пели о том, как им нужен их малыш, голоса девушек были с придыханием и низким тембром. Когда Мэдди сыграла последнюю ноту, толпа громко закричала, притоптывая ногами и требуя продолжения. Бекка схватила ее за руку и потянула вверх, они поклонились зрителям. Кто-то благодарно присвистнул, и Грей нахмурился.

Это же моя сестра и моя... подруга?

Почему это слово заставило почувствовать такое разочарование?

Он снова посмотрел на Мэдди. Наблюдал за тем, как быстро поднимается и опускается ее грудь, когда она делает неглубокие вдохи. Потом кто-то вложил ей в руку стакан, другой человек оттащил ее и Грей мог только смотреть на нее.

На мою подругу.

— Далее у нас свежее мясо в караоке. Близнецы Логан и Кэмерон. Поприветствуйте их обоих от «Лунного света», — крикнул Сэм в микрофон. — И не забудьте, в конце у вас будет возможность проголосовать за своего фаворита. Тот, кто получит самые громкие аплодисменты, выиграет желанный трофей — «Караоке Лунного света».

— У него его нет, — сообщил Таннер Грею. — Кто-то украл его в прошлом году. Но он надеется, что к концу вечера все будут слишком пьяны, чтобы заметить это.

Грей усмехнулся, оглядывая комнату в поисках ее.

— Мне просто нужно...

Грей прошел через весь зал, улыбаясь и пожимая руки, когда люди говорили ему, как здорово, что он пришел сюда сегодня вечером. Но его внимание было сосредоточено на другом, он искал ее.

Девушки не было ни в баре, ни в толпе людей, уставившихся на сцену, пока Логан и Кэм портили отличную песню. Он некоторое время смотрел на туалет, но сдался, когда начал беспокоиться о том, что могут подумать люди.

Бекка разговаривала с парой девушек у бара. Грей подошел к ней и обнял ее, поздравляя с выступлением.

— Ты не видела Мэдди? — спросил он ее.

— Нет, — Бекка огляделась вокруг. — Но она должна быть где-то здесь.

— Не беспокойся. Я поздравлю ее позже.

Она ушла домой.

Он был уверен в этом, хотя и не знал почему. Он поставил пиво на стойку, взял куртку и вышел через облупившуюся зеленую дверь. Ночной воздух взбодрил его своей прохладой, которую он не ожидал.

И тут он увидел ее. Она сидела на скамейке в сквере — на той самой, на которой сидела в тот первый день, когда они встретились. Ее ноги стояли на сиденье, а руки обхватывали колени, крепко их обнимая. Для человека, который только что покори́л всех в баре «Лунный свет», включая его, она не выглядела счастливой.

Ему потребовалась всего минута, чтобы пересечь площадь и присоединиться к ней. Мэдди подняла глаза, когда он подошел к скамейке, но не сдвинулась с места.

— Привет, — он сел рядом с ней. — Ты в порядке?

— Да, — она вздохнула. — Мне просто нужен был свежий воздух. Там жарко.

— Здесь прохладно.

— Это ты мне говоришь. У меня уже мурашки по коже, — девушка посмотрела вниз на свои голые руки.

Грей снял пиджак и накинул ей его на плечи, не потрудившись спросить разрешения. Он уже знал о ней достаточно, чтобы понять, что она бы настояла на том, чтобы он оставил его себе, а он не был настроен на это дерьмо.

Ей было холодно. Он мог согреть ее. Все.

— Ты была хороша там, — сказал он ей. — Действительно хороша.

Призрак улыбки промелькнул на ее губах.

— Спасибо. Хотя это старая песня. Даже не могу сказать, сколько раз мы ее исполняли.

Она всегда заводит людей.

— Думаю, она находит отклик у всех. Кто не просыпался в час ночи, думая о ком-то?

Она кивнула, подтянув рукава его пиджака на грудь.

— У тебя потрясающий голос. Лучше, чем у половины тех, кого я слышу в этом бизнесе. Ты когда-нибудь думала о том, чтобы стать профессионалом? — спросил он.

Она подняла на него глаза, и лунный свет заставил ее кожу мягко светиться.

Боже, как же хочется прикоснуться к ней.

— Мне нравится все так, как есть.

В ее голосе не было убежденности. Никакой правды. Это прозвучало как фраза, которую она повторяла слишком много раз.

— Тебе нравится жить в тупиковом городке, зарабатывая на жизнь подачей дерьмовых яиц? — спросил он. — И проводить каждый вечер пятницы, сплетничая со старухами, которых больше интересует, кто с кем встречается, чем то, что происходит в реальном мире? — он сжал пальцы в кулаки, удивляясь, откуда взялся гнев.

— Я также преподаю игру на пианино, — ответила она, подняв бровь.

Он рассмеялся. Короткий, лишенный юмора смешок, который заставил его вздрогнуть.

— Это чушь собачья. Нельзя иметь такой талант, как у тебя и прятать его. Он у тебя не просто так. Ты должна быть там, записывать песни, выставлять их на обозрение публики, — он повернулся, его глаза смотрели прямо на нее. — Я могу помочь тебе.

— Мне не нужна твоя помощь, — сказала она ему, зажав губы между зубами. — Мне она не нужна. Мне здесь хорошо. У меня хорошая жизнь, люди, которым я нужна. Я не могу уйти от своих обязанностей.

— Я ушел.

— Тебе повезло, что у тебя была большая семья, которая могла позаботиться друг о

друге, когда тебя не было.

Возможно, она была права. Ему никогда не приходилось беспокоиться о том, кто отвезет его отца на прием к врачу или проследит, чтобы он каждый день что-нибудь съел. Грей мог путешествовать по миру и оставлять все на Джину, Бекку и своих братьев.

У Мэдди не было такой роскоши.

— У твоей мамы тоже есть Эш, — заметил он, скорее для себя, чем для нее.

Мэдди поморщилась.

— У Эш есть своя семья. Она не должна заботиться о нас.

— Так почему же именно она ушла? — спросил Грей.

Все это казалось неправильным. Как будто она выдумывала отговорки, чтобы скрыть что-то другое.

— Разве ты не поехала в Анселл? Почему ты вернулась?

Мэдди побледнела.

— Ты знаешь об этом?

Ее нижняя губа дрогнула и ему захотелось прекратить это. Боже, он так многого хотел, но понятия не имел, как воплотить это в жизнь.

— Я слышал, что ты училась там какое-то время, потом вернулась. Ты не закончила учебу?

Она сглотнула.

— Нет.

— Почему?

Мэдди посмотрела вниз на рукав его пиджака, ее пальцы перебирали хлопок.

— Это не имеет значения, — сказала она.

Ему пришлось наклониться вперед, чтобы расслышать ее.

— Я здесь, и здесь я собираюсь остаться.

— И это все? Ты прозябаешь, потому что ты нужна маме? Ты пожалеешь об этом, если так поступишь.

Она подняла голову, и он увидел, как луна отражается в ее слезящихся глазах.

— Может быть я буду жалеть больше, если уйду. Не все добиваются успеха, Грей. Не все получают ту жизнь, о которой всегда мечтали. Ты, возможно, получил сказку, но есть и кошмары. Иногда лучше придерживаться того, что знаешь, — она встала и стянула с себя пиджак, протягивая ему.

— Оставь себе.

— Я иду домой. Можешь сообщить Таннеру за меня? И оправдаться перед Беккой?

— Разве ты не хочешь знать, выиграла ли ты конкурс?

Он сделал шаг к ней, потянулся, чтобы коснуться ее челюсти. Ее кожа была такой же мягкой, как он и предполагал. И теплой, несмотря на ее дрожь.

— Ты лучше этого, — прошептал он, проводя большим пальцем по ее нижней губе.

— Я не лучше, — ее голос надломился. — Я Мэдди Кларк. Сестра Эшли. Я девушка которую никто не видит, потому что есть много других вещей, на которые стоит обратить внимание. Я не ты, Грей. Я не звездный материал. И я смирилась с этим.

Одна слезинка скатилась по ее щеке, по челюсти и ему показалось, что кто-то выкручивает каждый мускул внутри него. Он вытер влагу с ее кожи, его взгляд упал на ее губы. Боже, они были идеальны. Розовые, полные и слегка приоткрытые.

— Мэдди, — его горло сжалось, когда он наклонился ближе. — Мэдди Кларк.

Ее губы дрожали, глаза широко раскрылись. В них было полно вопросов, на которые у него не было ответов. Он тяжело сглотнул, чувствуя, как в его крови разгорается потребность поцеловать ее. Ему хотелось поглотить ее, пока не узнает все ответы. Целовать ее до тех пор, пока она не поймет каждый из них. Прижимать ее тело к своему, пока она не поймет, как сильно он ее желает.

Грей провел рукой по ее шее, наклоняя голову девушки, пока их взгляды не встретились. И на мгновение он утонул в глубине ее глаз. В ней. Не зная, сможет ли он снова дышать.

— Я должна идти, — она отстранилась, оставив его руку болтаться в воздухе. — Мне жаль.

Грей смотрел, как она спешит через площадь, его брови нахмурились, когда Мэдди пробежала через ворота и вышла на тротуар. Через несколько мгновений она исчезла, растворившись в тени и он остался один.

Что, черт возьми, только что произошло?

Мужчина не был уверен, но одно было точно. Ему это ни капельки не понравилось.

Мэдди спешила по тротуару, крепко прижимая к груди пиджак Грея. Его запах пропитал хлопок. Теплый и мужественный аромат заставил ее желудок перевернуться при воспоминании о выражении его лица. Он собирался поцеловать ее, в этом она была уверена.

Но девушка понятия не имела, почему.

Симпатия ли это? Или какое-то безумное воспоминание об Эшли?

Ее щеки горели от этой мысли. Она была так близка к тому, чтобы сократить расстояние между их губами. Достаточно было бы просто сделать шаг и их рты соприкоснулись бы. Она тяжело сглотнула, когда свернула за угол на свою улицу и ужас охватил ее, когда она увидела свой дом в конце квартала.

Я такая идиотка. Неужели я действительно плакала перед ним?

Она провела пальцами по щеке. Влага исчезла, но кожа все еще была горячей. И, возможно, это не было неожиданностью.

Ведь Грей Хартсон почти поцеловал ее. Хуже того, она хотела этого. Она чувствовала, как потребность в нем бурлит в ее жилах, пока она не смогла сосредоточиться на чем-то другом. И на мгновение — всего лишь на один, идеальный отрезок времени — ей показалось, что это так правильно. Как будто такая женщина, как она, могла быть с таким парнем, как он.

Все так и было, до тех пор, пока реальность не обрушилась на нее, как грузовик Мак.

Мэдди знала, что она хорошо выглядит. Но она не была Эшли. Взросление в тени своей красивой сестры научило ее тому, что внешность — это валюта. Эшли покупала внимание и восхищение таких парней, как Грей Хартсон.

Мэдди с ранних лет знала, что никогда не будет такой девушкой. Поэтому она смешила людей или была добра к ним. Делала вещи, которые создавали другие виды связей. Когда все остальное не помогало, она пряталась в своей музыке. Ее счастливое место.

И, возможно, они не могли обеспечить ей такую жизнь, как у Эшли — жизнь с богатым мужем, в дорогом доме, с двумя прекрасными детьми, но она никогда и не хотела такой жизни. Здесь, в Хартсонс Крик, она знала, кто она есть. Где она находится. У нее были друзья, люди, о которых она заботилась. Это была хорошая жизнь.

Так почему же, кажется, словно сердце сейчас расколется на две части?

Она вздохнула, когда свернула на дорожку, ведущую к ее дому. На крыльце горел свет,

как она его и оставила, но в остальной части дома было темно.

Зайдя внутрь, она проверила маму, которая крепко спала, а затем прошла в свою спальню, не снимая пиджака. Она вернет его завтра или, может быть, отдаст Бекке, чтобы та передала его Грею. Мэдди не была уверена, что сможет еще раз поговорить с ним, не открывшись ему.

Она опасалась, что ему не понравится то, что он увидит.

Сбросив туфли, она легла на кровать, вдыхая теплый аромат его пиджака. Она покачала головой и снова встала, положив его на свой рабочий стул, прежде чем сесть обратно на матрас.

Она больше не была подростком. Не могла принимать такие решения, какие принимала по наивности. Она уже делала это однажды и посмотрите, к чему это привело? Одна, напуганная в Нью-Йорке, звонящая сестре в полночь и умоляющая приехать и спасти ее.

Девушка не хотела снова оказаться в таком положении. Лучше быть одной и в безопасности, чем с кем-то и уязвимой.

Даже если бороться со своими чувствами становилось почти невозможно.

Глава 14

— Тетя Джина сказала, чтобы ты прекратил работать и вышел на улицу, — прокричал Логан, повернув голову в направлении Грея, работавшего на чердаке. — Там есть пиво для тебя.

Грей вытер пот со лба и посмотрел на брата.

— Как прошла служба в церкви?

— Скучно без тебя, — сказал Логан, ухмыляясь. — Мне обещали толпы кричащих девушек снаружи. А Таннер просто сидел в углу и выглядел зеленым. Я говорил ему, что последний виски до добра не доведет.

— Думаю, ему навредили пять предыдущих, — ответил Грей, забираясь через чердачную дверь. — И шесть бутылок пива, — было трудно не рассмеяться над похмельем Таннера.

— Он сейчас пьет бутылку в саду, со словами — «убей или вылечи».

Грей спустился за братом по лестнице и прошел на кухню. Тетя Джина готовила на скорую руку, что-то бормоча Бекке, обронив на него свой взгляд.

— Тебе нужна помощь? — спросил он, когда тетя открыла плиту и запричитала от выходящего дыма.

— Нет. Иди на улицу со своими братьями и не мешай мне.

— Ты идешь? — спросил он Бекку.

— Через минуту, — кивнула она. — Думаю, сначала я дам вам закончить все эти мальчишеские разговорчики.

Логан передал ему пиво, когда они вышли на улицу. Таннер лежал на двух стульях с закрытыми глазами, обратив лицо к небу и слушая Кэма. Младший близнец рассказывал ему истории о своей последней игре.

— Ты продолжал играть с травмой головы? — спросил Таннер, его глаза все еще были закрыты. — Ты с ума сошел?

— Я хотел выиграть, — Кэм пожал плечами. — Кайф был невероятный, — он усмехнулся, заметив выходящих старших братьев. — Грей должен понимать, о чем я. Я видел твое лицо, когда ты выходишь на сцену.

— Похоже на лицо, когда Таннер заставил его петь в караоке собственную же песню, —

сказал Логан, ухмыляясь. — Чувак, это меня рассмешило.

Таннер покачал головой.

— Не могу поверить, что мы проиграли Бекке и Мэдди. Я могу поклясться, что мы были убедительными.

— Они победили честно и справедливо, — сказал Логан, взглянув на свой телефон и поморщившись. — Им больше всех аплодировали.

— Не напоминай мне, — пожаловался Таннер. — Бекка всю ночь пихала мне это в лицо.

— Мне нужно позвонить, — сказал им Логан, его челюсть была крепко сжата. — Сейчас вернусь.

— Проблемы с рестораном? — спросил Грей у Кэма, когда старший из близнецов обошел дом спереди.

— С пятницы он потерял пять сотрудников, которые перешли в конкурирующее заведение. Еще немного и ему придется временно закрыться. Он ворчал об этом всю дорогу сюда, — он пожал плечами и сделал еще один глоток пива. — Кстати, о нытье, как ты справляешься со стариком?

— Он ведет себя как обычно, как мудака, — пробормотал Таннер. — Все, что Грей делает с водопроводом, неправильно.

— Разве плохо, что я почувствовал облегчение от того, что он сегодня остался в постели? — спросил Кэм. — Я могу выдержать с ним минут десять, но целый день? Ни за что не хочу слушать, как он разбирает каждую мою игру в прошлом сезоне. Мне придется выиграть Суперкубок в одиночку, чтобы он был счастлив.

Грей поджал губы. Да, это было плохо, но он чувствовал себя точно так же. Хотя здоровье его отца улучшалось, он все еще был далек от выздоровления. А присутствие в доме всех его детей сразу оказалось для него слишком тяжелым испытанием.

— Эй, как поживает та девушка, с которой ты встречался? — спросил Таннер у Кэма, чуть приоткрыв глаза. Он тут же заслонил их ладонью. — Кажется, Элис?

— Андреа. И мы расстались. Она слишком много ворчала.

— Большой сюрприз, — пробормотал Таннер.

— А как насчет тебя, Таннер? — спросил Кэм, подняв бровь. — Девушки ломаются в твою дверь в Нью-Йорке?

— Я видел, как ты смотрел на Мэдди Кларк, — сказал Таннер Кэму, игнорируя его вопрос. — Она выросла и выглядит лучше, чем ее сестра.

Грей поднес бутылку к губам. Прошлой ночью он почти не спал. Слишком много думал о Мэдди и их разговоре на площади.

Он был на волосок от того, чтобы поцеловать ее. Он все еще чувствовал сладкий аромат ее духов, если очень старался. Это влечение к ней не давало ему покоя.

Что бы он ни делал, он не мог выбросить ее из головы.

— Она красивая девушка, — Кэм пожал плечами. — Но я завязал с женщинами. По крайней мере, пока не уйду из НФЛ.

Странно ли, что плечи Грея при этом расслабились?

— А как насчет тебя, Грей? — спросил Таннер. — Есть какие-нибудь истории об актрисах или певицах, которые ты можешь нам рассказать?

— Нет.

— Да ладно. По крайней мере, один из братьев Хартсон должен получить хоть что-

то, — Таннер сел, но его лицо оставалось пепельным. — Ты должно быть только и успеваешь отбиваться от них. Я вижу все комментарии к твоим фотографиям в Instagram.

— Нет. Мой пиарщик занимается этим.

— Некоторые из них указывают свои номера телефонов и описывают все, что они хотят с тобой сделать. Тебе стоит позвонить им.

Грей приподнял бровь.

— Я не заинтересован в перепихоне.

Кэм наклонил голову в сторону, его глаза внимательно изучали брата.

— А что тебя интересует? Ты хочешь остепениться?

— Нет, — Грей нахмурился. — Я не ищу ничего постоянного. Я вообще ничего не ищу. Но если я, когда-нибудь найду, то я хочу связи. Каких-то эмоций. Я устал от секса только ради секса.

— Вау... Никогда не думала, что застану день, когда один из моих братьев скажет такое, — сказала Бекка, ухмыляясь, когда вышла к ним. — И если вы не возражаете, мы можем сменить тему? Потому что мысль о том, что кто-то из вас занимается сексом, испортит мне весь кайф от победы в караоке.

— Заткнись, — сказал ей Таннер. — Это было подстроено. Ты получила все эти аплодисменты только потому, что заплатила за них.

Грей допил свое пиво и поставил бутылку на землю. Когда он поднял голову, Кэм смотрел на него с заинтересованным выражением. Как будто он мог видеть прямо сквозь мозг Грея его мысли.

Он надеялся, что это всего лишь иллюзия. Потому что если бы он мог читать мысли Грея, то наверняка подумал бы, что тот сошел с ума. Потому что они были полны мыслей о девушке, которая оказалась сестрой его бывшей.

Если это не было беспорядком, то Грей даже не представлял, что это было.

— Твой отец чувствует себя достаточно хорошо, чтобы присоединиться к нам на завтрак, — сказала тетя Джина несколько дней спустя, наливая четыре стакана апельсинового сока. — Разве это не замечательно?

— Замечательно, — Грей сделал глоток своего сока и очень постарался улыбнуться.

— Это прекрасно, — сказала Бекка, вскакивая из-за стола. — Пойду помогу ему.

Когда она вышла из комнаты, ее босые ноги шлепали по половицам в коридоре, тетя Джина посмотрела на него.

— Жаль, что он не смог встать, пока твои братья были здесь. Может быть, они скоро снова приедут в гости.

Логан и Кэмерон уехали рано утром в понедельник после вечеринки Таннера, на ходу оправдываясь за свой поспешный отъезд. Таннер уехал через несколько часов.

Грей уже безумно скучал по ним, что было глупо, учитывая, как мало он видел их за последние несколько лет. Они обещали приехать к нему в Лос-Анджелес, когда он вернется, но он знал, что потребуются много организационных усилий, чтобы снова собрать их всех в одном месте в одно и то же время.

— А вот и он, — сказала Бекка, проходя вместе с отцом на кухню. Он крепко держался за ее руку, пока шел рядом. Грей встал и отодвинул стул, а Бекка помогла ему сесть.

— Апельсиновый сок? — спросила его тетя Джина.

— Только чуть-чуть.

Грей почувствовал, как изменилась атмосфера на кухне. Как будто кто-то приглушил свет и уменьшил громкость.

— Что сегодня будет на работе? — спросила тетя Джина у Бекки, намазывая маслом ломтик тоста.

— Нам устанавливают новый станок, и начальство ворчит, как сумасшедшее, по поводу снижения производительности, так что я собираюсь надеть наушники и притвориться, что не слышу их, — Бекка пожала плечами. — О, и я все еще хвастаюсь перед Греем, что победила его в караоке, — она подмигнула ему, а он в ответ поднял бровь. — Я тебе об этом рассказывала?

Тетя Джина рассмеялась.

— Около сотни раз.

Бекка пожала плечами.

— Не так часто мне удается побить обладателя «Грэмми». Я думаю включить это в свое резюме.

— А я думаю написать это на обложке моего следующего альбома, — сказал ей Грей. — Вторая лучшая певица в Хартсонс Крик.

— Третья, если считать Мэдди, — с ухмылкой заметила Бекка.

Мэдди.

Одного упоминания ее имени было достаточно, чтобы он крепче сжал свой стакан.

— Ты планируешь поработать сегодня утром? — голос отца прорвался сквозь мысли Грея.

— Да. Как только позавтракаю, переоденусь и отключу воду.

— Тогда лучше поторопиться, — сказал отец, указывая на недоеденный тост перед ним. — Я помогу тебе с этим сегодня.

— Ты болен, — заметил Грей. — Ты должен отдыхать.

— Я чувствую себя немного лучше. Я буду просто сидеть и смотреть. Хочу убедиться, что ты все делаешь правильно.

— Я делаю все правильно, — Грей старался не показывать своего раздражения.

— Пусть помогает. Вам двоим будет полезно провести некоторое время вместе. После обеда твой отец сможет отдохнуть, — тетя Джина улыбнулась ему.

— Мне не нужен отдых, — ворчал его отец.

Да, Грей тоже не нуждался в его присмотре, но, похоже, сегодня никто из них не получит того, чего хотел.

— Хочешь еще? — спросил Сэм, когда Грей облокотился на стойку бара «Лунный свет» восемь часов спустя.

Мужчина кивнул и управляющий наполнил его стакан еще одной порцией виски. Это была его третья порция, которая показалась ему весьма сдержанной, учитывая, какой день был у Грея.

Ничто не было достаточно хорошим для его отца. Он уже должен был это знать. Но то, что ему, раз тысячу, сказали, что нужно перечеркнуть всю его работу и начать все сначала, было плохо даже для него. Это привело к полноценной ссоре, за которой последовал приступ кашля, после чего заплаканная тетя Джина бросила на него сердитый взгляд и заставила отца вернуться в постель.

Вот тебе и семейные узы.

— Ты все еще переживаешь из-за проигрыша в конкурсе караоке? — спросил Сэм с ухмылкой. Бар был практически пуст, но Грей все еще держал свою бейсболку низко надвинутой и сидел в тени в дальнем конце. Скорее потому, что он был зол, чем потому, что боялся, что его заметят.

Он проглотил полный рот виски, теплая жидкость приятно обжигала горло. Он не был пьян, — в отличие от Таннера, чтобы довести его до такого состояния, требовалось больше, чем несколько стаканов, но он был расслаблен так, как не чувствовал себя уже несколько дней.

— Я не переживаю из-за проигрыша, — сказал Грей, опуская пустой стакан. Он покачал головой, когда Сэм снова поднял бутылку. — Мне просто нужно было посидеть в тихом месте.

Сэм приподнял бровь.

— Забавно, ведь именно здесь в свое время сидел твой старик. Я тогда был еще ребенком. Но я помню, как наливал ему виски, когда он притаивался прямо тут.

Грей нахмурился.

— Мой отец приходил сюда?

— Да. Регулярно, как часы. Мне было даже жаль его. Его жены не стало, а пятерых детей надо кормить и одевать. Это тяжело для любого мужчины, — Сэм налил себе стакан и облокотился на стойку. — Все думали, что он быстро женится снова. Ходили даже разговоры, что он женится на твоей тете Джине, но из этого ничего не вышло.

Грей помнил, как хотел, чтобы они поженились, хотя между его отцом и маминой сестрой никогда не было ничего, кроме дружбы. Он боялся потерять ее так же, как они потеряли маму. Боялся, что ей надоест заботиться о них и она оставит их наедине с отцом.

Но она осталась, и он был благодарен ей за это.

— Может, ему стоило жениться еще раз, — пробормотал Грей в свой пустой стакан.

— Иногда у тебя есть только один шанс на любовь, — сказал Сэм, пожимая плечами. — Может быть, твоя мама была его родственной душой. Какой смысл пытаться заменить незаменимого?

— Ты действительно в это веришь? — спросил его Грей. — Что для каждого из нас есть только одна родственная душа?

— Я не знаю, — Сэм оперся подбородком о большой и указательный пальцы. — Но, возможно, твой отец знал. Я никогда не видел такого потерянного человека. Честно говоря, это напугало меня до смерти. Может быть, поэтому я так и остался холостяком, — он усмехнулся. — На этой работе можно увидеть много сердечных страданий.

Грей попытался представить, как его отец сидит здесь, будучи молодым мужчиной. Он едва помнил время до смерти матери и не мог вспомнить, каким был его отец тогда. Его воспоминания были полны гнева, споров и огня, который поднимался в его животе каждый раз, когда они с отцом ссорились.

— Зато твой отец не уехал, когда не стало твоей мамы. Какое-то время я думал, не уйдет ли он. Я часто такое вижу. Парни, которые бросают свои семьи и уходят, — Сэм сжал губы. — Ненавижу это.

— Я немного знаю о том, как уходить из семьи, — сказал Грей, подняв свой стакан, чтобы выпить последний глоток виски. Оно сделало свое дело. Успокоило боль и погасило огонь. Большего ему и не требовалось. Он выпьет последний стакан и отправится домой. И, может быть, немного поблагодарит судьбу за то, что не был вдовцом с пятью детьми на

иждивении.

Человек, у которого была любовь, но он ее потерял.

Грей задумался, каково это — иметь любовь и потерять ее.

Вы приглашены в группу встречи выпускников класса Анселл 2015 года.

Мэдди нажала на маленькое уведомление, ее желудок сжался, когда она перешла в группу, о которой ей написала Сара. В самом верху была возможность присоединиться, а также небольшая заметка о том, что она находится в режиме предварительного просмотра, может читать любые сообщения в группе, но не может их комментировать, пока не присоединится.

Прокрутив страницу вниз, она почувствовала, что у нее сжалось горло. В группе было уже более пятидесяти участников. И целый список сообщений от них, в которых они благодарили Сару за создание группы, рассказывали о своей жизни.

Некоторые из них играли в симфонических оркестрах, путешествуя по США. Другие работали в музыкальных издательствах или преподавали музыку в колледже для студентов. Она узнала пару из них, которые сейчас работают в Голливуде в киноиндустрии, сочиняя партитуры.

Ни один из них, похоже, не работал в закусочной и не преподавал музыку местной молодежи.

Она старалась не обращать внимания на маленький голосок в своей голове, который говорил ей, что она была разочарована. Что если бы она осталась в Анселле, то стала бы одной из них. Все те надежды и мечты, которые она питала, когда открыла письмо о приеме, нахлынули на нее.

Когда-то давно она действительно верила, что может стать кем-то.

Взмахнув рукой, она закрыла Facebook. Это была просто глупая встреча выпускников. Она не собиралась туда идти. Ее жизнь была здесь, в Хартсонс Крик и по большей части она была счастливой.

Она не собиралась заикливаться на том, что могло бы быть. Это было бы безумием.

Тук, тук.

Мэдди моргнула от этого звука и оглядела комнату. Было уже поздно, почти одиннадцать и она подумывала о том, чтобы выключить свет. Это был долгий день преподавания.

Затем раздался еще один стук. Громче, увереннее. Мэдди нахмурилась и уставилась на закрытые шторы ее окна. Иногда по карнизу проходили птицы и стучали клювами по стеклу, но не в это время ночи. Она тяжело сглотнула и подошла к окну, ее пульс учащенно бился, когда она обхватила пальцами плотную хлопковую занавеску.

Очень медленно она приподняла ее, ровно настолько, чтобы можно было заглянуть в окно. С другой стороны, рука снова поднялась, костяшки пальцев соприкоснулись со стеклом, заставив ее подпрыгнуть.

— Грей?

Она отдернула занавеску и распахнула окно настежь. Это действительно был он. Грей Хартсон во плоти, смотрящий на нее с самым странным выражением лица.

— Я надеялся, что это все еще твоя комната, — сказал Грей, скривив губы в полуулыбке. — Не хотел стучать в дверь, вдруг твоя мама спит.

— Все в порядке? — спросила она его.

Его глаза были нежными.

Это запах виски в его дыхании?

Он был теплым и пряным и ей захотелось подойти ближе.

— Да. Я просто хотел увидеть тебя. Сказать тебе, что мне жаль.

— Тебе жаль?

Грей снял бейсболку, а другой рукой провел пальцами по волосам. Они упали в идеальную беспорядочную прическу на лоб.

— За то, что был засранцем той ночью. Мне не следовало говорить то, что я сказал.

— Ты мог бы сказать мне это, пока было светло, — поддразнила она.

Он приподнял бровь.

— Да, я мог бы. Наверное, стоило бы. Но я здесь сейчас.

— Ты пил? — спросила Мэдди.

— Немного, — Грей пожал плечами. — У меня был плохой день и мне нужно было снять напряжение.

— Мне знакомо это чувство, — девушка подумала о двух бутылках пива, которые она выпила этим вечером.

Он кивнул.

— Так что... я просто хотел извиниться, — он снова улыбнулся ей. — Прости. Спокойной ночи, Мэдди.

Он уходит?

Она попыталась сглотнуть разочарование.

Она не хотела, чтобы он снова пытался ее поцеловать. Хорошо, что он этого не сделал. Даже если он был нежным, теплым и немного пьяным.

— Спокойной ночи, — прошептала она. Девушка стояла у окна и смотрела, как он начал идти к тропинке. Затем повернулся на пятках, чтобы снова встретиться с ней взглядом, его тело покачивалось.

— О, и Мэдди?

— Да?

— То, что ты сказала той ночью о том, что тебя никто не видит? Ты ошибаешься. Я вижу тебя. Я всегда, бл*дь, видел тебя, — уголок его рта приподнялся, когда он сделал несколько шагов назад к ней. — Тебя невозможно не заметить.

Ее грудь сжалась от его слов.

— Ты видишь меня? — тихо спросила она.

— Да. Каждую твою частичку. Я также слышу тебя. Даже когда у меня закрыты глаза, и я пытаюсь заснуть. Ты везде, и я понятия не имею, что с этим делать.

Ей было трудно дышать. Она хотела, действительно хотела этого. Но каждый раз, когда она пыталась, воздух застревал у нее в горле.

— Это безумие, правда? — спросил он, улыбка все еще была на его губах. — Ты Мэдди Кларк. Сестра Эшли. Я все время пытаюсь напомнить себе об этом. Но сердце хочет того, чего оно нахр*н хочет, Мэдди. Я должен это знать. Я пел об этом достаточно раз. Но я никогда в это не верил, — Грей покачал головой и рассмеялся. — Прости, ты, наверное, думаешь, что я гребанный псих.

— Я думаю, ты много ругаешься, — сказала она, улыбаясь.

— Виновато виски.

— Значит, это напиток говорит за тебя? — спросила она с блеском в глазах. — Тогда ладно, спокойной ночи, — девушка собиралась закрыть окно.

Прежде чем она успела это сделать, мужчина толкнул стекло и наклонился, глядя прямо на нее.

— Не уходи.

— Это не я уйду, — сказала она ему. — Это моя спальня. Я планирую остаться здесь.

Он глупо улыбнулся.

— Может быть, тебе нужно лечь спать, — предложила она. — Ты пьян. Тебе, наверное, нужно выспаться.

— Знаешь что? — поинтересовался Грей, полностью игнорируя ее предложение. — Мы должны поцеловаться. Хотя бы раз. Посмотреть, есть ли там что-то, — он покачал головой. — Кого я обманываю. Конечно, там что-то есть.

— Есть? — спросила она мягко.

— А разве нет?

Да, есть.

И мысль о том, что он тоже это чувствует, заставляла все ее тело гореть. Как одна из тех маленьких молний, за которыми они вместе наблюдали, Мэдди почувствовала, что начинает светиться.

— Ты хочешь поцеловать меня? — спросила она, просто чтобы убедиться, что правильно его поняла.

— Да. Я действительно думаю, что мы должны. Покончим с этим.

Боже, он милый, когда пьян.

— Здесь? Через окно?

Он посмотрел на нее потемневшими глазами.

— Не-а. Это не Ромео и Джульетта.

— Ему пришлось забраться на ее балкон. Я живу в бунгало.

— Это чертовски хорошо, что мне не нужно карабкаться. Я бы, наверное, сломал себе шею.

Она усмехнулась.

— Так куда ты хочешь меня поцеловать?

— В губы, — он подмигнул.

Разговор с Греем был похож на прелюдию. Это заставляло ее тело болеть.

— Я шучу, — сказал он, наклонившись к ней через окно. — Выходи и позволь мне забрать тебя куда-нибудь. Первые поцелуи не должны происходить через окно. Нет, если тебе больше пятнадцати лет.

— Куда ты хочешь пойти?

Он был достаточно близко, чтобы протянуть руку и коснуться ее. Грей провел пальцами по длинным густым волосам девушки. От его прикосновения она вздрогнула. Ее тело было прижато к подоконнику, между ними был тонкий барьер из кирпичей. Ей захотелось снести их один за другим, чтобы оказаться ближе к нему.

— Если бы мы были в Лос-Анджелесе, я бы отвез тебя на маленький пляж недалеко от Малибу. Мы бы припарковались, сняли обувь и поплавали на волнах. Потом я бы повернул тебя так, чтобы луна освещала твое лицо. И я смотрел бы на тебя, пока не смог бы больше этого выносить. Может быть, ты бы немного посмеялась, потому что у меня на лице было бы это дурацкое выражение, ведь я не хотел бы испортить этот поцелуй.

Она старалась не упасть в обморок от его описания.

— И что бы ты сделал?

— Я бы запустил пальцы в твои волосы, вот так, — пробормотал он, скользнув рукой к ее затылку. Подоконник уперся в ее бедра. — Мне пришлось бы наклонить твою голову, потому что ты такая чертовски низкая, а я такой чертовски высокий.

— Это было грубо.

Он снова подмигнул.

— А потом я бы сказал тебе, какая ты чертовски красивая. Что я не могу выбросить тебя из головы. Каждую ночь я думаю о том, как покачиваются твои бедра, когда ты идешь и как один из твоих глаз слегка закрывается, когда ты улыбаешься. А твой голос такой дьявольски сладкий, что мне хочется затащить тебя в постель, пока я не заставлю тебя петь от удовольствия.

— И все это еще до того, как мы поцеловались? — спросила она, немного задыхаясь.

— Я люблю все делать правильно.

Она наклонила голову.

— Ну, отсюда до Лос-Анджелеса лететь шесть часов. Еще пара часов на посадку и высадку. Прибавь к этому дорогу до Малибу, и мы получим десять часов. В одну сторону, — девушка посмотрела на часы. — А моя смена начинается в шесть утра. Не думаю, что мы успеем.

— Выйди сюда, Мэдди Кларк, — Грей взял ее за руку и переплел ее пальцы со своими. — Я знаю, что ты умеешь лазать. Я видел тебя.

— И что потом?

— Потом я придумаю, куда тебя поцеловать.

Она покачала головой.

— Ты сумасшедший. Ты знаешь это?

— Да.

— И пьян.

— Всего пару стаканов, — он поднял четыре пальца.

— И ты разбил сердце моей сестре, — напомнила она ему.

— Как ее зовут?

— Грей! — Мэдди не могла удержаться от смеха, потому что это действительно было безумием. Но, возможно, ей нужно было немного безумия в жизни. Видит Бог, ее тело точно так считало.

— Давай. Вылезай, — Грей потянул ее за руку.

— Мне нужно надеть обувь, — она повернулась, чтобы посмотреть на свой шкаф.

Он потянул ее на себя.

— Я понесу тебя.

— Грей...

— Серьезно. Если я дам тебе сходить за обувью, ты можешь передумать. Тогда нам придется обсуждать все заново. А я хочу свой поцелуй, Мэдди. Я очень, очень хочу его.

Черт возьми, она тоже очень хотела этого.

Сделав глубокий вдох, она вытащила руку и схватилась за оконную раму, а затем перелезла через нее в носках. Он помог ей, его теплые, сильные руки обхватили ее талию. У нее перехватило дыхание от прикосновения.

— Поставь свои ноги на мои, — прошептал он, притягивая ее ближе. — Так твои носки

не испачкаются.

— Это, наверное, самое романтичное, что я когда-либо слышала.

— Держись за меня, детка. Я сохраню твои подошвы чистыми и сделаю твою душу грязной, — мужчина нахмурился. — В голове это звучало гораздо лучше.

— Если тебе от этого станет легче, я поняла.

— Да, — сказал он, убирая прядь волос с ее глаз. — Действительно легче.

От того, как он смотрел на нее, у Мэдди задрожали ноги. Все было именно так, как он описал. Она будто завораживала его своими глазами, голосом и тем, как она покачивала бедрами. От этого у нее внутри все сжалось.

— Мэдди.

— М-м-м?

— Закроешь глаза, представишь, что на пляже при лунном свете?

— Я думала, ты собираешься отвезти меня в какое-то особенное место, — сказала она, сдерживая улыбку.

— Да, детка. Так и есть.

Она посмотрела на него, все еще стоя на носках его кроссовок. Это сделало ее на несколько сантиметров выше, чем обычно, но ей все равно пришлось откинуть голову назад, чтобы встретить его взгляд.

Грей шаркал ногами, перемещая ее за собой, пока лунный свет не упал на ее лицо.

— Вот так, — сказал он. — Идеально.

— Что ты видишь? — спросила она, положив ладони ему на грудь, чтобы успокоиться. А также, чтобы оценить грудные мышцы.

Да, такие же упругие, как я и думала.

— Я вижу, — сказал он, целуя ее в висок, — красивую женщину, — он скользнул ртом вниз к ее челюсти. — Ту, которая заставляет меня смеяться и кричать одновременно, — прошептал Грей, целуя уголок ее рта. — Женщину, которую я буду целовать. Иначе я точно умру, если не попытаюсь этого сделать.

— На пляже, — прошептала она. — Плескаясь в волнах.

— Тише. Я передумал.

То, как его губы задержались на уголке ее губ, было дразнящим. Она затаила дыхание, ожидая поцелуя и нуждаясь в нем. Он провел рукой по ее спине, притягивая ее еще ближе к себе, а она выгнулась в ответ. Всего несколько ласковых слов и легких прикосновений, и она запылала. Он выдохнул и от ощущения его дыхания на ее коже по позвоночнику пробежала дрожь.

Грей провел рукой по ее заднице и Мэдди прижалась к нему, чувствуя его желание.

Твердый и большой и это все, чего хотело ее ноющее тело.

— Грей, — прошептала она. — Ты сводишь меня с ума.

Его губы прижались к ее коже.

— Чувство взаимно, — он наклонил голову, и девушка увидела свое отражение в его темных глазах. — Продолжай смотреть на меня так, и я сделаю больше, чем просто поцелую тебя.

— Ты не посмеешь.

— Еще как посмею.

Увлекая ее за собой, он повернулся и прижал ее к кирпичному фасаду, наклонив голову для поцелуя. Мужчина просунул руки под ее задницу и она, не задумываясь, обвила ногами

его бедра и, Боже, наслаждение пронзило ее. Голова откинулась назад, когда он поцелуями провел дорожку по ее горлу, это ощущение заставило девушку застонать.

— Господи. Я тверже, чем подросток.

Она рассмеялась, когда его рот снова достиг ее рта.

— Это самое долгое ожидание поцелуя в моей жизни, — сказала она ему. Вполне возможно, что ее тело поддастся раньше, чем губы. Он прижимался к ней так соблазнительно. Пальцы ее ног подгибались от удовольствия.

— Мне нравится предвкушение, — сказал Грей девушке.

— Это не предвкушение. Это секс в одежде.

— Если ты думаешь, что это хоть как-то похоже на секс, тебе есть чему поучиться, — он поднял бровь.

— И это ты должен меня учить?

Он снова толкнулся к ней и Мэдди проглотила свой крик. Она была смущающе отзывчива, и Грей знал это.

— Твой рот всегда такой умный? — спросил он ее.

— Почти всегда, — она захлопала ресницами. — Но я думаю, ты знаешь, что с этим делать, — ее бедра сжались вокруг него и он застонал. Такой сладкий звук.

Грей снова посмотрел на нее, юмор исчез из его выражения, сменившись темным желанием. У Мэдди перехватило дыхание, когда он наклонился ближе и медленно прижался губами к ее губам.

Если раньше она думала, что была нуждающейся, то это было ничто по сравнению с тем, что сейчас происходило. Он углубил поцелуй, приоткрыв рот. Кончик его языка скользнул по нежной коже нижней губы. Она крепко поцеловала его в ответ, ее губы двигались без всякой сознательной мысли.

Боже, как же он хорош. Так хорош.

Он точно знал, как целовать — не слишком напористо и не слишком мягко. Поцелуй «золотого сечения», от которого она взлетала ввысь. Его рот зажег фитиль, который продолжал гореть, ее тело пылало, пока он прижимал девушку к стене и глотал ее вздохи. И когда они наконец отстранились друг от друга, оба задыхаясь, ей показалось, что она потеряла частичку себя.

— Проклятье, — Грей покачал головой. — Там определенно что-то есть.

— Да, — согласилась она с улыбкой. — Думаю, есть.

Глава 15

— Хочешь прогуляться? — спросил он ее, когда наконец позволил ей сползти вниз по стене.

— Сейчас?

— Почему нет?

— Эм, потому что уже поздно, а нам обоим завтра на работу. И в городе полно людей, которые только взглянут на нас и разнесут слухи, — она подняла бровь и поднесла палец к губам, как будто размышляя. — Ах да, а еще на мне нет обуви. И это тоже.

Это было безумием, насколько сильно его заводил ее сарказм.

— Сходи за обувью, — он кивнул на окно. — И мы будем держаться в тени. Все равно все, наверное, спят.

— А если нет?

Он пожал плечами.

— Пусть говорят.

— Сказал парень, который больше не живет в маленьком городе.

— Америка — это мой маленький город. Если я сделаю неверный шаг, это будет опубликовано по всему интернету, а не только в «Стульях», — заметил он.

— Еще одна веская причина не создавать шумиху, — девушка выглядела бледной. Грей не был уверен, была ли тому виной луна или кровь отхлынула от ее прекрасного лица.

— Я просто хочу прогуляться с тобой, — сказал он ей. — Обещаю, что нас никто не увидит, — мужчина обхватил ее руками за талию и поднял на подоконник. — Если ты не хочешь идти, ничего страшного. Я пойму, — и он действительно постарался бы не злиться. Но не хотел идти домой. Он хотел быть с ней.

— Я хочу, — быстро сказала Мэдди. — Я просто осторожна, вот и все.

— Осторожность — это хорошо, — сказал он ей, когда она забралась внутрь. Грей шагнул вперед и облокотился на подоконник, чтобы осмотреть ее комнату. Она была маленькой и аккуратной. Клетчатые простыни были плотно заправлены, хотя в середине была вмятина, где она сидела. Стены были выкрашены в бледный цвет, который он не мог различить при таком освещении. На комодe стояло несколько фотографий в рамках. Он наклонился, чтобы разглядеть их. На одной она, возможно, стояла возле рояля в длинном черном платье. Другая свадебная — это была Эшли? И еще одна с двумя детьми, их светлые волосы были аккуратно причесаны, кремово-розовые лица светились от восторга.

— Это дети Эш? — спросил он Мэдди, пока она натягивала кроссовки. Ее спина тут же напряглась, и он понял, что облажался. Прикусив нижнюю губу, он попытался придумать, как сделать лучше.

— Да. Грейс и Картер, — сказала она, завязывая шнурки. — Им пять и три, — девушка подняла голову. — Это странно, осознавать, что они могли бы быть твоими?

— Нет. Они не могли быть моими, — Грей покачал головой. — Вовсе нет, — он все еще пытался найти правильные слова. — Мы с Эшли были детьми, когда встречались. У нас не было будущего. Мы хотели таких разных вещей.

Ее выражение лица все еще было настороженным, когда она вылезла обратно из окна. Он почувствовал, что ему не хватает всезнайки Мэдди. Той, которая могла обойти его в словесной дуэли.

— Пойдем, — сказал Грей. — Давай уйдем отсюда.

Он повернул направо, и она последовала за ним, направляясь к окраине города.

— Куда мы идем?

— Я не знаю, — он пожал плечами. — Просто куда-нибудь, — он взял ее за руку и провел пальцами по ее руке. — Ты в порядке?

Она подняла на него глаза, ее подбородок выпятился.

— Да, я в порядке.

Он повернул налево, затем направо, его рука все еще обхватывала ее. Его тело гудело, как будто он сунул палец в розетку под напряжением.

Когда в последний раз я чувствовал себя так?

Даже выступление на бис перед пятьюдесятью тысячами фанатов, которые подпевали его словам, не было таким приятным.

Дома поредели, сменившись густыми рядами дубов, которые теснились вдоль проезжей части.

Свернув налево, он повел ее по грунтовой дороге.

Мэдди споткнулась на каменистой почве, и он обнял ее за талию, чтобы поддержать, а затем включил фонарик на своем телефоне, указывая им путь.

— Сюда, — сказал Грей, когда они достигли края ручья. — Здесь есть поваленное бревно. Мы лазили по нему, когда были детьми.

— Тебе разрешали спускаться сюда одному? — спросила она.

— Да. Бонус от овдовевшего отца, я думаю. Ему было наплевать, лишь бы мы возвращались домой вечером и хорошо учились.

Ее взгляд смягчился.

— Мне жаль.

— Не жалею меня. Миллиону людей приходится еще хуже.

Она потянулась к его лицу, обхватив его челюсть своей нежной рукой. Он прильнул к ней, на мгновение закрыв глаза. Это была безумная идея — постучать в ее окно, но это было так чертовски приятно. Как будто он вдыхал кислород после задержки дыхания на целую жизнь.

Он услышал ее шаги, затем почувствовал тепло ее губ на своей челюсти. Его тело немедленно откликнулось. Ей достаточно было прикоснуться к нему, чтобы он возбудился.

Открыв глаза, Грей обхватил Мэдди руками и приподнял, расположив ее тело напротив своего. Она наклонила лицо так близко, что он мог разглядеть крапинки пигмента в ее голубых радужках. Она обвила руками его шею, ее пальцы массировали его кожу головы, и он застонал от того, как это приятно.

— Что в тебе такого, Мэдди Кларк?

Ее глаза сверкнули.

— Это ты мне скажи.

— Позволь мне показать тебе.

На этот раз не было никаких колебаний, только чистая наэлектризованная нужда. Он целовал ее крепко и глубоко, пока у них обоих не перехватило дыхание. Их тела прижались друг к другу, словно не было другого выбора. Она прильнула к нему, словно ее тело было создано для него; мягкая там, где он был твердым, податливая там, где он давил. Грей погладил волосы Мэдди, чувствуя, как пряди ласкают его ладонь и снова поцеловал ее. Она опьяняла его, сильнее любого алкоголя, сильнее любого наркотика.

Он был под кайфом от Мэдди Кларк и это было так приятно.

— Два блинчика, яйца Бенедикт и бекон, — Мэдди улыбнулась и поставила тарелки на стол перед преподобным Мейтландом и его женой. — Приятного вам завтрака.

Их заказ был последним в очереди на завтрак и это ее очень обрадовало. Казалось, что весь Хартсонс Крик решил, что хочет поесть у Мерфи этим утром. Время от времени Мэдди шла в сторону кухни, а потом резко оборачивалась, чтобы убедиться, что никто не говорит о ней. Но никто не говорил.

Впрочем, это не делало ее менее параноидальной.

В этом и заключалась проблема того, что она спала всего три часа. Ее мозг был нервным и в то же время медлительным. Ей это не нравилось.

— Пойду в уборную, — сказала она Мерфи, когда несла очередную стопку грязной посуды на кухню. — Я только что наполнила кофейник и у всех полные кружки. Я буду через минуту.

— Конечно, — Мерфи не поднял глаз, когда она проходила мимо него, слишком

занятый разглядыванием газетных анекдотов. Он по-прежнему читал газету каждый день. Она уже не пыталась убедить его, что он может читать на телефоне.

Туалет для персонала находился на заднем дворе, через переулок, в небольшом кирпичном здании. Ходили слухи, что Мерфи построил его еще тогда, когда был женат и его жена управляла кухней. Это было его единственное спасение от ее острого языка. Его жена давно ушла, возможно, еще до того, как Мэдди начала ходить, но туалет остался.

Она вымыла руки и посмотрела на себя в зеркало с ржавыми пятнами. Под глазами залегли темные тени, с которыми не мог справиться никакой консилер. Губы были красными и опухшими, а на подбородке и щеках ощущалось раздражение от щетины. Она была слишком стара, чтобы провести всю ночь, целуясь и обжимаясь посреди леса, но невозможно было мечтательно не вздохнуть при этом воспоминании.

Когда Грей проводил ее до дома, на небе забрезжил рассвет. Он снова целовал ее у дома, пока тело не запело, а потом наблюдал, как она благополучно добралась до дома, прежде чем он ушел.

Она брызнула в лицо холодной водой, затем высушила его свежим полотенцем, взяла косметичку и поправила тушь с помадой. На ее телефоне высветилось сообщение, и девушка с нетерпением схватила его, нахмурившись, когда увидела, что оно от Эшли.

Эш и Грей не встречались уже более десяти лет, но она тут же почувствовала себя виноватой.

Я только что пила кофе с Джессикой. Что там насчет караоке? Позвони мне. Э.

Мэдди уставилась на него на минуту. Меньше всего на свете ей хотелось сейчас разговаривать с Эшли. Не только из-за чувства вины, но и потому, что сестра могла читать ее как книгу. Несколько стратегически продуманных вопросов и правда может вырваться наружу.

Я работаю. Позвоню позже. М.

Она сделала небольшую паузу и добавила пару поцелуев. Затем удалила их, потому что Эш не добавила ни одного. Покачав головой на свое отражение, она сунула телефон в карман джинсов и вышла за дверь.

— Привет.

— Какого черта? — она отпрыгнула на метр.

— Извини. Мерфи сказал мне, что ты на заднем дворе, — глаза Грея заблестели, когда он усмехнулся.

— Он сказал тебе, что я также была в туалете? — она не могла не улыбнуться в ответ.

— Типа того. Он начал графическое описание, так что я убрался оттуда.

— Не хочу знать, — она закрыла глаза и покачала головой. Когда она открыла их снова, он все еще ухмылялся ей.

— Давай начнем сначала, — предложил он, подходя ближе. — Привет.

— Привет, — Мэдди подняла голову, чтобы посмотреть на мужчину.

— Думала, ты уже по локоть в сантехнике.

— Да, просто зашел забрать кое-что из хозяйственного магазина, — он пожал плечами. — Решил зайти к тебе, пока я здесь.

— Зайти? Зачем? — улыбка все еще держалась на ее губах.

— У меня к тебе вопрос, — он приподнял бейсболку и пригладил волосы.

— Звучит интересно.

— У меня смутные воспоминания о разговоре с тобой прошлой ночью. Я помню, как

вышел из бара, но не могу вспомнить, что было дальше. Я ведь не сделал ничего глупого, правда?

Она тяжело сглотнула.

Он не помнит? Столько сладких слов, сладких поцелуев. И ничего из этого?

— Эм... — ее разум был пуст. Из всего, что она ожидала от него услышать, это было не то.

И тут он начал смеяться, откинув голову назад и обнажив покрытую щетиной челюсть. Она смотрела на него с открытым ртом, когда на его глаза навернулись слезы.

— Твое лицо, — сказал он между смешками. — Ты бы видела его.

— Ты придурок, — она шлепнула его по руке. — Ты заставил меня поверить, что все забыл.

— Думаешь, я мог бы забыть что-то подобное? — он все еще смеялся. — Думаешь, я мог бы забыть, как целовал тебя в течение почти целого часа? Я выпил всего пару стаканов.

— Четыре, — Мэдди подняла пальцы вверх.

— Пару пар.

— Неважно, — она пожала плечами. — Надеюсь, твоя память не слишком туманна, потому что это больше не повторится, — девушка шутила, но то, что на его лице промелькнула тревога, было приятно.

— Не повторится? — его голос понизился.

— Нет, — она наклонила голову в сторону, сдерживая улыбку.

Он провел пальцем по ее челюсти, его глаза замерцали, когда она вздохнула.

— Какая жалость, — сказал он хрипло. — Потому что мне очень понравилось целовать тебя.

— Знаю.

Он снова рассмеялся, проведя пальцем по ее нижней губе.

— Я помню, какая ты была сладкая на вкус. Как хорошо ты чувствовалась, прижимаясь ко мне. Как ты целуешься, словно дикая женщина, когда отпускаешь себя.

— Дикая женщина? — она старалась не обращать внимания на жар, поднимающийся по ее груди и шее. — Правда?

— Да. Я собирался спросить, не хочешь ли ты повторить это сегодня вечером, но, похоже, не хочешь, — в его глазах искрилась насмешка.

— Я лучше выдерну ногти, — сказала Мэдди, ухмыляясь.

— Ты права, — он кивнул. — А я лучше буду следить, как сохнет краска.

— Во сколько ты за мной заедешь?

— В восемь, — сказал ей Грей. — И надень обувь.

Она засмеялась.

— Ты планируешь отвезти меня в какое-нибудь шикарное место?

— Да, думал, слетать в Малибу, — он подмигнул.

Мэдди сделала секундную паузу.

— Ты ведь не серьезно, да?

— Не серьезно. Но теперь, когда это сказал, я могу рассмотреть этот вариант. Я обещал тебе поцелуй на пляже.

— Я не поеду с тобой в Малибу.

— Хорошо. Тогда как насчет ресторана в Стэнхоупе?

— И оказаться в тренде в Instagram? Нет, спасибо.

— Тебе не нравится, когда люди знают о твоих делах, да? — спросил он, наклонив голову и внимательно изучая ее. — Почему?

— Потому что я не люблю, когда обо мне говорят, — девушка подняла на него глаза. — А ты?

Он пожал плечами.

— Хорошо. Никакого Малибу и никакого ресторана. Я придумаю другой план, — Грей обхватил ее лицо ладонью и наклонился, чтобы прикоснуться губами к ее губам. — Но все же надень обувь. На всякий случай.

Глава 16

Мэдди увидела серебристый Мерседес, как только повернула за угол на свою улицу. Он был припаркован на подъездной дорожке, его сияние выглядело совершенно неуместным рядом с ее ржавой Хондой Аккорд.

Проходя мимо, она заглянула на заднее сиденье и улыбнулась, увидев прочно закрепленные автомобильные кресла. Эшли всегда устанавливала автокресла, только когда дети были с ней. Ей не нравилось, как они портили ее мягкие кожаные сиденья.

— Здесь есть какие-нибудь монстры? — воскликнула Мэдди, открывая входную дверь. Она едва успела перевести дух, как по коридору пронесся Картер, громко крича, а за ним с восторгом визжала его трехлетняя сестра.

Он бросился к Мэдди, и она заключила его в медвежьи объятия. Грейс прижалась к ее ногам, прыгая вверх-вниз от восторга.

— Мы можем поиграть на пианино? — спросил ее Картер.

— Да. Хочу поиграть на пиано, — Грейс кивнула, ее светлые локоны засветились в свете коридора. Ее лицо было таким серьезным, что Мэдди пришлось сдержать улыбку.

— Дайте своей тете немного пространства, — сказала Эшли, выходя из кухни. — Она только что вернулась с работы. А вы оба были заняты рисованием, помните? Вернитесь и закончите то, что вы делали.

— Я не хочу! — Картер выпятил нижнюю губу.

— Что прости? — язвительно сказала Эшли, поджав губы. Мэдди сразу почувствовала перемену в племяннике. Его голова поникла, и, кивнув, он схватил сестру за руку и потянул ее обратно на кухню.

— Мама, ты не могла бы присмотреть за детьми минутку? — позвала Эшли. — Я хочу поговорить с Мэдди.

— Конечно, — голос их мамы был теплым. — Давай, Картер. Покажи мне свой рисунок.

— Все в порядке? — спросила Мэдди, когда Эшли вошла в гостиную.

— Конечно, — Эшли улыбнулась, хотя улыбка не достигла ее идеально накрашенных глаз. — Мы просто проезжали мимо, и я решила зайти поздороваться.

— Проезжали мимо откуда? — Мэдди прислонилась к стене, сложив руки на груди.

— Это неважно, — быстро сказала Эшли, закрывая за ними дверь. Она повернулась к камину, взяла старую фотографию, на которой были изображены она и Мэдди и повернула ее, чтобы рассмотреть. — Так что там насчет караоке в баре «Лунный свет»?

Так вот почему она здесь.

Эшли никогда не терпела быть не в курсе всех событий. В детстве она всегда была единственной, с кем разговаривали и о ком говорили. Хотя она всегда заявляла, что ненавидит то, как Хартсонс Крик живет на сплетнях, возможно, ее старые привычки

окончательно не умерли.

— Ничего такого, — Мэдди опустилась на стул с высокой спинкой в углу, украшенный розами. — Просто Бекка втянула меня в это.

— Бекка Хартсон? — Эшли поставила фотографию на место, провела пальцем по стеклу, затем повернула его, чтобы проверить, нет ли пыли. — Она была замешана в этом?

— Почему у меня такое ощущение, что ты — мама, а я — ребенок? — спросила Мэдди. — Разве я сделала что-то не так? Это было немного пения и веселья. Я понятия не имею, почему тебя это заинтересовало.

— Ты всегда меня интересуешь, — мягко сказала Эшли. — Ты знаешь это.

Это было правдой. Эшли всегда серьезно относилась к роли старшей сестры, с тех пор как они были такими же маленькими, как Картер и Грейс.

— Ну, тебе не нужно беспокоиться об этом. Я спела песню с Беккой, мы выиграли конкурс, я вернулась домой и на следующее утро встала на работу. Вот и вся история, — ложь имела странный вкус на языке. Почти грязная.

Эшли взяла в руки еще одну фотографию. На этот раз ее в выпускном платье. Мэдди до сих пор хорошо помнила тот вечер. Как прекрасно выглядела ее сестра. Их мама делала фотографию за фотографией: светлые волосы Эшли, уложенные в локоны, ее стройная шея, обнаженные плечи, серебряное платье, на покупку которого она копила несколько месяцев. Мэдди помнит, как смотрела на нее и думала, каково это — быть такой красивой. Она знала, что никогда не сможет так выглядеть.

Возможно, именно поэтому она пропустила свой собственный выпускной. Мысль о том, что ее фотография будет стоять рядом с фотографией Эшли, была слишком невыносима.

— Слышала, там был Грей, — Эшли повернулась к ней. — Джессика сказала мне, что видела, как вы разговаривали на площади. Она сказала, что вы были очень близки.

— У Джессики слишком много свободного времени.

Призрак улыбки промелькнул на губах Эшли.

— Она любительница посплетничать.

— Да, даже когда не о чем сплетничать.

Эшли села на стул рядом с Мэдди, расправив юбку, чтобы не было складок.

— Я беспокоюсь о тебе. После всего, что случилось в Нью-Йорке... — она запнулась и потянулась к руке Мэдди. — Между тобой и Греем ничего не происходит, не так ли? — спросила она. — Я просто переживаю из-за пустяков, верно?

Нью-Йорк. Эти два слова были как ведро ледяной воды на голову Мэдди. Эшли была одной из немногих в городе, кто знал о случившемся все эти годы назад. Она приехала, чтобы вернуть Мэдди домой, и никому не проронила ни слова. Иногда она сводила Мэдди с ума, но Эшли была рядом с ней, когда та нуждалась в ней больше всего. Только за это она любила свою сестру как сумасшедшая.

— Ничего такого не происходит, о чем тебе стоило бы беспокоиться, — это была лишь полуправда. А ложь, сказанная, чтобы защитить кого-то, на самом деле вовсе не была ложью, не так ли? — Это маленький город, и я работаю в закусочной. Я обязательно буду иногда с ним сталкиваться. Но он здесь всего на несколько недель, а потом снова уедет. Возможно, еще лет на десять.

И разве эта мысль не была для нее пинком под дых? Или напоминанием о необходимости беречь свое сердце.

— Ты видела его в закусочной? — спросила Эшли, приподняв брови. — Я бы подумала,

что он может позволить себе поесть в более хорошем месте. В Стэнхоупе есть несколько прекрасных ресторанов.

Мэдди подумала о том, чтобы указать на то, что закусочная была хорошей, но она уже достаточно наврала.

— Он работает над домом своего отца. У него не так много времени, чтобы ездить куда-то в более приятные места.

— Что? — Эшли рассмеялась. — Это неправда. С чего бы ему работать над домом своего отца? У него должно быть достаточно денег, чтобы нанять десятки рабочих.

Мэдди пожала плечами.

— Это семейное дело, я думаю.

Эшли зажала нижнюю губу между зубами, затем отпустила ее и посмотрела вниз на свою юбку.

— Он спрашивал обо мне?

— Я не знаю, — сказала Мэдди. — Возможно. Наверное, упоминал о тебе и детях.

— Он знает, что я живу в Стэнхоупе? — спросила Эшли. — Ты сказала ему, что я вышла замуж за Майкла? И что его родители владеют Первым государственным банком?

— Хм... — Мэдди старалась не ухмыляться, но это было непросто. — Нет, но я обязательно это сделаю, если увижу его снова.

— О нет, не делай этого. Он узнает от кого-нибудь, — Эшли пожала плечами. — Я просто хочу, чтобы он знал, что у меня все хорошо, — она выпрямила спину. — Что он не единственный, кому удалось уехать из города и чего-то добиться.

Мэдди не знала, что ответить. Если бы это был кто-то другой, она бы закатила глаза, но это была ее сестра. И в ее голосе слышались нотки обиды. Напоминание о том, как она была опустошена, когда Грей уехал в Лос-Анджелес и не оглядывался назад.

Если бы Эшли когда-нибудь узнала, что Мэдди целовалась с ее бывшим, она бы впала в бешенство. От одной мысли об этом желудок скручивался в узел. Еще одно напоминание о том, что флиртовать с Греем Хартсоном было плохой идеей, как будто она этого и так не знала.

«Ты не флиртовала с ним, ты его поцеловала», — напомнил ей голосок в голове.

Мэдди вздохнула. Да, это была ужасная идея — поцеловать Грея Хартсона. Но мысль о том, чтобы не целовать его, казалась еще хуже. И если это означало, что ей придется лгать сестре, маме, всему городу, чтобы снова почувствовать его губы на своих? Тогда, прости Господи, она так и поступит.

— Мама, я закончил свой рисунок, — взволнованно сказал Картер, открывая дверь. — Хочешь посмотреть?

— Конечно, — Эшли бросила на Мэдди настороженную улыбку.

— Вот, держи, — Картер сунул листок бумаги в руки своей матери, а затем повернулся к Мэдди с выражением надежды. — Теперь мы можем играть на пианино или вы двое все еще спорите?

Мэдди разразилась смехом и взяла протянутую руку Картера.

— Конечно, мы можем пойти поиграть немного.

— Десять минут, — сказала ему Эшли. — И мы не спорили, мы разговаривали.

Ровно в восемь часов Мэдди обулась и позвала маму.

— Я ухожу. Вернусь до полуночи. Позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится.

— С кем ты опять идешь гулять? — спросила мама из своей спальни.

— Просто с несколькими друзьями, — поспешно ответила Мэдди. — Спокойной ночи.

Прежде чем мама успела задать ей еще несколько вопросов, девушка схватила свитер, сумочку и вышла на крыльцо, планируя посидеть на качелях до прихода Грея. Но тут она увидела, что он идет по дорожке, одетый в джинсы, темно-серую толстовку и бейсболку, и остановилась на верхней ступеньке.

— Привет, — он поднял на нее глаза, снимая бейсболку. — Я как раз собирался постучать.

— Я решила подождать здесь. Не хотела беспокоить маму.

Медленная улыбка заиграла на его губах.

— Выглядишь красиво, — сказал он, рассматривая ее сине-белое летнее платье, приталенное в лифе и расклешенное на бедрах.

Она уложила волосы, темные волны каскадом спускались по спине. Взглянув в зеркало, она с облегчением вздохнула, что ей удалось их укротить.

Дойдя до нижней ступеньки, Грей протянул ей руку. Она скользнула рукой в его ладонь, ощущая его тепло и мозоли от игры на гитаре. Силу его пальцев, обхвативших ее.

— Куда мы едем? — спросила она, когда он подвел ее к грузовику, припаркованному на другой стороне подъездной дорожки. Он был блестящим и новым, судя по его виду. И дорогой. Не такой грузовик, какие обычно встречаются в Хартсонс Крик.

— Я подумал, что мы могли бы прокатиться, — Грей открыл дверь и помог ей забраться внутрь. — Я собрал немного еды и напитков. Не был уверен, поела ли ты.

— Я могу снова поесть, — Мэдди пожалала плечами. — Особенно если это стряпня тети Джины.

— Как ты догадалась? — он усмехнулся.

Она подмигнула.

— Женская интуиция. Но меня больше интересует, что именно ты сказал ей, для чего тебе нужна еда.

Он забрался в кабину, пристегнул ремень безопасности и нажал на зажигание, после чего двигатель взревел.

— Она не спрашивала, а я не говорил. Но если бы она спросила, я бы сказал ей, что пытаюсь ухаживать за красивой женщиной и мне нужна любая помощь, которую я могу получить.

— Ухаживать? — Мэдди рассмеялась, потому что это напомнило ей о разговоре с Картером на прошлой неделе. — Это второй раз, когда я слышу это слово за последние несколько недель.

Грей приподнял бровь.

— Кто-то еще ухаживает за тобой?

— Нет, если не считать моего племянника, — она усмехнулась. — Надеюсь, что у тебя это получится немного лучше.

— Может быть, — он нажал на газ. — Это работает?

Работает?

Она повернулась, чтобы посмотреть на него, изучая его профиль. Прямой нос, мягкие губы, челюсть, оттененная вечерней щетиной. Он бросил бейсболку на заднее сиденье, его волосы были взъерошены, но от этого он выглядел еще более привлекательным, если такое возможно.

Еще до того, как он отправился в Лос-Анджелес и стал знаменитым, он был ей не по зубам. Теперь он был на миллион километров выше в стратосфере. И все же он здесь, говорит о том, как ухаживать за ней и от этого ей стало смешно.

— Могу я спросить тебя кое о чем? — сказала она, когда он свернул налево на главную дорогу из города.

— Да. Валяй.

— Почему я здесь?

Уголок его губ приподнялся.

— Я уже сказал тебе. Я ухаживаю за тобой.

— Но почему я? Из всех людей, с которыми ты бы мог сейчас сидеть рядом, почему я?

Он нажал на тормоз, заставив машину остановиться на пустынном переулке.

— Как ты думаешь, с какими людьми я хочу сидеть рядом? — спросил он, повернувшись к ней лицом. Его брови были сведены вместе.

Ей пришлось бороться с желанием не разглядеть его хмурые морщины.

— Ладно, неважно, — сказала она ему. — Я просто веду себя глупо.

— Для тебя это явно имеет значение. Значит, это важно и для меня. Поэтому позволь мне сказать тебе кое-что прямо сейчас. Нет никого в мире, кого бы я предпочел видеть на этом месте, кроме тебя. Когда ты согласилась, чтобы я забрал тебя, я почувствовал, что выиграл чертов приз. Потому что у меня сложилось впечатление, что ты не часто соглашаешься на такие вещи.

— Да, не соглашаюсь, — мягко сказала она.

Он протянул руку, чтобы взять ее подбородок между пальцами, его хватка была мягкой, но уверенной. Медленно он наклонил ее голову так, чтобы она смотрела прямо ему в глаза.

— Так почему же ты согласилась на это сегодня?

У нее перехватило дыхание от его пристального взгляда. От него все ее тело накалилось, как будто солнце палило прямо на нее. Если он будет продолжать в том же духе слишком долго, она может обжечься.

Все остроумные замечания, которые она могла придумать, растаяли на языке.

— Потому что я не могла не согласиться, — тихо сказала она. — Я не переставала думать о тебе с тех пор, как ты вернулся в Хартсонс Крик. И то, как ты поцеловал меня прошлой ночью... — она замолчала, покачивая головой. — Я не могу и это выбросить из головы.

Он сглотнул, его адамово яблоко подрагивало под кожей.

— Да, — сказал он, его голос был хриплым. — Мне тоже трудно не думать об этом, — Грей отпустил ее челюсть. — Давай уедем отсюда, пока ты не передумала, — двигатель ожил, когда он поставил ногу на газ.

— Куда мы едем? — снова спросила она, улыбка заиграла на ее губах.

— Подожди и увидишь.

Глава 17

Она думала о том, чтобы снова поцеловать меня?

Значит, их было двое. Когда он свернул налево на дорогу, ведущую к холмам, мужчина уже не мог сдержать улыбку. Он также не мог перестать смотреть на нее краем глаза.

Черт, она выглядит хорошо.

Как одна из тех милых, не боящихся ничего девушек по соседству, о которых он всегда пел, но которых редко встречал. Когда она спросила его, что она делает, сидя рядом с ним в

кабине, ему захотелось рассмеяться, потому что он задавал себе точно такой же вопрос о ней.

Вход к месту назначения находился там, где он помнил. Сломанные ворота висели под странным углом на облупившемся столбе, и он протиснул свой грузовик в проем с достаточным запасом, чтобы не поцарапать его. Остановившись с левой стороны, он заглушил двигатель и посмотрел через лобовое стекло на открывающийся внизу вид. Перед ними лежали точечные огни Хартсонс Крик.

— Ты привез нас на Хребет Джексона? — спросила Мэдди, ее голос повысился от удивления.

— Да. Подумал, что здесь мы сможем поесть без посторонних.

Он вылез из кабины и подошел к ней, чтобы открыть ее дверь и протянул руку, чтобы помочь ей спуститься. Когда она спрыгнула на землю, он схватил одеяло и холодильник, которые положил в багажник, и, все еще держа ее за руку, повел к травянистой возвышенности.

— Я никогда не была здесь раньше, — сказала она ему. — Не знала, что отсюда открывается такой красивый вид.

— Я приходил сюда с гитарой после споров с отцом. Однажды я провел здесь всю ночь. Тетя Джина мне за это устроила ад, — Грей неохотно отпустил Мэдди и положил одеяло на мягкую траву, поставив сверху холодильник. — Меня наказали на месяц, кажется.

Мэдди усмехнулась.

— Ты всегда был бунтарем.

Грей не смог удержаться от смеха.

— Ты так думаешь? На самом деле я был довольно хорошим ребенком. Не создавал слишком много проблем.

— Да ладно. Все говорили о тебе и твоих братьях. Какие вы все дикие и сумасшедшие, — она зажала губу между зубами, ее лицо освещала луна. — Помнишь, как ты подлил виски в вино для причастия?

— Это был не я. Это был Таннер, — Грей поднял бровь и открыл холодильник, доставая бутылку. — Кстати, о напитках, не желаешь выпить?

— Шампанское? — Мэдди опустилась на колени рядом с ним. — Что мы празднуем?

Грей пожал плечами.

— Сегодня я закончил сантехнику. Осталось закончить только крышу и все будет готово. Думаю, за это стоит поднять бокал, — он подмигнул. — И для меня это будет только один бокал. Я за рулем, — он откупорил пробку и налил два бокала, передал один Мэдди, а другой поднял вверх.

— За ремонт дома, — сказала она с ухмылкой, стукнув своим бокалом о его.

— И за то, чтобы не затопить дом моего отца, — Грей сделал глоток, поймав ее взгляд. Все в ней было свежим и новым. Как ветер, дующий в доме, очищающий его от паутины.

— Когда ты делал это в последний раз? — спросила Мэдди, проводя пальцем по ободку своего бокала.

— Приезжал на Хребет Джексона? — спросил он. — Не знаю. Десять лет назад, может быть, больше.

Она подняла на него глаза.

— Я имела в виду, пил шампанское. С женщиной.

Было что-то в ее голосе. Тон, который кто-то другой мог не заметить. Мельчайший

намок на неуверенность, который заставил его грудь расширяться. — Не знаю. Я не пью много. Больше не пью. Какое-то время пил, но... — Грей глубоко вздохнул. — Но это испортило мой разум и мою музыку.

Настала его очередь чувствовать себя неловко. Он посмотрел на нее из-под полуприкрытых век. Он не говорил об этом. По крайней мере, ни с кем, кому не платили за то, чтобы его слушали. И все же мужчину тянуло выложить ей все начистоту.

Она провела кончиком языка по нижней губе.

— Ты был пьян той ночью.

— Да. Был немного.

— Мне это даже понравилось, — призналась она, глядя на него из-под опущенных ресниц.

Он поставил свой бокал и наклонился вперед.

— Правда?

— Да.

— Что тебе понравилось?

— То, что ты мне сказал. Что ты видишь меня. И всегда видел.

— Так и есть, — прошептал он, протягивая руку, чтобы провести по ее скуле. Ее веки дрогнули от его прикосновения. — Я вижу каждую частичку тебя. И мне это нравится больше, чем я могу выразить.

Ее дыхание сбилось, и это заставило его захотеть прикоснуться к ней еще сильнее.

— Я бы хотел, чтобы ты видела себя так же, как я вижу тебя, — прошептал он, наклоняясь ближе. — Ты прекрасна, Мэдди Кларк. Ты добрая. И чертовски смешная. Каждый раз, когда я вспоминаю, как ты пыталась взобраться на забор, я смеюсь.

— Засранец, — она улыбнулась, ее щеки вспыхнули от прикосновения его пальцев.

— И я понятия не имею, что ты все еще делаешь в Хартсонс Крик, но поскольку я эгоистичный ублюдок, я так счастлив, что ты здесь. Я бы сошел с ума, если бы не было возможности поговорить с тобой.

Ее глаза были стеклянными. Она моргнула, и он увидел, как в них образовались тучи.

— Я вижу, что ты слишком много думаешь об этом, — сказал он ей, когда ее взгляд потемнел. — Прекрати.

— Ничего не могу с этим поделать. В одном ты прав: я все еще девочка из маленького городка, но ты не мальчик из маленького городка.

— Я все еще я, Мэдди. Ты, как никто другой, должна это знать. Просто Грей Хартсон, который подливает виски в церковное вино.

— Я думала, ты сказал, что это сделал Таннер.

Он подмигнул.

— Так и есть.

Он взял бокал из ее рук и поставил его рядом с собой, притянув ее ближе, пока ее лицо не оказалось на расстоянии дыхания от него.

— Позволь мне показать тебе кое-что, — мягко сказал он, укладывая ее на одеяло и располагаясь рядом с ней.

— Что? — вздохнула Мэдди.

Он провел большим пальцем по ее губам.

— Ты чувствуешь это? — спросил он.

— Да.

— На что это похоже?

Ее брови нахмурились.

— Что ты имеешь в виду?

— Закрой глаза. Опиши ощущения, — Грей снова ласкал ее губы.

— Ощущения мягкие и теплые. Но сильные. Кожа к коже, между которыми ничего нет.

— Это я, — прошептал он. — Просто я. Такой же, как и любой другой парень. Я ем, сплю, хожу в туалет, — он засмеялся. — И думаю, что ты самое прекрасное создание, которое я когда-либо видел.

Она вздохнула, и он почувствовал теплый воздух на своей руке. Боже, он хотел поцеловать ее. Хотел притянуть ее тело к своему и почувствовать каждый сантиметр ее тела, прижатого к нему.

Он сглотнул, пытаясь подавить свое неутолимое желание.

— Прикоснись ко мне, — хрипло сказал он, перемещая ее руку к своему лицу. Она провела кончиками пальцев по его щеке, большим пальцем провела по челюсти и медленно спустилась к шее.

Становилось жарко. Слишком жарко. Он стянул через голову толстовку и бросил ее на одеяло, его кожа сразу же остыла, когда вечерний воздух приласкал ее.

Мэдди провела пальцем по рукаву его футболки, затем по бицепсу, очерчивая выгравированную там татуировку.

— Когда ты сделал эту? — спросила она его.

— Это была моя первая татуировка. Я сделал ее в годовщину смерти моей мамы, перед тем как напиться до беспамятства, — он посмотрел на нее с кривой улыбкой. — Я тогда только год прожил в Лос-Анджелесе.

— Красивая. Голубка, да?

— Да. Любимая птица моей мамы.

Улыбка играла на ее губах.

— Сколько их у тебя?

— Татуировок? Не знаю. Наверное, много.

— Могу я их увидеть?

Он наклонил голову в сторону.

— Вы просите меня снять футболку, мисс Кларк?

— Я прошу тебя показать мне твои татуировки, умник, — она покачала головой. — Остальное — просто бонус.

Он стянул свою черную футболку через голову, наблюдая, как меняется выражение ее лица, пока она рассматривала его. Она смотрела на него и ему это очень нравилось. Он не мог насытиться темнотой в ее глазах.

— Можно тебя потрогать? — спросила она.

Он злобно усмехнулся.

— Боже, да.

— Перевернись на спину, — прошептала она, и он сделал, как было велено.

Девушка склонилась над ним, ее лицо было близко к его груди. Он на секунду задержал дыхание, пока ее пальцы не начали прорисовывать татуировку на его левой груди, длинные толстые черные линии, изображающие рычащего волка.

— Когда ты сделал это? — спросила она, ее пальцы были в опасной близости от его соска. Он уже был твердым как сталь.

— В Сиднее. Около восьми лет назад.

Она провела рукой по его груди, и он затаил дыхание, когда она наклонилась ближе, ее рот оказался в нескольких сантиметрах от его кожи. Он висел на волоске.

— А эту? — спросила она, проводя пальцами по его животу.

— Орел? Я сделал его в Лондоне, когда был в Европе несколько месяцев. Я скучал по дому.

— У тебя еще будут? — она подняла на него глаза.

— Да, — его голос был хрипловатым от сдержанности. — Возможно.

— Где ты их разместишь? — спросила она, очерчивая круги на его твердом животе. — Здесь становится довольно тесно.

— У меня еще много голой кожи, — сказал он, его голос был низким. — Мои ноги, мои предплечья, моя задница.

Ее губы дернулись.

— Твоя задница?

Он поднял бровь.

— Я слышал, там не так больно, — потянувшись к ее рукам, он поднял ее обратно, пока ее лицо не оказалось рядом с его. — А что насчет тебя? Есть татуировки?

— Нет. Я без татуировок, как и в день своего рождения.

— Могу я проверить?

На этот раз она засмеялась.

— Ты хочешь, чтобы я сняла одежду?

— Ты сама это начала, — пошутил он, ни за что на свете не ожидая, что она снимет ее.

Но в следующее мгновение Мэдди уже сидела и стягивала платье через голову, обнажая белый кружевной бюстгальтер и подходящие трусики, и свою кремовую, без рисунков кожу.

Проклятье.

Если раньше он считал себя возбужденным, то теперь он сгорал от желания. Не только потому, что она была красива, но и потому, что она была чертовски непредсказуема. Ему нравилось, что он никогда не мог угадать, что она собирается делать дальше.

Мэдди затаила дыхание, когда Грей пристально посмотрел на нее. Его глаза были прикрытыми и темными, а взгляд переходил с ее лица на плечи, а затем на грудь. Он тяжело сглотнул и повернулся к ней, протягивая руку, чтобы перевернуть ее на спину.

— Теперь моя очередь, — прошептал он. — Хорошо?

— Да.

Это было более чем хорошо. Она жаждала его прикосновений так, как жаждала его самого. Паника, которую она почувствовала, когда снимала платье, давно прошла, растаяв от его горячего взгляда. Ее голова откинулась назад, глаза закрылись, и она затаила дыхание в ожидании его прикосновения.

Когда это произошло, ее тело выгнулось дугой. Мягкие, теплые губы прижались к ее ключице, а его руки обвилились вокруг ее талии, чтобы удержать на месте.

— Все в порядке? — прошептал он, касаясь ее кожи.

— Да, — она кивнула. — Не останавливайся.

Она приоткрыла глаза, чтобы увидеть порочную ухмылку на его губах.

— Я и не планировал, — сказал он ей.

Грей поцеловал ее грудь, его дыхание было теплым, а ее кожа — еще теплее. Затем он

спустился ниже, добравшись до более мягкой кожи ее живота. Она напрягла мышцы, и он усмехнулся, а затем продолжил свой путь вниз, его губы коснулись верхней части ее трусиков.

Она снова затаила дыхание, чувствуя боль между бедер, ожидая, что он сделает дальше.

— Нет, — пробормотал он, так тихо, что казалось, он говорит больше с собой, чем с ней. — Еще нет.

Он потянул ее на себя, его обтянутые джинсами бедра скользнули между ее голыми бедрами, и обхватил ее лицо руками.

— Ты чувствуешь, что делаешь со мной? — спросил он, прижимаясь к ней.

Да, она чувствовала. Ее бедра сжались вокруг него в ответ.

— Ты красивая, — прошептал он, проводя губами по ее губам. Она скользнула руками вокруг его шеи, нуждаясь в этой связи.

— Ты тоже, — сказала она ему, подразумевая каждое слово. Такой чертовски красивый, что это должно быть противозаконно.

— Никто не говорил мне этого раньше. Сексуальный — да. Красивый — никогда.

— Тогда они сумасшедшие, — сказала она, улыбаясь.

Он снова рассмеялся, а затем поцеловал ее, скользнув руками по ее спине, чтобы растянуть лифчик. Ее груди болели, нуждались в нем и как только он опустил ткань, облегающую их, ее кожа затрепетала от прохладного ночного воздуха. Он опустил голову и взял сосок губами, посасывая его, то нежно, то настойчиво, пока она не смогла удержаться от стога.

Он воспламенял ее, сантиметр за сантиметром. Поцелуй, ласка, движение его языка — все это было музыкой для ее тела. Он отстранился, чтобы снять джинсы, затем провел руками по ее ногам. Его пальцы проследили резинку ее нижнего белья.

— Их нужно снять.

— Да, нужно, — у нее перехватило дыхание.

Он кивнул, зацепившись пальцами за белое кружево, потянул их вниз по ее разгоряченным бедрам и закинул за спину.

А потом она была обнажена. На хребте Джексона с Греем Хартсоном и, по какой-то безумной причине, это казалось самой естественной вещью в мире. На нем все еще было нижнее белье — черные боксеры, которые не скрывали его впечатляющего возбуждения, но ее глаза притягивала красота его тела.

Он был произведением искусства. Даже те его части, которые не были расписаны чернилами и историей. Широкие плечи, скульптурная грудь, брюшные мышцы, которые напрягались и расслаблялись, как симфония. И его лицо. Темные, нуждающиеся глаза, приоткрытые губы, его дыхание, вырывающееся короткими выдохами так же, как и у нее.

Затем он скользнул пальцами между ее бедер и все мысли о лицах и мышцах исчезли, их заменила потребность, нарастающая внутри нее. Ей стало больно так, как она едва ли могла вспомнить.

Как давно никто не прикасался ко мне вот так?

Вечность... Никогда.

Никто никогда не прикасался к ней так, как Грей.

— Боже, как ты хорошо чувствуешь, — прошептал он, его голос затрепетал. Затем он просунул пальцы между губами и пососал, заставив ее глаза расшириться от шока. — И на вкус ты тоже хороша, — Грей улыбнулся ее реакции, снова прикоснулся к ней и заставил ее

выкрикнуть его имя.

— Ты знаешь, что делаешь со мной? — спросил он ее.

— То же самое, что ты делаешь со мной.

И она хотела этого. Всего его. Каждую его часть. Хотела, чтобы он играл с ней так же, как играл свои песни. Мягко, потом жестко, пока звук не заполнил бы каждую клеточку ее тела.

— Грей... — она скользнула руками по его спине, потянула за пояс его боксеров. — Мне нужно...

— Что тебе нужно? — прошептал он ей на ухо, его голос был разгоряченным и жестким.

— Ты. Ты мне нужен.

Он еще раз погрузил пальцы в нее, затем вытащил их.

— Да, нужен, — улыбка растянула его губы. Он схватил бумажник и вытащил презерватив. У нее пересохло в горле, пока она смотрела, как он надевает его. — Но не так сильно, как ты нужна мне.

Он навис над ней, его глаза были устремлены на нее, и она видела свое отражение в их глубине. Они долго смотрели друг на друга, прежде чем она почувствовала, как он упирается в нее.

Наклонив голову, он захватил ее губы своими и, проглотив ее крик, вошел в нее. Он застонал. Его бедра двигались быстро, его губы брали все, что она могла дать, его тело заставляло ее петь, пока они не достигли кульминации.

И когда он довел ее до этого, наблюдая темным взглядом за тем, как наслаждение захлестывает ее, она почувствовала, что он следует за ней. Грей простонал, упираясь локтями в одеяло рядом с ней, его бедра прижались к ее бедрам, когда он достиг своего пика.

И когда все закончилось, а наслаждение все еще омывало ее, он притянул ее к себе и обхватил руками, шепча ей на ухо ласковые слова.

Казалось, что рай и ад столкнулись и создали совершенно новый мир только для них.

Мир, который она никогда не хотела покидать.

Глава 18

Это был прекрасный день. Солнце пробивалось сквозь облака, оставляя за собой лазурно-голубое небо, простиравшееся над ним на многие километры. Грей стоял на коленях на крыше отцовского дома и оценивал ущерб. Он делал фотографии отверстий, которые хотел отправить братьям Джонсон для совета, когда услышал шум от подъезжающей машины.

Сначала он не обернулся. В основном потому, что привык к тому, что люди приходят и уходят. Друзья тети Джинны, старые школьные товарищи Бекки и случайные посетители его отца. И он заметил, что Таннеру по-прежнему все доставляют сюда — даже покупки в интернете. Забавно, что дом всегда так притягивал его.

— Привет, — позвал женский голос минуту спустя. На этот раз он повернулся, поджав ногу, чтобы удержать равновесие на выступе крыши. Солнце было таким ярким, что все еще било ему в глаза, несмотря на тень, которую давала каска. Он моргнул и поднял руку.

На подъездной дорожке стоял сверкающий серебристый Мерседес. И рядом с ним стоял человек, которого он ожидал увидеть меньше всего.

— Эш?

Она улыбнулась его мгновенному узнаванию.

— Слышала, что ты вернулся в город. Решила зайти поздороваться.

На мгновение он подумал о том, чтобы сказать ей, что он занят, а он явно был занят, и отослать ее. Но он знал без сомнения, что тетя Джина уже видела ее и устроит ему ад, если он не проявит гостеприимства.

— Дай мне минутку, — позвал он. — Если обойдешь дом сзади, то увидишь тетю Джину на кухне. Встретимся там через несколько минут.

Ее улыбка слегка дрогнула.

— О, хорошо.

Пока она шла к дому, Грей вздохнул. Все утро он был на седьмом небе от воспоминаний о прошлой ночи. Отец ругал его за то, что трубы скрипят всю ночь, а ему было наплевать. Для него это было все равно, что слушать щебетание птиц. Он был слишком занят мыслями о Мэдди. О том, как ее тело было таким чертовски мягким и манящим, поэтому его абсолютно не заботили слова отца.

Но теперь здесь была ее сестра и она словно держала в руках иглу, готовую проткнуть воздушный шар. Он с радостью прожил бы сотню лет, не видя ее.

Когда он вошел на кухню, снимая каску и взъерошивая волосы, то увидел, что она сидит с тетей Джинной и они вдвоем потягивают сладкий чай. Они склонились над телефоном Эшли, перелистывая фотографии. Они подняли головы, чтобы посмотреть на него, когда его ноги затопали по полу.

— Вот ты где, — сказала Джина, когда он снял ботинки и оставил их на коврике. — Эшли показывала мне фотографии Грейс и Картера. Не могу поверить, как они выросли. Ты видел их?

— Я видел фотографию в доме Мэдди.

Эшли моргнула.

— Ты был у меня дома?

Черт.

Он совершенно не знал, что Мэдди сказала сестре о нем — если вообще что-то сказала. Они должны были быть друзьями? Знакомыми? Врагами?

— Она помогла мне в церкви пару недель назад. Я пошел поблагодарить ее.

Он небрежно прислонился к двери, рассматривая Эшли. Она всегда заботилась о своей внешности, но сейчас в ней появился дорогой блеск, которого раньше не было. Как будто кто-то сделал аэрографию в реальной жизни, убрав интересные черты и недостатки, которые делали ее человеком.

Это заставило его вспомнить о скоплении веснушек на шее Мэдди, похожих на созвездие большой медведицы. Прошлой ночью он покрывал их поцелуями, заставляя ее дрожать от возбуждения. Ее попа прижималась к его паху, и это вызывало у него прилив удовольствия.

— Я слышала об этом. Типичная Мэдди, заставляющая тебя прыгать через заборы, — Эшли расплылась в улыбке. — Она так напугала Деллу Торсен. Можно подумать, моя сестра еще подросток, а не девушка двадцати пяти лет.

— Мне тридцать один, — заметил Грей, его голос был глубоким. — Если кто и сбивал кого-то с пути, так это я.

Улыбка Эшли на секунду дрогнула.

— Спасибо, что защищаешь ее. Она еще так молода во многих отношениях. Думаю, это

то, что происходит, когда никогда не покидаешь дом. Не то, что мы двое. Она никогда не была мудрой в познании мира.

Она говорит о Мэдди Кларк? Умной, острой, как нож и никогда сознательно не пользовавшейся преимуществами?

— Не думаю, что она нуждается в моей защите.

— Да, не нуждается, — Эшли сделала глоток сладкого чая. — Вообще-то, пока я здесь, я хотела бы кое о чем с тобой поговорить, — она перевела взгляд на тетю Джину. — Наедине, если ты не против. Может, прогуляемся во дворе.

Грей глубоко вздохнул. Он бы предпочел сидеть на крыше и слушать, как его отец ворчит, а не разговаривать со своей давней бывшей. Но, судя по тому, как тетя Джина улыбнулась, он понял, что ему не уйти от разговора.

— Да, конечно.

— Отлично, — Эшли встала и подошла к тому месту, где он стоял. Он чувствовал насыщенный аромат ее духов. — Спасибо за сладкий чай, — сказала она, улыбаясь его тете.

— Не за что. Было приятно увидеть тебя снова.

Он снова надел ботинки и открыл дверь, жестом приглашая Эш пройти. Она не торопилась, подняла голову, чтобы улыбнуться ему, прежде чем проскользнуть мимо его тела. На ней было темно-синее платье, облегающее ее стройное тело, волосы были убраны в хвост, обнажая длинную тонкую шею. У нее не было веснушек, только бледно-кремовая кожа.

Как только они оказались на улице, она повернулась к нему.

— Вообще-то, прогулка во дворе — плохая идея. Это испортит мои туфли. Может быть, нам стоит где-нибудь посидеть?

Он указал жестом на старую скамейку у ворот, и она покачала головой.

— Не в этом платье.

— Может быть, стоять будет лучше, — сказал он, пытаясь подавить свое раздражение. Это была Эш. Девушка, о которой он когда-то заботился. Он должен был проявить к ней хотя бы вежливость. — Чем я могу тебе помочь? — спросил он ее.

— Как продвигается твоя музыкальная карьера?

Он уставился на нее на мгновение, пытаясь расшифровать, какого черта она хочет.

— Довольно хорошо.

— И ты скоро уедешь?

— Уеду?

Она покачала головой.

— Это был вопрос. Я спрашиваю, когда ты собираешься вернуться туда, где ты живешь.

— Я живу в Лос-Анджелесе.

— Хорошо, так когда ты собираешься вернуться домой?

Его губы скривились.

— Похоже, ты очень хочешь избавиться от меня. Должен ли я принимать это на свой счет?

Она вздохнула.

— Ты можешь воспринимать это как хочешь. Я ни на что не настроена, я просто вела светскую беседу.

Он взглянул на часы. Было почти время обеда.

— Хорошо, — он пожал плечами. — Я вернусь домой через несколько недель. А как

ты? Слышал, ты живешь в Стэнхоупе. Все идет хорошо?

— Да, — ее голос был ледяным. — Я очень счастлива там. И я хочу быть уверена, что останусь такой же.

— Ты думаешь, что я могу быть угрозой твоему счастью? — его брови сошлись вместе. — С чего бы это?

— Потому что куда бы я ни пошла, я только и слышу о тебе и Мэдди, и понятия не имею, что происходит. Мне звонят люди и говорят, что вас видели вместе в самых разных местах, мне это не нравится, — она вызывающе подняла голову. — Все, что произошло между нами, должно остаться между нами, Грей.

На этот раз он не смог сдержать взрыв смеха.

— Ты думаешь, что я преследую твою сестру, чтобы причинить тебе боль?

— А разве нет?

— Нет, — его выражение лица было недоверчивым. — Почему ты так думаешь?

— Потому что мы расстались при плохих условиях.

— Я ушел, а ты разозлилась на меня. Я это пережил, — Грей потер подбородок тыльной стороной ладони, все еще пытаясь понять, о чем она думает. — Это старые новости, Эш. Более десяти лет прошло. Я здесь не для того, чтобы причинять кому-то боль.

— Значит, между тобой и Мэдди ничего не происходит?

Он облизал пересохшие губы, глядя на нее сузившимися глазами.

— Ты спрашивала ее об этом?

— Да.

Конечно, она спрашивала.

— И что она ответила?

— Что между вами вообще ничего не было.

Он проигнорировал уколы боли от ее ответа.

— Тогда это твой ответ.

— Но я знаю, что она влюблена в тебя, она всегда была влюблена. Даже после твоего отъезда она постоянно говорила о тебе. Я никуда не могла пойти, чтобы не услышать эту чертову песню, которую ты написал. Она постоянно играла ее.

Ну, это заставило его почувствовать себя лучше.

— Многие женщины влюблены в меня.

Эшли закатила глаза.

— Вижу, звездная слава не умерила твое эго.

Он пожал плечами.

— Это часть работы. И не та часть, которая мне нравится, честно говоря. Это быстро надоедает.

— Это еще одна причина, по которой тебе следует держаться подальше от Мэдди. Твоя работа. Я не хочу, чтобы ты сделал ей больно.

— Почему моя работа должна причинить ей боль? — спросил он, недоумевая.

Эшли поджала губы и посмотрела ему в глаза.

— Ты рок-звезда, Грей. Музыкант. Такие люди, как ты, не созданы для таких, как она. Мэдди — простая девушка из маленького городка. Однажды, она пыталась уехать, и это чуть не убило ее.

— Что? — он нахмурился. — Как?

— Это неважно. Просто держись от нее подальше. Только так ты не причинишь ей

вреда. Обещай мне это.

Она должна была рассказать о Нью-Йорке и о том, как Мэдди уехала из Анселла, не закончив учебу.

— Как это чуть не убило ее? — снова спросил он.

— Это не моя история. Но я видела ее на самом дне и больше никогда не хочу видеть ее такой. Не делай ей больно, Грей. Она не такая стойкая, как мы. Просто оставь ее в покое, — ее телефон зажужжал, и она вздохнула, открывая свою темную кожаную сумочку, чтобы проверить его. — Мне нужно идти, у меня встреча через полчаса, — она посмотрела на него, солнце сверкало в ее глазах. — До свидания, Грей. Надеюсь, ты нашел то, что искал, когда уезжал из города все эти годы назад.

Он моргнул, несмотря на то, что был заслонен от солнца.

— Пока, — сказал он.

Ее слова звенели у него в ушах, пока он смотрел, как девушка заходит за угол дома. Через минуту двигатель завелся, и он услышал шум колес на подъездной дорожке, когда она выехала задним ходом.

Нашел ли он то, что искал, покинув Хартсонс Крик сразу после своего двадцатого дня рождения? Или оно было здесь все это время?

— Дай мне торт. Много торта. И кофе, — Лаура опустилась на стул у стойки и тяжело оперлась на него, покачивая головой. — Сливки, пять ложек сахара и не забывай о кофеине.

Мэдди усмехнулась, увидев выражение лица подруги.

— Плохой день в магазине?

— Худший, — Лаура покачала головой. — Если мне придется провести еще час с Мэри Дин, клянусь, меня арестуют за убийство. Как одна женщина может ненавидеть столько одежды? Я заказала двадцать разных платьев по ее просьбе, и она не довольна ни одним из них. Я пыталась предложить ей попробовать делать покупки через интернет, но тогда она сказала, что не хочет платить за отправку вещей обратно. Я попыталась объяснить, что я буду платить за возврат всех этих платьев, но это прошло мимо ее сознания, — Лаура набрала полный рот воздуха. — Прости, я слишком много разглагольствую.

— Разглагольствуй. У нас у всех бывают такие дни, — Мэдди налила ей кружку кофе, добавив много сливок. — Вот, добавь сахар сама, — сказала она, пододвигая к ней кружку. — Я не хочу нести ответственность перед твоим дантистом.

— Ах, он любит, когда у меня карьерес. Я всегда стараюсь носить низкий вырез, чтобы он мог посмотреть на мою грудь, — Лаура почти улыбнулась. — Мы должны создать профсоюз или что-то в этом роде. Начать отказываться от работы, когда у нас появляются неудобные клиенты.

— Ты владеешь своим магазином, — с улыбкой заметила Мэдди. — Ты только навредишь себе.

— Уф, — Лаура опустилась на табурет и взяла свой кофе, пока Мэдди выкладывала на тарелку кусочек морковного торта. — Иногда я ненавижу себя.

— Нет, не ненавидишь.

Лаура положила еще ложечку сахара.

— Тогда ладно. Я ненавижу свою жизнь.

— Нет, не ненавидишь, — усмехнулась Мэдди.

— Эй. Я ищу здесь поддержки. Ты должна меня подбадривать, — Лаура поднесла

кружку к губам, чтобы сделать глоток.

Мэдди облокотилась на стойку. День был спокойным, а значит, ничто не испортило ее хорошего настроения. Ни клиентка, трижды отправлявшая свою тарелку обратно из-за яиц Мерфи, ни ответ Мерфи в стиле X-рейтинга, когда он в порыве гнева бросил тарелку с едой на пол.

Ничто не могло заглушить то сияние, которое она чувствовала. Это было слишком тепло, слишком глубоко, слишком хорошо.

— Эй, ты все еще улыбаешься. Что с тобой? — спросила Лаура.

— Что ты имеешь в виду? — Мэдди попыталась заставить мышцы щек расслабиться, но они не поддавались.

— Я имею в виду, что ты вся светишься, ухмыляешься и все такое. Это на тебя не похоже. Что случилось?

— Может быть, я просто улыбаюсь, потому что сегодня прекрасный день, — Мэдди пожала плечами и жестом показала на окна. Солнце било на зеленеющую городскую площадь, отражаясь от сцены и выкрашенных в белый цвет скамеек. — Это преступление?

— Хм, — Лаура воткнула вилку в торт и зачерпнула кусочек. — Я не знаю. Чем ты занималась?

Мэдди засмеялась.

— Ничем. Просто работала, как обычно. Мне можно улыбаться, не так ли?

Впервые с тех пор, как она ворвалась в дверь, Лаура улыбнулась.

— Да, можно. И ты красивая, когда делаешь это.

— Весь этот сахар попал в твой мозг, — поддразнила Мэдди. — И твой язык, ты сладкая болтушка, — за плечом Лауры показался Мерседес ее сестры, подъехавший снаружи.

Она наблюдала, как Эшли вылезла из машины, разгладила платье ладонями и захлопнула машину, направляясь к закусочной. Внезапно хорошее настроение Мэдди исчезло. На смену ему пришло сильное чувство вины, когда она вспомнила прошлую ночь.

Ее тело напряглось.

Почему я чувствую себя виноватой?

Грей больше не был парнем Эшли. И не был им уже много лет. Они были двумя взрослыми людьми, которые делали то, что делают взрослые люди. Это не было ничьим делом.

Даже если все думали, что это так.

— Ты в порядке? — спросила Лаура, оглядываясь через плечо. — О, — сказала она, обернувшись с расширенными глазами. — Старшая сестра здесь.

— Ага.

Эшли толкнула дверь, заставив колокольчик звякнуть, и подняла голову, как будто это было личное оскорбление. Ее грудь поднялась, когда она глубоко вдохнула воздух и подошла к стойке.

— Привет, — сказала Мэдди, стараясь, чтобы ее голос был легким. — Чем мы обязаны такому удовольствию?

— Я просто проходила мимо, — Эшли улыбнулась. — Решила навестить Грея и поздороваться. Мне показалось глупым, что он вернулся в город, а я его игнорирую. Так что я решила быть более взрослым человеком.

— Правда? — Мэдди почувствовала, как остатки ее счастья улетучиваются. — Он был там?

— Он был на крыше, когда я приехала. Он спустился вниз, чтобы поздороваться. Это было очень мило. Напомнило мне, как мы учились в школе.

— О, — Мэдди отчаянно искала слова, но ее разум был пуст.

— Майкл знает, что ты навещаешь старых парней? — спросила Лаура.

Эшли обернулась, ее брови приподнялись от вторжения.

— О, это ты. Я тебя там не видела. И раз уж ты спрашиваешь, я не сказала Майклу потому что это было решение, принятое в мгновение ока. Но я знаю, что он поддержал бы мой выбор. Я никогда не давала ему повода сомневаться во мне, — она снова повернулась к Мэдди. — Мы немного поговорили о тебе.

Дыхание Мэдди перехватило в горле.

— Правда?

— Да. Он сказал, что ты милая и что ты ему как младшая сестра, — Эшли посмотрела на золотые часы, обвивающие ее изящное запястье. — Могу я заказать кофе на вынос? Мне нужно забрать Картера через двадцать минут.

— Конечно.

Радуюсь возможности отвернуться от сестры, Мэдди подошла к кофеварке и глубоко вздохнула. Никакого растворимого кофе для Эшли Лоу. Она всегда заказывала латте с корицей. Но даже механическое действие по наполнению фильтра и подаче молока было недостаточно, чтобы отогнать боль от слов Эшли.

Неужели Грей действительно так сказал обо мне?

Даже если он пытался сбить Эшли со следа, описание ее как ребенка причиняло боль.

Это напомнило ей о том, как она росла. Всегда в тени своей сестры. Даже сейчас, когда в ее жизни наконец-то произошло что-то хорошее, Эшли была здесь, чтобы напомнить ей, что он был ее первым.

Она накрыла стакан крышкой, затем защелкнула ее и передала Эшли, которая молча стояла рядом с Лаурой.

— Вот, держи.

— Сколько?

— За мой счет.

— Не глупи. Я знаю, как туго с деньгами. Держи, — Эшли достала из кошелька пятидолларовую купюру и положила ее на прилавок. — Сдачу оставь себе. И я позвоню тебе позже, хорошо?

— Хорошо, — Мэдди сглотнула, хотя в горле все еще стоял ком.

Эшли ушла так же быстро, как и пришла, дверь хлопнулась за ней. Мэдди замерла на мгновение, ей уже не хватало утреннего хорошего настроения.

— Ну, твоя сестра — сука, — сказала Лаура, поднося последний кусок торта ко рту. — Но мы это уже знали.

— Она не такая уж плохая. У нее есть и хорошие качества.

— Да, но мы можем обсудить их позже. Сейчас у меня к тебе несколько вопросов. Что, черт возьми, происходит между тобой и Греем Хартсоном?

Глава 19

— Не вижу особого прогресса на крыше, — сказал его отец и громко кашлянул, прикрыв губы белым крахмаленным платком, как он всегда делал. Он был достаточно здоров, чтобы выйти на улицу на несколько минут — и, очевидно, решил использовать это время, чтобы позлить Грея.

Удачи тебе, старик.

Даже Эшли не смогла полностью уничтожить хорошее настроение Грея.

— Я жду, когда доставят материалы, — сказал Грей, сохраняя спокойный голос. —

После этого останется несколько дней работы, — во всяком случае, так ему сказали братья Джонсоны. — Все будет готово раньше, чем ты успеешь оглянуться.

Его отец смотрел на крышу сузившимися глазами.

— Я хочу, чтобы все было сделано как надо, — прохрипел он. — Никаких полумер.

Грей подавил желание сказать отцу, куда идти.

— Я не принимал полумер с водопроводом, и не буду делать этого с крышей.

— Может быть, если бы ты не был так занят флиртом с замужними женщинами, ты бы быстрее справился с работой.

— Что? — Грей прислонился к стене дома, удивленно сведя брови.

— Я видел тебя с Эшли Лоу. Вы оба выглядели похожими на воров. Ты знаешь, что у нее есть муж и дети?

— Да, я знаю. И я не флиртовал. Она подошла поздороваться, и я был вежлив в ответ.

Он понятия не имел, зачем он объясняется. Грей ничем не был обязан своему старику. Тем не менее, внутри него начал подниматься огонь, как это всегда происходило, когда отец был рядом.

— Лучшее, что она когда-либо делала, это вышла замуж за этого человека. Она умная женщина. Она знала, что ты не надежен.

— Серьезно? — спросил он сквозь стиснутые зубы.

— Ты не из тех, кто остается рядом, не так ли, Грей? Слишком занят погоней за следующей большой вещью, чтобы думать о людях, которых ты оставил позади, — глаза его отца сузились. — Слишком важен, чтобы навестить свой дом или подумать о людях, которые тебя любят.

Грей тяжело сглотнул, но желчь продолжала подниматься.

— Почему, по-твоему, я здесь? Почему, по-твоему, я трачу свое свободное время на ремонт этого проклятого дома, когда я мог бы заплатить за него в сто раз больше? По доброте душевной?

— Чувство вины, — его отец поджал губы. — Ты думаешь, что это компенсирует все те годы, когда ты не возвращался домой. Все те времена, когда ты разбивал сердца своим тете и сестре. Но несколько труб и черепицы ничего не доказывают. Ты снова уедешь, и мы не увидим тебя еще десять лет.

— Ты думаешь, они — ничто? — голос Грея повисился, он только и смог, что не закричать. — Все эти часы, которые я потратил, чтобы сделать дом водонепроницаемым и пригодным для использования? Ты хочешь, чтобы я остановился сейчас? Просто оставить тебя с крышей, полной дыр, потому что ты слишком скуп, чтобы заплатить за профессиональную помощь?

Его отец громко кашлянул.

— Если ты хочешь уйти, то уходи. Мы разберемся с этим так же, как и всегда. Без тебя.

Грей сжал кулаки и на мгновение закрыл глаза, пытаясь подавить желание ударить что-нибудь. Что угодно. Его отец знал, как надавить на его кнопки.

Какого черта я вообще здесь делаю?

Он мог бы быть дома, в Лос-Анджелесе, играть музыку и отдыхать. Вместо этого он находился здесь, в маленьком, убогом городке, в котором вырос и получал критику от своего

отца за то, что пытался сделать хорошее дело.

С ним не было победы. И никогда не будет. Какого черта он продолжал пытаться?

— Ты жалкий старик, ты знаешь об этом? — сказал ему Грей сквозь стиснутые зубы. — Ты превратил мое детство в ад после смерти мамы. Ты вытолкнул каждого из нас. Мы не могли дожидаться, чтобы уехать. Я, Таннер, Логан и Кэм, мы считали часы.

— И вот ты здесь, снова там, откуда начал.

— Да, но не для того, чтобы увидеть тебя. Чтобы убедиться, что тетя Джина и Бекка в порядке.

— Они в порядке. Они всегда будут в порядке. Я в этом уверен, — еще один кашель. — Им не нужна твоя забота или твои деньги. Никто из нас не нуждается.

— Ты умрешь одиноким, несчастным, старым человеком.

Его отец рассмеялся. Смех был коротким и злым, в нем совсем не было юмора.

— Не таким одиноким, как ты. По крайней мере, у меня есть моя семья, мои воспоминания и город, полный друзей. А что есть у тебя, Грей? Тело, испорченное татуировками. Люди, которые являются твоими друзьями только потому, что хотят получить то, что ты можешь предложить. Сколько из них настоящие друзья? Сколько из них звонили тебе с тех пор, как ты здесь? У тебя не было ни одного посетителя. Так что не говори мне об одиночестве, когда ты сам одинок, — его отец покачал головой и отвернулся, скрывшись за углом дома.

Как только он скрылся из виду, Грей ударил рукой по стене.

— Черт! — выкрикнул он. Мужчина ненавидел это. Ненавидел его.

Почему я все еще позволяю старику так издеваться надо мной?

— Он ведь это не всерьез, ты знаешь.

Грей поднял голову и увидел тетю Джину, стоящую у задней двери. По выражению ее лица Грей понял, что она слышала каждое слово.

— Да, он это серьезно.

Она покачала головой.

— Он любит тебя, Грей. Но он не знает, как это показать. Это пугает его.

Грей хотел рассмеяться.

— Его ничто не пугает.

— Некоторые вещи пугают. Потеря твоей мамы напугала его так сильно, что он больше никогда не позволял себе открыться. Он отталкивает тебя, потому что боится, что ты все равно уйдешь. Так он может сказать себе, что это то, чего он хочет.

— Это же х*р... я имею в виду, это безумие.

Тетя Джина проигнорировала его почти ругань.

— Он такой, какой есть. Он так и не смог пережить смерть твоей мамы, — она вздохнула.

— Да, а может, ему следовало бы. Тогда бы он не превращал жизнь всех остальных в ад.

— Если ты считаешь свою жизнь адом, представь, что ты потерял человека, который был для тебя всем. Твою родственную душу. Затем представь, что тебе придется остаться в том же доме и видеть ее лицо в выражениях твоих пятерых детей. Представь, что тебе придется смотреть, как они плачут и сдерживать собственные слезы, потому что этим маленьким детям нужна стабильность, — она протянула руку, чтобы погладить его по лицу. — Я знаю, что он не ангел. И что он невозможен, когда говорит с тобой. Но он сделал для тебя все, что мог. Мы оба старались. Но иногда этого недостаточно.

Ему было неприятно видеть печаль в ее глазах. Грей притянул ее к себе и крепко обнял.

— Ты была более чем достаточно хороша, — хрипло сказал он.

— Может быть, когда-нибудь ты сможешь поговорить с отцом, не сталкиваясь с ним лбами, и сказать ему то же самое, — предположила она, когда он отпустил ее.

— Может быть, — сказал он ей. — Но я бы не стал на это рассчитывать.

Маленькая улыбка скривила ее губы.

— Может быть, этого вполне достаточно для меня.

— Почему все так легко, когда я с тобой? — пробормотал Грей, прижавшись губами к волосам Мэдди. Было почти одиннадцать, и они сидели на заднем дворе в одном из старых адирондакских кресел. Когда он сел, она хотела сесть в другое кресло, но он притянул ее к себе на колени, сказав, что ему нужно почувствовать ее. И да, возможно, ей тоже было нужно немного этого.

— Потому что весь остальной мир полон мудаков.

Он усмехнулся.

— Правда. Куда бы я ни пошел, я не могу от них убежать.

— Я тоже. Слышала, что моя сестра навестила тебя недавно, — хотя ее голос был непринужденным, эти слова легли тяжелым грузом на ее грудь.

— Да, навещала. Но я понятия не имею, зачем. Она сказала несколько странных вещей, а потом ушла так же быстро, как и пришла.

Мэдди повернулась в его руках так, чтобы оказаться лицом к лицу с ним. Ей никогда не надоест смотреть на его красивое лицо. Глубокие голубые глаза, высокие скулы, сильная, квадратная челюсть. Лицо, которое растопило миллион женских сердец.

— Что за странные вещи?

Он прикоснулся губами к ее губам, отчего у нее по спине пробежала дрожь.

— Она сказала, что Нью-Йорк чуть не убил тебя.

У Мэдди пересохло во рту.

— Правда?

— Да, — он нахмурился. — Что она имела в виду? Почему поездка в Анселл чуть не убила тебя?

Она на мгновение зажмурила глаза, не желая смотреть на него.

— Это старые новости, — тихо сказала она. — У меня был плохой опыт, и я хотела вернуться домой.

— Плохой опыт? С кем? Это был один из твоих преподавателей?

Ее грудная клетка была похожа на плотно закрытую дверь. Он настойчиво пытался открыть ее, и часть ее души хотела позволить ему это сделать. А другая часть? Она знала, что как только он откроет ее, ей придется иметь дело с тем, что он узнает правду. Она не была уверена, что готова к этому. Еще нет. А может быть и никогда.

— У меня был парень, — сказала она, ее голос был тихим. — И между нами произошло нечто, что причинило мне боль. И все об этом узнали. Люди шептались обо мне в коридорах. В конце концов, все, чего я захотела, это вернуться домой.

Грей обнял ее за талию, как будто защищая ее.

— Что он сделал?

Она уткнулась лицом в его плечо.

— Это не имеет значения. Это старая история.

Она сделала глубокий вдох, пытаясь собраться с мыслями. Мэдди не хотела думать об этих воспоминаниях сейчас. Не тогда, когда она была в его объятиях.

— Это не старая история, если она помешала тебе заниматься музыкой.

— Я все еще играю. Преподаю игру на пианино. Пишу песни. Мне этого достаточно, — она облизала губы. — А как насчет тебя, кто-нибудь причинял тебе боль?

— В смысле подружки? — спросил он, его голос был низким.

— Да.

Уголок его рта приподнялся.

— У нас будет этот разговор?

— Какой разговор?

Она снова подняла голову. В его глазах было столько тепла. Ей нравилось, что он знал, когда прекратить задавать ей вопросы о Нью-Йорке. Он никогда не заходил дальше, чем она могла выдержать.

Но однажды ей придется рассказать ему об этом. Она знала это.

— Тот самый, когда мы рассказываем друг другу все наши сокровенные тайны о наших прошлых отношениях. Я спрашиваю тебя, была ли ты когда-нибудь влюблена, а ты спрашиваешь меня, изменял ли я. Затем мы оцениваем, достаточно ли хорош для нас другой человек.

— Ты когда-нибудь изменял? — спросила она, внезапно заинтересовавшись.

— Нет. Но я делал некоторые вещи, о которых потом жалел.

— Например?

Настал его черед выглядеть загнанным в угол.

— Глупые вещи. У меня были отношения на одну ночь с женщинами, которые искали большего. Я слишком много пил и просыпался с женщинами, чьих имен я не знал.

— Женщинами? — спросила она. — Больше чем одна.

Грей засмеялся.

— Да, их было больше, чем одна.

— Я имела в виду одновременно, — ее грудь сжалась от этой мысли.

— Ты спрашиваешь меня, был ли у меня когда-нибудь секс втроем?

Ее дыхание перехватило в горле, когда она кивнула. Разница в опыте между ними была слишком очевидна. Лишь однажды она проснулась и обнаружила то, чего не ожидала. И это все испортило.

Но, похоже, для Грея это был образ жизни.

Он притянул ее к себе крепче, его глаза встретились с ее. И в них она увидела честность, которую искала. Он был открытой книгой, и ей отчаянно хотелось пролистать ее страницы.

— Я уже говорил тебе, что когда я впервые обрел успех, я воспользовался им. Слишком много пил, слишком много употреблял наркотиков, и да, женщин тоже было слишком много. Я использовал их так же, как и все остальное. Чтобы чувствовать себя лучше. Менее одиноким. Я хотел чувствовать себя звездой, потому что в глубине души я не чувствовал, что заслуживаю чего-то из этого.

В его словах прозвучала откровенность, которая тронула ее.

— Но ты заслужил это. Ты так талантлив.

Его рот дернулся.

— Все в порядке. Годы терапии означают, что мне больше не нужно такое подтверждение.

— Нет?

— Нет.

Она провела пальцем по его переносице.

— Так у тебя были какие-нибудь длительные отношения с тех пор?

— Парочка, — сказал он, его губы разошлись, когда ее палец коснулся их. Она почувствовала тепло его дыхания на своей коже. — Ничего серьезного. Обе они были женщинами из этой же индустрии.

— Я их знаю?

Он пожал плечами.

— Возможно. Но теперь они уже история. А как насчет тебя? Есть какие-нибудь ухажеры, о которых мне следует знать в Хартсонс Крик? Должен ли я готовиться к борьбе за тебя?

Она усмехнулась.

— Нет. Единственный парень, с которым я провожу время, это Мерфи. И я могу гарантировать, что он отдаст меня без боя.

— Я могу приготовить яйца лучше, чем он.

— Я в этом не сомневаюсь.

Он провел пальцами по ее позвоночнику. Движения были медленными и томительными.

— Значит... между нами ничего не стоит.

Она вздрогнула от его прикосновения.

— Между твоим домом и моим — три тысячи километров. И тот факт, что Эшли впадет в истерику.

— Почему ты не рассказала ей о нас? — спросил он.

Мэдди сглотнула. Он был так близко, что она чувствовала каждую его частичку на себе.

— Потому что я не хочу иметь дело с последствиями.

Он моргнул.

— Ты не думаешь, что это того стоит?

— Конечно, стоит, — быстро сказала она ему. — Я не это имела в виду. Но ты здесь всего на несколько недель, а потом вернешься в Лос-Анджелес. Я бы предпочла, чтобы это оставалось между нами, пока это длится.

Он наклонил голову, чтобы его глаза оказались на одном уровне с ее глазами.

— Ты думаешь, все закончится, когда я уеду?

— Разве нет? — спросила она, немного задыхаясь. — Потому что я не могу представить, как могут работать отношения на расстоянии.

— Ты будешь приезжать ко мне, я буду приезжать к тебе. В промежутках между ними у нас будет горячий кибер-секс, чтобы поддерживать наши отношения, — он улыбнулся.

— Ты говоришь так просто.

— Так и есть.

— А когда люди узнают о нас и начнут задаваться вопросом, почему такая звезда, как ты, хочет быть с кем-то вроде меня?

Он нахмурился.

— Что это значит?

— Посмотри на нас. Ты — это ты, а я... нет.

— Ты снова это делаешь. Не видишь себя так, как вижу я.

— Я говорю честно. У тебя наверняка есть PR-компания, представляющая тебя. И возможно, консультанты по имиджу. Они бы посоветовали тебе не делать этого. Сказали бы тебе найти кого-то более твоего уровня. Одну из тех певиц, с которыми у тебя были отношения.

Его пальцы провели по ее шее.

— Мне не нужна одна из тех других певиц. Я хочу тебя, — его голос был глубоким. — Я хочу вывести тебя на публику, показать людям, как мне чертовски повезло. Я хочу, чтобы мы были вместе, Мэдди. И мне плевать, что думают другие.

— Тебе повезло. Меня это слишком сильно волнует.

— Почему? — он выглядел искренне озадаченным.

— Потому что я знаю, каково это, когда о тебе говорят. Когда за спиной шепчут сплетни, и люди смеются надо мной. Это больно, Грей. Режет, как нож. Я не хочу снова давать кому-то такой боеприпас.

— Значит, это все? Мы покончим с этим, когда я уеду?

Ее сердце сжалось. От одной мысли о том, что она больше не увидит его, все сжалось в комок.

— Нет, — прошептала она. — Я не хочу этого.

Он выдохнул полный рот воздуха.

— Слава Богу. Потому что я не могу позволить тебе сделать это, — он приподнял пальцами ее подбородок и прижался губами к ее губам. — Так что мы будем делать дальше?

Она запустила пальцы в его густые волосы и прижалась к нему, ощущая твердость его возбуждения на своем животе.

— У меня есть несколько идей, — прошептала она. — Но, возможно, нам придется держать это в тайне.

Он скользнул руками вниз по ее спине и схватил ее за задницу. Затем он поцеловал ее горячо и крепко.

— Я могу действовать тихо, — прошептал он. — Если ты действительно настаиваешь.

Глава 20

Ремонт крыши нравился Грею примерно так же, как замена труб в доме. Дело было не во времени, которое требовалось, и не в физических усилиях, которые приходилось затрачивать каждый день, чтобы снять старую черепицу и прибить на ее место новую. Это было чертовски утомительно. Его руки болели от повторяющейся работы: он просовывал ломик под каждую сломанную черепицу и маневрировал им, пока она, наконец, не отрывалась, а затем заменял ее свежим рядом, следя за тем, чтобы все было идеально выровнено, чтобы дождь не просочился.

Сегодня его мысли были где-то в другом месте. Он был слишком увлечен мыслями о песне, которую начал писать вчера вечером. Второй шанс. Он застрял на мостике, соединяющем куплет с припевом, и все время напевал комбинации, которые могли бы сработать.

Поэтому боль, когда она пришла, пронзив его руку, выдавила дыхание из легких в глубоком стоне. Он посмотрел вниз и увидел, как острый конец лома вонзился в кожу между большим и указательным пальцами левой руки. Кровь стекала по его запястью и блестела на металлическом стержне. Он отдернул руку и от боли у него подогнулись пальцы на ногах. Он не понял, что закричал, пока не увидел тетю Джину, выбежавшую из кухонной двери.

Порез длиной около двух сантиметров обнажил мягкие ткани его плоти. Повсюду

хлынула кровь, и ему пришлось стиснуть зубы от головокружения, грозившего его настигнуть. Он тяжело сел на крышу, пытаясь отдышаться.

— Грей! — позвала тетя Джина. — Что случилось?

— Я порезался, — сказал он, его голос был тоньше, чем он ожидал. Ему действительно нужно было спуститься с крыши, пока он не потерял слишком много крови.

— Все плохо?

— Довольно плохо.

Крови было слишком много, чтобы определить, задел ли он сухожилия.

— Мне нужно спуститься.

Он отпустил лом, и тот с грохотом упал на крышу. Сжав зубы от боли, Грей подтянулся к краю. Он ухватился за лестницу на крыше своей здоровой рукой, держа другую поднятой вверх, пытаясь остановить поток крови.

— Боже мой, Грей, — прошептала тетя Джина, когда он спустился вниз. — Позволь мне принести полотенце, чтобы это очистить.

— Я думаю, мне нужен врач, — сказал он, его зубы все еще были стиснуты.

— Тебе нужно в больницу. Садись вот сюда, — твердо сказала она ему, указывая на скамейку. — Я вызову скорую помощь, потом нам нужно остановить кровь. Держи руку поднятой и старайся дышать.

— Да, — он кивнул, стараясь не смотреть на то, как рукав его серого Хенли окрасился в темный цвет.

Но не успел он сесть, как мир стал черным. Последнее, что он помнил, был стук крови в его ушах.

Мэдди вбежала в отделение неотложной помощи, ее сердце колотилось так, словно пыталось выиграть Дерби Кентукки (конные скачки). Она остановилась у регистратуры, все еще задыхаясь от бешеной гонки, и сказала сотруднику, что ищет Грея.

— Вы член семьи?

— Нет, — задыхалась она. — Близкий друг. — Она оглядела зал ожидания и заметила знакомый вид седых волос тети Джины. — Все в порядке, я вижу его тетю. Пойду, посижу с ней.

Неужели всего полчаса назад Лаура забежала в закусочную, чтобы сообщить, что Грея срочно доставили сюда? Городской «глухой телефон» работал сверхурочно. Элеонора Чарлтон была на примерке платья в магазине Лауры, когда позвонила ее лучшая подруга Лула Робинсон. Сын Лулы работал в службе спасения, которую вызвали в дом Хартсонов и он, не теряя времени, сообщил маме, что они доставили суперзвезду в Мемориальную больницу Сэндсона.

Тетя Джина не проявила никаких признаков удивления, когда Мэдди появилась перед ней. Вместо этого она встала и улыбнулась ей, подставив щеку, как делала всегда.

— С Греем все в порядке? — спросила Мэдди, поцеловав ее в щеку. — Я слышала, он порезал руку. Все плохо?

— Я все еще жду ответа. Было много крови, и он на минуту потерял сознание. Сейчас он у врачей, — она похлопала по стулу рядом со своим. — Почему бы тебе не посидеть со мной минутку?

Мэдди не была уверена, что ее тело замедлится настолько, чтобы сидеть. Она хотела бродить по коридорам, пока не найдет его. Тем не менее, она попыталась, глубоко вздохнув,

когда ее ноги подкосились, а спина откинулась на сидении.

— Очень мило, что ты пришла проведать его, — сказала Джина, ее голос был спокойным.

Ноги Мэдди начали постукивать по полу.

— Как Вы думаете, он задел какие-нибудь сухожилия? — спросила она. Это было бы так плохо для его карьеры и ей стало не по себе при одной мысли об этом.

— Я не знаю. Трудно сказать из-за всей этой крови.

Мэдди поморщилась.

— Он сильный мальчик, — сказала Джина, похлопав ее по руке. — Не волнуйся так сильно.

Но она волновалась. Она волновалась как сумасшедшая. Мэдди не могла представить, что будет, если она не сможет играть на пианино. Для нее это было так же важно, как дышать. А для Грея его руки были всем.

— Ты ведь любишь его, правда, дорогая?

Мэдди повернулась, чтобы посмотреть на нее. В глазах Джинины было понимание.

— Да, наверное, да.

— Когда-то у меня был кавалер, — сказала Джина, ее взгляд был мягким. — Он был для меня всем. Но мне было семнадцать, а ему двадцать три и мои родители были строгими. Мы передавали записки после церкви и, если мне удавалось уговорить одну из моих подружек прикрыть меня, мы совершали воскресные прогулки у реки, — ее улыбка была полна воспоминаний. — Однажды, прямо перед моим восемнадцатилетием, его номер появился на лотерее призыва. Оказалось, что он был одним из последних, но тогда мы этого не знали.

— Он отправился во Вьетнам? — спросила Мэдди.

— Да. После базовой подготовки его зачислили в морскую пехоту. И пока он был там, он присылал мне самые милые письма. Он говорил о том, что мы будем делать, когда мне исполнится восемнадцать. Рассказывал мне о своей мечте: о красивом белом доме, полном детей, — Джина поджала губы. — А потом в один прекрасный день письма прекратились. И я не могла поговорить об этом с родителями, потому что тогда они бы никогда не позволили мне увидеть его снова. Поэтому я приходила домой из школы, и каждый день проверяла почтовый ящик.

— Они возобновились?

Как будто не услышав ее вопроса, Джина продолжила:

— И я начала слоняться вокруг дома его родителей. Просто чтобы посмотреть, не приносит ли почтальон туда письма. Должно быть, его мама заметила, что я задерживаюсь, потому что однажды она попросила меня зайти и выпить стакан лимонада, — Джина глубоко вздохнула. — Тогда она рассказала мне о визите, который нанес ей в то утро полковник морской пехоты. По ее словам, бедняга выглядел таким белым, что она боялась, что он упадет в обморок. Затем он рассказал ей о Дэвиде. Как он храбро сражался, но умер от огнестрельного ранения в бою, — она посмотрела на Мэдди. — Он пробыл там всего два месяца.

У Мэдди защемило в груди.

— Вы были на его похоронах?

Джина покачала головой.

— Они похоронили его на военном кладбище за много километров от города. Мне пришлось бы спрашивать отца и объяснять почему. Я не была достаточно храброй, чтобы

сделать это.

— Это так печально, — Мэдди смахнула слезы.

— Это действительно так. И какое-то время мне казалось, что моя жизнь тоже закончилась. Ни красивого белого дома, ни забора с пикетами. Но знаешь, что было хуже всего?

— Что? — тихо спросила Мэдди, наклонив голову на одну сторону.

— То, что я не могла никому рассказать, как мне было грустно. Невозможность говорить о том, что я потеряла. Оглядываясь назад, я жалею, что не была смелее. Что не смогла рассказать родителям о Дэвиде и о том, что я к нему чувствую. Может быть, тогда я бы не держала все это в себе и не чувствовала, что умираю внутри.

— По-моему, Вы были очень храброй, — сказала ей Мэдди. — Я так сожалею о Вашей потере.

— Все в порядке. Такие вещи часто оборачиваются к лучшему. То, что я была одинока и одна, позволило мне позаботиться о детях моей сестры, когда она умерла слишком молодой. Может быть, это был Божий план для меня с самого начала.

На мгновение Мэдди задумалась, был ли это Божий план и для нее. Должна ли она была быть рядом с Картером и Грейс так же, как Джина была рядом с Греем, его братьями и сестрой.

— Но ты не такая, как я, — сказала ей Джина. — И мы живем в разное время. Больше нет необходимости скрывать свои чувства к кому-то, — она посмотрела прямо на Мэдди, ее брови поднялись вверх.

Она знает.

Мэдди понятия не имела, как давно и как она узнала, но она знала.

И по какой-то причине сейчас это успокаивало.

— Я просто надеюсь, что с ним все в порядке, — прошептала она.

— Я тоже надеюсь. Но я хочу, чтобы он был не просто в порядке. Я хочу, чтобы он был счастлив. И у меня такое чувство, что он не был счастлив уже долгое время.

— Но... — Мэдди начала протестовать.

Джина подняла руку.

— О, я знаю, что он успешен со всеми этими хитами, «Грэмми» и Бог знает чем еще. Но это не то, что делает нас счастливыми. Это просто маленькие кусочки блесков на торте. Но важен именно торт. Это то, что поддерживает нас, заставляет идти вперед.

— Я тоже хочу, чтобы он был счастлив, — призналась Мэдди.

Джина улыбнулась.

— Ну, это половина успеха. Вторая половина — это позволить себе быть счастливой. Как думаешь, ты готова к этому?

— Если у Вас что-то заболит, Вы можете принять ибупрофен или ацетаминофен. Но не аспирин. Мы не хотим разжижать вашу кровь. Повязку нужно будет сменить через двадцать четыре часа. Ваш семейный врач сможет сделать это за Вас, но если у Вас возникнут проблемы, позвоните нам, — медсестра улыбнулась ему. — Если Вы заметите усиление боли или выделения из раны, немедленно приходите. Швы должны рассосаться через пару недель, и мы бы посоветовали Вам до этого времени дать руке покой.

Грей посмотрел на свою перевязанную руку. Рану закрывали восемь швов. Перед тем как зашить рану, ему ввели местный анестетик и, к счастью, сейчас он совсем не чувствовал

боли.

— И не надо больше возиться на крышах, — сказала ему медсестра. — Оставьте это профессионалам.

— Я так и сделаю, — Грей сумел улыбнуться. — Теперь я могу идти?

— Конечно. Я провожу Вас в комнату ожидания.

Она проводила его до двойных дверей и попрощалась, предоставив ему возможность самому дойти до места, где, как он знал, ждала тетя Джина. Несколько человек с интересом посмотрели на него, когда он проходил мимо, затем наклонились к своим спутникам, чтобы судорожно пошептаться.

А потом он увидел ее, и ему показалось, что кто-то зажег в нем огонь.

— Привет, — сказала Мэдди, вставая при его приближении. — Как ты?

Он поднял забинтованную руку.

— Все хорошо, — невозможно было удержаться от улыбки. — Ты пришла.

— Да, — мягко сказала она. — Я волновалась за тебя. Они сказали, не повредил ли ты сухожилия?

Он покачал головой, продолжая ухмыляться.

— Это просто рана. Несколько швов, повязка и я могу идти.

Она вздохнула с облегчением, и это еще больше распалило его. Это была самая милая вещь, которую кто-то сделал для него за долгое время. Все, что он хотел сделать, это взять ее на руки и расцеловать до смерти. Затем кто-то прочистил горло, и он понял, что тетя Джина находится рядом с ними, мужчина наклонился вперед, чтобы обнять ее.

— Спасибо, что подняла меня с земли, — прошептал он ей на ухо.

Она покачала головой.

— Не заставляй меня делать это снова. Сейчас я пойду домой и приготовлю сладкий чай, думаю, Мэдди подвезет тебя домой.

Мэдди не выглядела удивленной ее просьбой.

— Да, конечно.

— А я обзвоню кровельщиков, — продолжила тетя Джина. — Не беспокойся о своем отце. Если он будет протестовать, то получит от меня нагоняй.

Грей сдержал ухмылку. За прошедшие годы он получил достаточно фрагментов тетиного разума, чтобы понять, чем это грозит.

Она зашаркала в сторону главного входа, оставив Грея с Мэдди. Он все еще не мог поверить, что она здесь.

— Ну что, пойдём? — спросил он ее. Она улыбнулась и кивнула.

Он скользнул своей рукой в ее, и его ухмылка расширилась, когда она не стала протестовать. Она была теплой, мягкой и такой, какой он хотел ее видеть сейчас. Возможно, именно поэтому он закружил ее и притянул к себе. Его тело расслабилось, когда он прижал ее к себе.

— Ты — отрада для глаз и рук, — прошептал он, опуская голову, чтобы прикоснуться губами к ее губам. Она вздохнула, и тепло ее дыхания разожгло его желание. Если бы они были где-нибудь в уединенном месте, он бы показал ей, насколько сильно. Но это было не так. Они были в вестибюле больницы, и ему пришлось удовлетвориться углубленным поцелуем, позволяя своему языку ласкать ее язык, а руке скользить вниз, к идеальному изгибу у основания ее спины.

Когда он отстранился, глаза девушки были горящими, и ему нравилось, что он

воздействует на нее так же, как она воздействует на него.

— Грей... — прошептала она. — Мы не должны.

— Я знаю, — его ухмылка была кривой. — Но я ничего не могу с собой поделать.

Каждый раз, когда я вижу тебя, я думаю только об этих губах.

И об этом теле, об этих ногах, о том, как грубеет ее голос при возбуждении.

Грей чувствовал себя настоящим, когда она была в его объятиях.

Он ждал, что она снова станет укорять его, но вместо этого ее лицо побледнело. Ее горло сжалось, когда она сглотнула, и он повернулся, чтобы посмотреть через плечо, пытаясь определить, что вызвало такую перемену в ее настроении.

В этот момент он увидел женщину, которая смотрела на них. Он нахмурился, потому что она показалась ему знакомой, хотя он не мог определить откуда ее знал.

— Кто это? — спросил он Мэдди.

Она вырвалась из его объятий.

— Это Джессика Мартин. Раньше она была Джессикой Чилтон.

Джесс Чилтон. Лучшая подруга Эшли в школе. Она все еще смотрела на них, ее накрашенные губы были сжаты вместе.

— Я должна поговорить с ней, — сказала Мэдди, ее слова вырывались в спешке. — Сказать ей, что все не так, как кажется. Она не может сказать Эшли...

— Почему нет?

Она посмотрела на него, ее глаза все еще были широко раскрыты.

— Потому что она сойдет с ума.

Он пожал плечами.

— Так позволь ей. То, что происходит между нами, не имеет никакого отношения ни к ней, ни к кому-либо еще, — Грей протянул руку и провел пальцем по ее лицу, зная, что Джессика продолжает наблюдать за ним. — Мне плевать, что думают другие.

— Я бы хотела не обращать внимания, — Мэдди глубоко вдохнула. — Правда, хотела бы.

— Тогда просто попробуй, — призвал он. — Это не так плохо, как ты думаешь. Поверь мне.

— Как мне это сделать? — она моргнула.

— Ты понимаешь, что люди не могут причинить тебе боль, пока ты им не позволишь, — его мысли обратились к отцу. — Что слова, которые они говорят и то, как они смотрят на тебя, не может тебя убить. А то, что тебя не убивает...

— Делает тебя сильнее, — прошептала она.

Он кивнул.

— Верно.

Он видел борьбу на ее лице, когда она обдумывала его слова. И он понял, как сильно хотел, чтобы она не обращала внимания на то, что говорят остальные. Отбросить все ожидания от этого города и людей, которые в нем живут. Чтобы она кричала с крыш, что хочет быть его девушкой.

До сих пор он не понимал, как сильно жаждал этого. Чтобы она всем о них рассказывала. Чтобы их отношения стали достоянием общественности, а не маленьким грязным секретом, который они оба вынуждены отрицать.

Потому что это не было грязным. Это было хорошо, это было правильно и это было лучшее, что случилось с ним за последние годы.

— Мэдди? — прошептал он, его грудь напряглась, пока он ждал, что она скажет.

Она кивнула, ее глаза поймали его взгляд. И он увидел это. Силу и решимость, которые были присущи ей с первой их встречи. Она оттеснила уязвимость, скрыв ее в железном панцире.

— Ты прав, — прошептала она, протягивая руку, чтобы коснуться его челюсти, ее ладонь мягко прижалась к его шершавой коже. — Мне плевать, что думает Джессика. Или кто-либо еще, если на то пошло, — она поднялась на носочки, наклонив голову, и ее губы оказались на расстоянии дыхания от его губ. — Грей Хартсон, ты заставляешь меня нарушать все мои правила.

Его бровь приподнялась.

— Свои я уже нарушил, — он закрыл глаза, когда ее рот коснулся его рта, и тепло разлилось по его телу. Он скользнул своей здоровой рукой по ее талии. — Господи, как же ты хорошо чувствуешься.

Когда он отстранился, она улыбалась, и это сломило его. Эта красивая, веселая, сильная женщина выбрала его. И она не боялась показать это.

— Пойдем, я позволю тебе отвезти меня домой, — сказал он, прижимая ее к себе.

Когда они выходили из больницы, он увидел, что Джессика яростно стучит по своему телефону.

Глава 21

— Твоя звукозаписывающая компания в бешенстве, — сказал Марко по телефонной линии. Грей сидел в летнем домике, вытянув перед собой ноги в джинсах и положив ступни на ящик. — Я обещал им, что ты будешь готов к записи в сентябре. Они не в восторге от того, что им придется отложить запись на два месяца.

— Это был несчастный случай, — напомнил ему Грей. Он привык к резким ответам Марко. Даже любил их. Он платил своему менеджеру за панику, так что Грею не приходилось этого делать. — Просто скажи им, что я буду готов в ноябре.

— Я уже сказал. Но они все равно волнуются, Грей. Ты закончил тур на высоте. Они не хотят, чтобы ты исчез на несколько месяцев. Они планировали выпустить твой следующий сингл в декабре.

— Мы все еще можем. Просто будет туго, вот и все, — он вытянул перед собой поврежденную руку, морщась от мгновенной боли, которую причинило его движение. Сейчас он никак не мог даже держать гитару, не говоря уже о том, чтобы играть. Звукозаписывающей компании придется подождать.

— Я говорил с PR-отделом, и они готовят план на ближайшее время, — продолжал Марко.

Грей представил себе, как его менеджер сидит в своем кабинете, одетый в свой дизайнерский костюм и тонкий, завязанный узлом галстук, а его очки в проволочной оправе низко сидят на переносице. Он был моложе Грея, но вел себя лет на десять старше.

— Они хотят вернуть тебя в центр внимания. Пусть люди увидят, чем ты занимаешься в своем родном городе. Журнал «Рок» согласился написать о тебе статью. Они пришлют журналиста на следующей неделе.

— Что? — Грей сел прямо. — Я не соглашался на это.

Марко сделал паузу.

— Хорошо, позволь мне перефразировать. Грей, ничего, если на следующей неделе журналист приедет взять у тебя интервью? Это будет полезно для твоей карьеры.

— Нет.

На телефонной линии раздался тяжкий вздох.

— Ты должен бросить им кость. Они заплатили огромный аванс за твой следующий альбом, а теперь ты поранился, сделав какую-то глупость. Кстати, я говорил тебе не делать этого.

Улыбка приподняла уголки губ Грея.

— Ты собираешься сказать мне, что: «Я же тебя предупреждал».

Он знал, что Марко никогда этого не сделает. Он был слишком дипломатичен для этого.

— Я собираюсь сказать, чтобы ты для разнообразия послушал меня. Дай мне заработать деньги, которые ты мне платишь. Просто дай это интервью и тогда ребята из «Виста Рекордз» будут очень довольны.

От мысли о том, что журналист приедет брать у него интервью здесь, в Хартсонс Крик, Грею захотелось застонать. Это было похоже на столкновение двух миров, и он не представлял, к чему это приведет. В Лос-Анджелесе он был Греем Хартсоном. Рок-певец, обладатель премии «Грэмми», владелец прекрасного дома на холмах над Малибу. Там он контролировал то, кем он был.

Но здесь? Здесь он чувствовал себя голым. И да, отчасти это было связано с Мэдди и тем, как она заставляла его хотеть быть таким. Но были и другие вещи. Например, его отношения с отцом. Он не хотел, чтобы об этом узнал весь мир.

— Хорошо, я дам интервью, но только в Лос-Анджелесе, — сказал Грей, откинувшись в кресле. — Скажи мне время и дату, и я буду там.

Марко на мгновение заколебался.

— Это не сработает, — тихо сказал он. — Они уже взяли у тебя целую кучу интервью в Лос-Анджелесе. Они хотят эксклюзив. А звукозаписывающая компания хочет начать создавать шумиху вокруг твоего альбома. Журналист хочет увидеть тебя в твоём родном городе. Хочет получить инсайдерскую сенсацию относительно вдохновения, лежащего в основе твоего следующего альбома.

— И это должно быть на следующей неделе?

— Да. Это будет Рик Чарльз. Привезет с собой фотографа. Я организую прическу и визажиста. И, конечно, я буду там.

— Конечно, — сарказм слетел с его языка.

На следующей неделе.

Мысль об этом вызвала у него тяжелое чувство дискомфорта. Ему придется поговорить с тетей Джиной и Беккой, не говоря уже об отце. И объяснить это Мэдди, хотя он понятия не имел, как она к этому отнесется.

— Так я скажу им, чтобы они продолжали? — спросил Марко. — Мы прилетим в воскресенье вечером, чтобы начать в понедельник утром. Они не должны быть там дольше пары дней.

— Да, скажи им, что все в силе.

Даже если это заставило его почувствовать легкое головокружение, как будто мир опрокинулся. Как никто другой, он знал, что интервью и публичность — это цена, которую нужно заплатить, чтобы добиться такого успеха, как у него. Он окажет им услугу, они окажут ему, и, может быть, все перейдут к следующему делу.

Однако это не мешало ему чувствовать себя странно.

Грей вошел в закусочную как раз в тот момент, когда у Мэдди зазвонил телефон. Она взглянула на него, и ее сердце пропустило удар, когда она увидела его крепкое и сильное тело в обтягивающей черной футболке. Татуировки, которые она не раз прорисовывала своими губами, красочно выделялись на его мощных бицепсах.

— Привет.

Она улыбнулась, когда он подошел к стойке. Это было время затишья между обедом и ужином — только два столика были заняты и ни один из клиентов не выглядел особенно заинтересованным в рок-звезде, которая только что вошла.

— Привет, — он облокотился на стойку. — Я только что вернулся со смены повязки. Решил успокоить боль пирогом.

Ее ухмылка расширилась.

— Может я лучше сцелую ее?

Он наклонился ближе, поймав ее взгляд.

— Я могу придумать лучшее место для этих красивых губ.

— Это потому что ты грязный, — она приподняла бровь. — Я хочу, чтобы Вы знали, что это солидное заведение, мистер Хартсон.

Он наклонил голову в сторону, его губы скривились.

— Тогда почему Вы здесь работаете?

— Я проигнорирую этот вопрос и принесу тебе пирог, — она потянулась за тарелкой. — Как рука? Сильно болит?

— Не слишком сильно. Рана чистая, что хорошо и я принял немного обезболивающего перед тем, как идти. Но я бы все равно хотел поцелуй, — Грей подмигнул.

— Позже.

— Ловлю тебя на слове.

Ее телефон снова зажужжал, на нем высветилось имя ее сестры. Мэдди вздохнула и убрала телефон в карман джинсов.

— Это Эшли, — сказала она. — Полагаю, ей все уже известно, — девушка сжала губы в попытке улыбнуться. — Пришло время держать ответ.

— Ты не собираешься отвечать на звонок?

— Я попрошу ее встретиться со мной после работы, — сказала Мэдди, ее желудок опустился. — Есть вещи, которые следует решать только с глазу на глаз.

— Ты собираешься рассказать ей о нас?

Он наклонил голову в сторону, его глаза изучали ее лицо.

Боже, как он хорош собой.

Каждый раз, когда их взгляды встречались, она чувствовала, как ее пронзает электрический разряд. Все, чего ей хотелось, это свернуться калачиком рядом с ним и притвориться, что остального мира не существует.

Но, похоже, у всех остальных были другие планы.

— Да, — тихо сказала она. — Собираюсь.

И это напугало ее до смерти. Не из-за ответа Эшли, а потому что она наконец-то призналась, что у нее есть чувства к Грею. Сильные. Которые могут причинить ей боль, если все пойдет не так.

Боже, она не хотела об этом думать.

— Тогда я буду там с тобой.

Ее глаза расширились.

— Ты шутишь?

— Нет. Если ты расскажешь Эшли о нас, то я хочу быть там, чтобы поддержать тебя.

Он пожал плечами, как будто речь шла о том, чтобы прийти к ней на ужин, а не о каком-то семейном бедствии, как Мэдди себе это представляла.

— Это очень мило, — сказала она ему. — Но она воспримет это гораздо хуже, если ты будешь рядом. Я должна сказать ей об этом наедине.

Грей посмотрел на Мэдди, и она увидела вопросы в его глубоких, голубых глазах. Она ждала, что он снова начнет протестовать, но вместо этого он медленно кивнул.

— Хорошо. Но если она сойдет с ума, не стесняйся сказать ей, что это я виноват в том, что соблазнил тебя.

— Ты думаешь, что соблазнил меня? — спросила Мэдди, улыбка вернулась на ее лицо. Он улыбнулся ей в ответ, и от этой улыбки у нее перехватило дыхание.

— Да, — сказал он, придвигаясь еще ближе. Хорошо, что между ними была стойка, иначе она, наверное, терлась бы о него, как кошка в течке. — Я соблазнил тебя. И воспоминания составляют мне компанию по ночам.

— Хорошо, что ты правша, — прошептала она, и он громко рассмеялся. — И для протокола, я позволила тебе соблазнить меня.

— Я знаю, — он протянул руку, чтобы убрать прядь волос за ее ухо. Она вздрогнула от теплоты его прикосновения. — Я не питаю иллюзий по поводу того, кто здесь главный, Мэдди, — мужчина посмотрел на нее горячим взглядом. — Ты обвела меня вокруг пальца.

— Правда? — вздохнула она.

— Да. И мне это чертовски нравится.

Дверь снова открылась, и на этот раз вошли две болтающие женщины и направились к кабинке.

— Я должна пойти принять несколько заказов, — сказала Мэдди. — Пока Мерфи не выгнал меня.

Грей оттолкнулся от стойки.

— Позвони мне позже. Как только поговоришь с Эшли.

— Хорошо.

— И, если ты захочешь позволить мне соблазнить тебя снова, я согласен и на это.

Она засмеялась.

— Я буду иметь это в виду. Ты хочешь пирог сейчас?

— Да, но я лучше возьму его с собой. Мне нужно кое-что сделать сегодня днем. На следующей неделе прилетает репортер, чтобы написать обо мне статью.

— Ты даешь здесь интервью? — спросила его Мэдди.

— Да. Журнал «Рок» хочет поговорить о следующем альбоме, и эта реклама порадует мою звукозаписывающую компанию. Потому что сейчас они очень злы из-за этого, — он помахал своей раненой рукой.

— Когда они приедут? — ее охватила волна тревоги.

— В понедельник. И не надо так волноваться. Они просто хотят поговорить о музыке и моем воспитании.

— Хорошо, — тихо сказала она, но тревожное чувство не исчезло. Даже наоборот, оно усилилось.

— Я не собирался говорить о нас, — сказал он ей. — Если это то, что тебя беспокоит.

Она выдохнула, теплый воздух вырвался из ее рта.

— Спасибо, — сказала она. — Не уверена, что готова к этому.

На его лице промелькнуло мимолетное выражение. Но она не смогла уловить его. Затем он снова улыбнулся и оно исчезло.

— Я принесу тебе пирог, — сказала она, поставила тарелку обратно под прилавок и взяла картонную коробку. Она подняла стеклянную крышку и отрезала кусочек. — Тебе нужны взбитые сливки?

— Нет. Нужно следить за тем, что я ем перед фотосессией, — он потрогал свой плоский живот и подмигнул.

И все эти страхи и тревоги исчезли, сменившись потребностью, от которой у нее сводило бедра и сердце колотилось, как у скаковой лошади.

Он сунул ей в руку пятидолларовую купюру.

— Увидимся позже, Мэдди, — сказал он ей, его глаза были нежными, когда он сжимал ее пальцы. Затем он убрал руку, взял свою коробку с едой и длинными, уверенными шагами вышел из закуской.

Да, она увидит его позже, если Эшли не убьет ее раньше.

— Ты солгала мне, — сказала Эшли, ее глаза вспыхнули от гнева. — Я специально спросила тебя, есть ли между вами что-то, а ты сказала, что нет. Знаешь, что я почувствовала, когда Джесс позвонила и рассказала мне, что она видела в больнице? Весь город смеется надо мной. Над тем, что ты крутишься с парнем, который разбил мне сердце.

Мэдди тяжело сглотнула. Ее сестра имела полное право злиться на нее.

— Ты моя сестра, — продолжала Эшли. — А сестры поддерживают друг друга. Они не ходят тайком, не врут друг другу и не делают, Бог знает, что еще. После всего, что я для тебя сделала, ты повернулась и ударила меня в сердце.

— Я знаю, что между тобой и Греем есть история, — сказала Мэдди, ее голос звучал неуверенно. — Но все это случилось давным-давно. Разве ты не можешь оставить прошлое в прошлом?

— Дело не в нас с Греем. Дело в нас с тобой. Что будет, когда Грей вернется в Лос-Анджелес? Ты поедешь с ним?

— Я не знаю. Мы не говорили об этом.

— Так ты уедешь? — спросила Эшли, ее голос поднялся на октаву. — Ты уйдешь от мамы и меня? И от Картера и Грейс? Ты бы разбила их сердца.

— Я никогда не хотела никому причинить боль. И я не собираюсь никуда уезжать прямо сейчас.

— Значит, у тебя будут отношения на расстоянии? — смех Эшли был коротким и без юмора. — Ты действительно думаешь, что такой пылкий мужчина, как Грей, согласится на это? Ты сумасшедшая, Мэдди. В конце концов, он причинит тебе такую же боль, как мне. Так же, как тебе было больно, когда ты уехала в Нью-Йорк.

Грудь Мэдди сжалась от слов сестры.

— Он не причинит мне боли, — прошептала она.

— Я тоже так думала. Все те разы, когда он держал меня в своих объятиях и говорил, что мы навсегда, — в глазах Эшли блестели слезы. — Он давал мне обещания, а потом нарушал их. Ты видела, что он сделал со мной. Ты видела, как мне было больно. И ты снова причиняешь мне боль, находясь с ним.

— Я не хочу причинять тебе боль, — сказала ей Мэдди. Она протянула руку, пытаюсь

взять Эшли за руку, но сестра отстранилась. — У тебя есть Майкл. И Грейс, и Картер. Если бы у вас с Греем все не закончилось так, как закончилось, ты бы не была их мамой.

— Это не имеет значения, — настаивала Эшли. — Ты моя сестра. Ты должна быть на моей стороне. Всегда.

— Так и есть. Я на твоей стороне.

— Тогда покончи с Греем. Пусть он вернется в Лос-Анджелес, и мы вернемся к тому, что было. Мы были счастливы, Мэдди. Мы все были счастливы. У меня есть моя семья. У тебя есть мама, твоя музыка и закусочная. Это работает на нас. Не позволяй Грею разрушить это.

Мэдди моргнула.

— Это сработало для тебя. Но я не уверена, что это сработало для меня. Такое ощущение, что я так долго жила в темноте. А потом появился Грей и впустил свет. Я не хочу возвращаться к тому, кем я была. Такая жизнь мне нравится больше.

— О, ради Бога. Следующее, что ты мне скажешь, это то, что ты его любишь.

Мэдди тяжело сглотнула.

— Ты не любишь его, не так ли? — спросила Эшли, ее сузившиеся глаза буравили Мэдди. — Скажи мне, что ты не влюблена в Грея Хартсона.

Мысли Мэдди были заняты им. О нежности в его глазах, когда он говорил с ней. Тепло его рук, когда он касался ее обнаженной кожи. И поцелуях. Этих дразнящих, разрывающих сердце поцелуях. Они наполняли ее душу так, как она никогда не испытывала раньше.

— У меня есть к нему чувства, — призналась она.

Эшли покачала головой.

— Он знает, что произошло в Анселле?

— Я ему еще не рассказывала.

— Тогда те чувства, которые у тебя есть, ничего не значат. Если ты не чувствуешь себя в достаточной безопасности, чтобы рассказать ему все о себе, тогда это всего лишь притворство, не так ли? — Эшли наклонилась вперед, ее голос звучал настоятельно. — Если ты не можешь рассчитывать на то, что он будет рядом с тобой, в чем смысл? И ты не можешь на него положиться, Мэдди. Так же, как я не могла на него положиться. Он использует тебя и отбросит в сторону, и я не знаю, сможешь ли ты оправиться от этого во второй раз, — она сложила руки на груди. — И, если ты думаешь, что я буду рядом, чтобы помочь тебе, когда он бросит тебя, ты ошибаешься. Я спасла тебя однажды, но больше я этого делать не буду.

В глазах Эшли была боль, и Мэдди было тяжело это видеть.

— Я так благодарна за все, что ты для меня сделала, — сказала она, ее сердце болело. — И я сделала все, что могла, чтобы отплатить тебе. Я тоже была рядом с тобой. Поддерживала тебя, когда у тебя были Картер и Грейс. Заботилась о маме, чтобы ты не волновалась, — Мэдди глубоко вдохнула. — Но я не могу сделать это для тебя. Я не могу отказаться от своего единственного шанса на счастье.

Выражение лица Эшли было напряженным.

— Если ты хочешь бросить свою семью ради какого-то парня, который, как мы все знаем, тебе не подходит, давай. Но меня здесь не будет, чтобы посмотреть на это. И Картер с Грейс тоже, — она раскинула руки и повернулась на каблуках, ее светлые волосы развевались позади, пока она шагала через комнату. Ее шпильки стучали по деревянному полу. Распахнув дверь, она обернулась к Мэдди, ее глаза были жесткими и темными. — Надеюсь, ты счастлива, — сказала она ей. — Потому что ты только что разбила мне сердце.

Глава 22

— Твоя сестра — сука. Вот и все, — Лаура скрестила ноги, ее босые пальцы скользили по воде, поднимающейся и опускающейся на стену гавани. Они с Мэдди сидели на старых камнях, их джинсы были закатаны, туфли и носки аккуратно поставлены рядом. Сегодня было тепло, достаточно тепло для того, чтобы пятничные ярмарки были полны горожан. Позади них слышался гул сплетен взрослых, сгрудившихся в кружок и крики детей, игравших в импровизированный футбол.

— Она права. Семья должна быть на первом месте, — пальцами ног Мэдди очертила круг на воде и смотрела, как он исчезает. — Я расстроила ее.

— Из-за парня, с которым она встречалась, когда была подростком? — сказала Лаура, потряхнув своими кудрями. — Это было десять лет назад. Они были детьми. Боже, если бы мне не разрешали встречаться с парнем, в которого влюблялся кто-то из моей семьи или друзей, я бы осталась старой девой до конца своих дней, — она подняла бровь.

— Заткнись, — Мэдди подтолкнула ее плечом. — Парни собирались вокруг тебя, как мухи, до того, как ты вышла замуж.

— Да. Как мухи вокруг навоза, — Лаура покачала головой, хотя Мэдди могла сказать, что она сдерживает улыбку. — В любом случае, мы говорим не обо мне. Твоя сестра не имеет права говорить тебе, с кем ты можешь или не можешь встречаться. Это не ее дело.

— Она думает, что знает все лучше всех.

— Из-за того, что случилось, когда ты была в Анселле? — Лаура понизила голос, ее глаза смотрели по сторонам.

— Эшли спасла меня в тот день, — тихо сказала Мэдди. — Когда я позвонила ей, она бросила все. Сама проделала весь путь до Нью-Йорка и устроила ад администрации. А когда я умоляла ее отвезти меня домой, она все упаковала, пока я плакала, а потом несколько часов ехала ночью. Я в долгу перед ней.

— Ты ничего ей не должна. Ты всегда рядом с ней. Как часто ты нянчишься со своими племянниками? — спросила ее Лаура. — А еще есть твоя мама. Эшли никогда ничего не делает, кроме как навещает ее время от времени. Это ты водишь ее к врачу, следишь за тем, чтобы она спокойно ложилась спать каждую ночь. Черт, ты привозишь ее сюда каждую пятницу, а я знаю, как ты это ненавидишь.

— Я получаю возможность видеть тебя, — Мэдди улыбнулась.

— Да, это единственное спасение «Стульев», — Лаура усмехнулась в ответ. — Я могу поговорить с тобой без того, чтобы Мерфи кричал на нас, — ее лицо стало серьезным. — Ты же не собираешься делать то, что она просит?

— Моя мама хочет, чтобы я это сделала, — призналась Мэдди.

— Твоя мама? — Лаура нахмурилась. — Какое отношение она имеет к этому?

— Она слышала, как мы спорили. Она была так расстроена, когда Эшли выскочила из дома, не попрощавшись. А мне прочитала лекцию о том, что мы сестры и должны всегда заботиться друг о друге, — Мэдди вздохнула. — Может быть, она права.

— Ты действительно перестала бы встречаться с Греем Хартсоном, потому что твоя сестра устраивает из-за этого скандал?

От этой мысли у Мэдди сжалось сердце в груди. Притяжение между ними было сумасшедшим. Даже сейчас, сидя здесь в окружении людей, ей хотелось только говорить о нем, быть с ним.

Но это тоже было безумием. Потому что тогда все начнут говорить о ней и ей это не

понравится.

— Я не думаю, что смогу, — тихо сказала она.

— Хорошо. Потому что мне пришлось бы столкнуть тебя в воду, если бы ты это сделала. Я знаю тебя, Мэдди. Не так хорошо, как Эшли, может быть, но достаточно хорошо. Если тебе нравится этот парень, то ты должна пойти на это. Ты пожалеешь, если не сделаешь этого.

— А если он причинит мне боль? — спросила Мэдди, от тесноты в груди ей не становилось легче. — Что тогда?

— Тогда ты справишься с этим так, как справляешься со всем. Ты больше не наивный ребенок. Ты выросла после возвращения из Нью-Йорка, — Лаура наклонила голову, уходящее солнце осветило ее рыжие кудри. — Ты сильная, умная, надирающая задницу женщина, которая не позволяет людям обходить ее стороной. И если Грей обидит тебя так, как тебя обижали раньше, я уверена, что ты оторвешь ему яйца.

— Ты довольно свирепая, — сказала Мэдди, усмехаясь, глядя на вспыхнувшие глаза Лауры.

— Что ж, спасибо. Если тебе нужна помощь с отрыванием, я твоя, девочка, — она вытащила ноги из воды и потрясла ступнями, крошечные капельки разлетелись по воздуху. — Я собираюсь взять немного лимонада. Хочешь?

— Да, — согласилась Мэдди, улыбка скривила ее губы. — Сейчас я не могу придумать ничего лучше.

Маленький значок Facebook на экране телефона Мэдди набирал обороты весь день. Она редко получала уведомления на Facebook — почти никто из ее друзей больше не пользовался им. И все же каждый раз, когда она проверяла свой телефон, красная цифра рядом со значком увеличивалась. Сейчас уведомлений было уже двадцать и это заставляло ее нервничать.

Только когда она вернулась домой с работы, она, наконец, заставила себя проверить телефон. И когда она увидела, что все уведомления приходят от этой чертовой группы воссоединения Анселл, на которую ее пригласили, Мэдди вздохнула. Она думала, что если не примет приглашение, то больше не будет в нем участвовать, но, похоже, у Facebook были другие планы.

В группе был пост, на который было очень много ответов. Мэдди моргнула, прочитав его и во рту у нее пересохло, как в пустыне.

Кто-нибудь пригласил Брэда Риксона? Или нам это не нужно?

Мэдди мазохистка не иначе, ведь она щелкнула по комментариям, которые последовали за этим.

Хм. Не уверена, стоит его приглашать или нет. Вы ведь помните, что он сделал?

Вы слышали, что он заключил контракт на запись? Кто-то сказал мне, что он подписал контракт с «Виста Рекордз».

Ага. По словам друга в этом бизнесе, его дебютный альбом выходит в следующем году.

Почему хорошие вещи случаются с плохими людьми?

Кстати о Брэде, кто-нибудь слышал о Мэдди Кларк?

Бедняжка Мэдди. Он был таким засранцем. Кто-нибудь слышал о ней?

Она в списке участников, придурак. Так что будь осторожен в своих словах.

Ребята, никто не приглашает Брэда. И да, я пригласила Мэдди. Я закрываю комментарии. Давайте сосредоточимся на воссоединении, хорошо?

Мэдди не обратила внимания на то, как дрожали ее руки, пока она нажала кнопку «отклонить приглашение», а затем закрыла Facebook. Для пущей убедительности она удалила приложение и бросила телефон на кровать.

Она ни за что не пошла бы на встречу выпускников, и неважно будет ли там Брэд Риксон или нет.

Так почему же ей казалось, что кто-то вонзил нож в ее нутро?

Цирк приехал в десять часов утра в понедельник. Конечно, из черных седанов, стоящих в конце подъездной дорожки, не выскакивали животные или клоуны, но когда Грей смотрел, как его менеджер, журналист, фотограф, визажист и парикмахер идут по посыпанной гравием дорожке, ему казалось, что в его сонный родной город вторглись.

— Ух ты, — вздохнула Бекка, стоя рядом с ним и глядя в окно гостиной. — Там целая толпа, — она посмотрела на него и усмехнулась. — Ты ведь расскажешь им о том, как я победила тебя в караоке?

Грей поднял бровь.

— Уверен, что они зададут тебе несколько вопросов. Если хочешь, можешь рассказать.

Она усмехнулась.

— Я могу? — ее глаза расширились, когда она взглянула на огромные чемоданы, которые везли визажист и парикмахер. — Как ты думаешь, они захотят сфотографировать и меня?

— Я могу попросить их, — он улыбнулся ей. — Но не для журнала. Только для тебя, чтобы оставить себе, — мысль о том, чтобы выставить Бекку на всеобщее обозрение, заставила его скривиться.

— Ура! — Бекка захлопала в ладоши. — Да, пожалуйста.

Через десять минут все они сидели на кухне у тети Джинны и пили свежеприготовленный чай со льдом. Несмотря на то, что кухня была большой, в ней ощущалась клаустрофобия из-за такого количества незнакомых людей, сидящих за столом. Тем не менее, тетя Джина делала все возможное, чтобы они чувствовали себя желанными гостями.

— Могу я предложить вам пирог? — спросила она. Все шестеро в ужасе покачали головами, как будто она пыталась дать им какой-то яд.

— А как насчет обеда? — спросила она.

Марко покачал головой.

— Мы, наверное, поедem с Греem по городу, чтобы сделать несколько фотографий. Там мы сможем что-нибудь перекусить. У вас есть соковый бар?

— Соковый бар? — повторила тетя Джина, ее брови сошлись вместе.

— У нас нет сокового бара, — сказала Бекка, сдерживая ухмылку. — Но у нас есть закусовая.

— Мы можем поехать пообедать в Стэнхоуп, — поспешно добавил Грей. — Там есть несколько мест, где можно сделать несколько хороших снимков.

— Что не так с закусовой? — спросила тетя Джина.

— Да, похоже, ты проводишь там много времени, — добавила Бекка с лукавым блеском в глазах.

— Правда? — Рик Чарльз, ведущий автор журнала «Рок», что-то черкал на лежащем перед ним блокноте. — Я бы хотел посмотреть на это место. Несколько фотографий там могли бы сработать.

— Я не провожу там много времени, — сказал ему Грей. — В основном я бываю в летнем домике в конце заднего двора. Там я пишу свои песни. Вы можете там пофотографировать.

— Можно мне взглянуть? — спросил фотограф Энди. — Я хочу посмотреть, в какую сторону падает свет.

— Конечно. Это там, — Грей указал на дверь.

— Я тоже схожу, — сказал визажист. — Так я смогу определить, какие средства нам понадобятся.

— Если хотите, я могу показать вам дорогу, — предложила Бекка, допивая чай. Она посмотрела на Грея, чтобы получить его одобрение, и он кивнул. — В детстве это был второй дом Грея. Он хотел перенести туда свою спальню, но отец отказался.

— Где твой отец? — спросил Рик, оглядывая комнату. — Он все еще живет здесь, верно?

— Он работает в своей комнате, — сказала тетя Джина, наполняя их стаканы чаем со льдом. — Он не очень любит суету, поэтому мы решили, что так будет лучше.

— Я надеялся встретиться с ним, — сказал им Рик, глядя прямо на Грея. — Если я пишу о твоих истоках, то он вроде как тот, с кого все началось.

Марко наклонился вперед.

— Уверен, что мы сможем это устроить. Не так ли, Грей?

— Он был болен, — сказал им Грей, его голос был низким. — Я не хочу, чтобы его беспокоили.

— Я была рядом с Греем всю его жизнь, — вмешалась тетя Джина, ее голос был необычно легким. — Я могу ответить на вопросы, которые у вас есть.

— Хорошо, — тон Рика заставил Грея почувствовать беспокойство. — Мы можем начать с этого, — он достал из сумки диктофон и поставил его на стол, а затем перевернул блокнот на новую страницу. — Но если твоему отцу станет лучше, обязательно познакомь меня с ним.

Мэдди вытерла стойку и привела в порядок меню, затем еще раз взглянула на свой телефон, чтобы проверить, нет ли сообщений.

Она ничего не слышала о Грее с тех пор, как его менеджер и журналист прибыли в город вчера. Было странно чувствовать себя не связанной с ним более двадцати четырех часов. Ей это не нравилось. Хуже того, ей не нравилось, что ей это не нравится. Ее счастье не должно зависеть от сообщения или телефонного звонка.

Новость о том, что в городе появился журналист, распространилась как лесной пожар, как всегда распространяются сплетни в Хартсонс Крик. По словам Лауры, которая узнала об этом от Сони Чилтон — матери Джессики, — журналист задавал вопросы о Грее по всему городу. Он был в церкви и расспрашивал преподобного Мейтланда, заходил в среднюю школу и разговаривал со старым учителем музыки Грея. Он даже просидел целый час на скамейке на городской площади, разговаривая с каждым, кто проходил мимо.

Но он не был в закусочной. Еще нет.

— По словам миссис Чилтон, он похож на «Битника», — сказала Лаура Мэдди с

ухмылкой. — Я спросила ее, что это значит и оказалось, что он носит джинсы, которые свисают ниже трусов, что является здесь своего рода преступлением.

— Слышала, что у него есть футболка с надписью «Черный Шабаш», — присоединилась Дорис, одна из их постоянных посетительниц, ее голос поднялся на октаву. — И он надел ее в церковь.

Ее подруга вздохнула.

— Удивлена, что преподобный Мейтланд не выгнал его на улицу.

— Да ладно тебе. Ты же знаешь, что преподобный Мейтланд слишком добр, чтобы так поступить. Но если я увижу его в этой футболке, я с удовольствием выскажу ему все, что думаю.

— «Черный Шабаш» — это рок-группа, — сказала Лаура, ее веселый взгляд встретился со взглядом Мэдди. — Не думаю, что он ходит и рекламирует, что он ученик дьявола или что-то в этом роде.

— Оззи Осборн был вокалистом, — добавила Мэдди, хотя ни одна из женщин рядом с Лаурой, казалось, не понимала, о чем она говорит.

— Это тот, кто откусил голову летучей мыши? — спросила Лаура, ее голос был легким. В ее глазах был лукавый блеск.

Трудно было не рассмеяться над выражением неприязни пожилых дам.

— Да, — Мэдди кивнула. — И, вероятно, он однажды угостил священника пирогом с гашишем.

— Пирог с гашишем? — спросила Дорис. — Что это такое?

— Это торт с добавлением марихуаны, — сказала ей Лаура. — Он накачал священника наркотиками.

— Надеюсь, этот мальчик не накачает преподобного Мейтланда, — встревожилась Дорис.

Мэдди усмехнулась, вспомнив шок старушек. Это был момент легкости в трудный день. Трудный, потому что ее мама все еще была расстроена ссорой Мэдди и Эшли и потому, что Грей зловеще молчал, пока журналист был в городе.

Зазвенел колокольчик над дверью и Мэдди перестала очищать прилавок и автоматически потянулась за меню. Когда она подняла глаза, к прилавку шел мужчина.

Как и описала Лаура, его джинсы были мешковатыми и висели на его худой фигуре. На его темной футболке сегодня не было надписи с Черным Шабашем, а вместо нее было религиозное изображение мертвеца, лежащего на алтаре, с надписью Джой Дивижн. По выцветшему серому цвету ткани и по тому, как она выглядела тонкой и помятой, она поняла, что футболка старая, возможно, оригинальная.

Она не могла отделаться от мысли, что его одежда была тщательно подобрана, чтобы вызвать ажиотаж в маленьком городке.

— Вы можете присесть, — сказала ему Мэдди, кивнув в сторону кабинок. — Я принесу меню. Хотите кофе?

— Я устроюсь за стойкой, — он подошел и выдвинул ближайший к Мэдди табурет, сел на него и оперся руками о столешницу. — Вы Мэдди Кларк, верно?

Ее спина выпрямилась.

— Да, — осторожно сказала она. — Верно.

— Я Рик Чарльз из журнала «Рок», — он протянул ей руку и Мэдди взяла ее. — Возможно, Вы слышали, что я в городе, пишу статью о Грее Хартсоне.

— Возможно.

— Да, — он улыбнулся. — Я понял, что слухи здесь распространяются быстро. Кому нужен интернет, верно?

— Люди любят поговорить. Могу я предложить Вам кофе?

— Было бы неплохо.

Она повернулась к кофейнику, глубоко вздохнула, поднимая его и наполняя кружку.

Его интересует только Грей. Вот почему он здесь. Все будет хорошо.

— Сливки и сахар? — спросила она, обернувшись к нему, ее лицо было бесстрастным.

— Нет, спасибо. Черный — это хорошо, — он сделал большой глоток, затем снова улыбнулся ей. — Итак, я полагаю, Вы знаете Грея так же хорошо, как и все вокруг, верно?

— Не совсем, — она покачала головой. — Мы никогда не были близки.

— Но Вы помогли ему сбежать из церкви несколько недель назад, не так ли? Я слышал, что Вы устроили настоящую сцену, перепрыгивая через заборы и бегая по дворам.

— Я бы сделала это для любого. Никто не должен быть преследуем девочками-подростками после церкви.

Мэдди заметила, что Рик достал из кармана блокнот, а затем поднял руку, чтобы вытащить ручку из-за уха. Она чувствовала себя так, словно сидела на трибуне в зале суда, ожидая допроса.

— Вы знаете его некоторое время, верно? — он перевернул свой блокнот, сканируя нацарапанные там слова. — Он встречался с Вашей сестрой в старших классах. Эшли, не так ли?

— Да, — ей удалось улыбнуться. — Но это было очень давно. Сейчас она замужем и имеет детей.

Было странно наблюдать, как он записывает ее собственные слова.

— Вы знаете, почему они расстались?

— Разве Вы не должны спрашивать об этом Грея? — легкомысленно сказала она.

— Я уже. Но сестры близки, и я полагаю, что они доверяют друг другу. Мне просто интересно, были ли у нее те же причины, что и у Грея.

— Не думаю, что моей сестре понравится, если я буду говорить за нее.

— У Вас есть номер телефона, по которому я могу позвонить ей напрямую?

Она покачала головой.

— Не думаю, что ей понравится, если я его дам.

— Ничего страшного, — бесстрастно сказал он. — Уверен, что смогу ее разыскать.

При мысли о том, что он поговорит с Эшли, у Мэдди защемило в груди.

Расскажет ли она ему правду обо мне и Грее?

Мэдди не думала, что расскажет, но она давно не видела Эшли такой злой. Она старалась не обращать внимания на нарастающую панику в животе.

— Могу я принести Вам что-нибудь поесть, пока вы здесь? — спросила она. — У нас впечатляющее меню.

— Кофе хороший. Но я бы с удовольствием подкрепился, — сказал он, улыбаясь. — У меня есть еще один вопрос к Вам, пока я здесь.

— Задавайте, — сказала она, поворачиваясь, чтобы взять кофейник. Он зашипел, когда она подняла его с подогревающей плиты.

— Кое-кто, с кем я разговаривал, сказал, что в последние несколько недель Вы проводили много времени с Греем. Они упомянули, что Вы были рядом, когда он был в

больнице с травмой руки.

Она повернулась и увидела, что Рик смотрит прямо на нее.

Он наклонил голову в сторону.

— Они также сказали, что видели, как вы целовались, что довольно странно для девушки, которая не так хорошо его знает.

Глава 23

— Ты должен был предупредить меня, — сказал Марко, опираясь локтями на старый кухонный стол. — Если бы я знал о тебе и этой девушке, я бы сыграл по-другому. Или привел бы больше аргументов в пользу того, чтобы ты приехал в Лос-Анджелес на собеседование.

— Я предлагал это, — заметил Грей.

Он был зол. Более чем зол. После звонка взбешенной Мэдди и предложения Рика поговорить с Эшли и его отцом, он был сыт по горло этим чертовым интервью. И его рука пульсировала, как сука.

— Но ты не сказал мне, почему, — Марко вздохнул. — Я поговорил с Риком. Он согласился свести к минимуму разговоры о вас двоих. Но ты должен признать, Грей, что это отличный ракурс для него. Большая рок-звезда влюбляется в официантку закусочной маленького городка. Я уже вижу заголовок.

— Она не просто официантка из закусочной в маленьком городке, — ворчал Грей. — Она еще и музыкант.

Марко поднял бровь.

— Это удобно.

— Что ты имеешь в виду? — Грей нахмурился.

— Я имею в виду, что, если бы я был каким-нибудь провинциалом, ищущим большого успеха, я бы, наверное, тоже на тебя запал.

— Да пошел ты, — сказал он, его голос захрипел.

— Ты сегодня раздражительный, как черт.

— Я ранен, устал и теперь имею дело со всем этим дерьмом. Я знал, что все это было плохой идеей.

— Все будет хорошо. И твоему пиарщику это понравится, — Марко поднял голову. — Ты написал какие-нибудь песни об этой девушке для альбома?

— Мэдди, — сказал Грей. — Ее зовут Мэдди.

Губы Марко дернулись.

— Хорошо, ты написал какие-нибудь песни о Мэдди? — спросил он. — Потому что это дало бы нам отличный угол зрения.

— Я не использую свои отношения с Мэдди в качестве угла, — он покачал головой. — Мне это не нравится и ей тоже. Так что это исключено.

— Грей, понимает ли она, во что ввязывается? — Марко озабоченно вскинул брови. — Сайты сплетен будут только об этом и говорить. Это большая новость. Ты ни с кем не встречался серьезно с Эллы Рэкхем несколько лет назад. И ты помнишь, какой была реакция на это, верно?

Да, он помнил. Они никуда не могли пойти без того, чтобы за ними не увязались папарацци. Это было одной из причин, по которой их отношения прекратились.

— Я не хочу этого для Мэдди.

— У тебя может не быть выбора, — сказал ему Марко.

Грей откинулся в кресле и провел рукой по волосам.

— Мне нужно, чтобы ты помог мне сохранить это в тайне как можно дольше. Господи, мы только начали встречаться.

— И это уже вышло из-под контроля, — Марко вздохнул. — Слушай, Грей, я понимаю. Это раздражает, что ты не можешь иметь отношения без того, чтобы об этом не узнала общественность. Но это цена славы. Ты не можешь изменить это. Ты просто должен смириться с этим, — он скрестил руки. — Насколько серьезно все между вами?

Грей тяжело сглотнул. Он ненавидел не разговаривать с ней последние пару дней. Странно, как быстро он привык быть с ней. Его тело словно жаждало ее близости.

— Это серьезно, — сказал он, понизив голос.

Марко кивнул.

— Хорошо. Как насчет того, чтобы организовать для Мэдди тренинг по работе со СМИ? Мы могли бы полететь с ней в Лос-Анджелес, попросить ее поговорить с твоим пиарщиком, придумать, как сделать это проще.

— А это обязательно? — Грей помрачнел.

— Если ты хочешь защитить ее, то да. Либо мы разработаем стратегию работы со СМИ, либо они сами прибегут за тобой. Но таким образом, все будет не под нашим контролем.

— Я поговорю с ней, — пробормотал Грей.

Марко был прав, Грей знал это, но это не мешало ему чувствовать злость. Хартсонс Крик был совершенно другим миром по сравнению с Лос-Анджелесом, и он ненавидел то, что два его дома, казалось, становились все ближе. Последние несколько недель ему казалось, что город обхватил его руками и радушно принял домой.

Теперь же ему казалось, что он поджигает все это проклятое место.

— Мам? — позвала Мэдди, заглянув в спальню. Ее мама откинулась на подушки, на кончике носа висели очки для чтения. Она сняла их и посмотрела вверх, на ее лице появилась улыбка.

— Привет, дорогая.

— Я уйду на вечер. Если возникнут проблемы, просто позвони мне. Я, наверное, задержусь.

Улыбка ее мамы померкла.

— Должна ли я спросить, куда ты идешь?

— Вероятно, нет, — призналась Мэдди.

— Хорошо. Ну, будь осторожна, — ее глаза были мягкими. — Эшли пригласила меня на ужин в воскресенье. Я подумала, может быть, смогу поговорить с ней. Посмотрим, сможем ли мы навести мосты, — она повертела очки в руках. — Должен же быть способ, чтобы вы, девочки, ладили.

— Постарайся не волноваться о нас, — сказала ей Мэдди, ненавидя то, что ее мама говорит так тоскливо. — Ты ни в чем не виновата, и это не твоя работа — все исправлять.

— Но я беспокоюсь. Вы с Эшли — мой мир. У меня сердце разрывается от того, что вы не разговариваете друг с другом.

Еще одно разбитое сердце. Мэдди оставляла за собой след. И все потому, что она не хотела разбивать свое собственное. Посмотрите, чем это обернулось: ее грудь словно разрывалась на части.

— Мне жаль, — прошептала она.

Ее мама попыталась улыбнуться.

— Иди и хорошо проведи время, делая то, что ты делаешь. У тебя все получится. Я знаю, что получится.

Сделав глубокий вдох, Мэдди смогла изобразить собственную улыбку.

— Спасибо. Спи спокойно.

Она тихонько закрыла дверь и снова посмотрела на свой телефон. Ее сообщения с Греем все еще были на экране.

Я заеду за тобой в восемь. Надень туфли и возьми с собой сменную одежду. Г.

Сменную одежду? Зачем? Ты планируешь бросить меня в ручей? М.

Что-то вроде этого. Увидимся вечером». Г.

Она почувствовала облегчение, когда журналист вернулся в Лос-Анджелес и все пошло своим чередом. Насколько она знала, он не связывался с Эшли — слава Богу. По крайней мере, ей удалось уклониться от пули.

Но больше всего ее радовало то, что она снова могла увидеть Грея. Прошло всего несколько дней с тех пор, как они были вместе в последний раз, но казалось, что прошло гораздо больше времени.

Ровно в восемь к дому подъехала черная машина. Она схватила холщовую сумку, в которую положила запасную пару джинсов и футболку, а затем осмотрела себя в зеркале, свободной рукой поправляя волосы.

Когда она вышла на улицу, к ее удивлению, пассажирская дверь открылась и из нее вылез Грей, улыбка заиграла на его губах.

— Разве ты не за рулем? — спросила она озадаченно.

— Я нанял машину на ночь, — он дошел до ступенек, его глаза стали мягкими, когда он остановился перед ней. — Боже, как я скучал по тебе, — он обнял ее за талию и прижал к себе. Она вздохнула от ощущения его сильного, подтянутого тела, прижавшегося к ней. И впервые за несколько дней ей показалось, что она снова может легко дышать.

— Куда мы едем? — спросила она, когда он забрал у нее сумку и перекинул через плечо.

— Это сюрприз. Увидишь.

Она забралась на заднее сиденье, и он последовал за ней, закрыв за собой дверь. Как только они пристегнулись, он схватил ее руку, заключив в свою.

— Ты в порядке? — спросил он, поймав ее взгляд.

— Теперь да.

Он усмехнулся.

— В точности мои чувства, — все еще держа ее руку, он наклонился вперед. — Хорошо, мы можем ехать.

Солнце садилось за горы на западе, отбрасывая теплый оранжевый отблеск на вершины. Водитель включил музыку — спокойную песню в стиле кантри, которая безостановочно звучала по радио уже несколько недель, и она почувствовала, как ее тело расслабляется на мягких кожаных сиденьях.

Грей обнял ее, притянув к себе, пока ее голова не легла на его широкое плечо. Она почувствовала, как он прижался губами к ее волосам, а затем просунул руки под ее подбородок и наклонил ее голову так, что ее лицо оказалось на расстоянии шепота от его лица.

— Привет, — мягко сказал он. Она почувствовала тепло его дыхания на своей коже.

— Привет, — ее грудь сжалась от его близости. От потребности, которую она ощущала в своем теле.

Он обхватил ладонью ее подбородок и прикоснулся к ее губам сладчайшим из поцелуев.

— Я скучал по тебе.

Горячие искры вспыхнули в ее груди, когда он снова поцеловал ее, его язык мягко коснулся ее языка. Она обвила руками его шею, наклонила голову, чтобы встретиться его поцелуи своими, и Боже, как же это было приятно.

Слишком приятно.

И только через время она вспомнила, где они находятся. В машине с незнакомцем за рулем. Она оглянулась, чтобы посмотреть, не наблюдал ли он за ними.

— Все в порядке, — прошептал Грей, его голос ласкал ее ухо. — Он подписал соглашение о неразглашении.

Она приподняла бровь.

— Зачем ему понадобилось подписывать соглашение о неразглашении?

— Потому что я не могу посрать без того, чтобы кто-то об этом не узнал, — Грей пожал плечами. — И я хотел, чтобы ты чувствовала себя комфортно.

— Ты мог делать много вещей, о которых никто не знал, — заметила она. — Пока ты не пригласил в город журналиста.

Он усмехнулся.

— Моя вина. Но, как я уже говорил, все улажено. Сегодня вечером мы можем расслабиться и получить удовольствие.

— Так куда мы едем?

Она снова посмотрела в окно. Становилось все темнее, солнце лишь наполовину скрывалось за вершинами гор. По его положению она поняла, что они направляются на юг, но не знала куда.

— Вообще-то, мы почти приехали.

— Правда? — нахмурилась она. — Но там только поля.

— Когда я сказал «почти приехали», я имел в виду, что мы в первом пункте назначения.

Здесь нас высадит машина.

Через минуту она увидела старый, побитый непогодой деревянный знак, прикрепленный к металлическому столбу. *Аэродром Самнер*.

— Мы полетим? — спросила она, когда машина повернула направо и проехала через ворота. Впереди были два больших металлических ангара. Мириады маленьких самолетов усеивали черную дорожку и травянистое поле за ней. — В такое время суток?

Грей наклонился, чтобы поцеловать нежное место между ее челюстью и шеей.

— Типа того, — пробормотал он. — Просто подожди и увидишь.

Машина продолжила движение по импровизированной дороге, проехала мимо первого ангара, затем свернула налево вдоль второго и остановилась, когда они достигли дальней стороны.

— Вертолет? — он озадаченно улыбнулся.

— Просто для короткой поездки. Это быстрее, чем ехать на машине, потом на лодке.

— Машина, потом лодка, — повторила она. — Куда, черт возьми, мы едем? — ее глаза загорелись, когда они встретились с его и по ее телу пронесся гул. Никто еще не делал для нее такого. Устроить сюрприз — и какой это был чертовски приятный сюрприз.

— Я обещал тебе поцелуй в океане.

— А вертолет доставит нас на западное побережье?

Он засмеялся и это осветило его глаза.

— Нет. Но он доставит нас на симпатичный островок в Атлантике, где я смогу поцеловать тебя так, что никто не увидит.

— Мы на месте, мистер Хартсон. Приятного вечера, — сказал водитель, вылезая из машины, чтобы открыть дверь Мэдди. Она схватила сумку с запасной одеждой и последовала за Греем в маленький домик рядом с вертолетной площадкой. После того как они отметились у пилота, он провел с ними беседу по технике безопасности и рассказал, как правильно входить и выходить из вертолета.

Затем они поднялись на борт, Грей помог ей подняться по ступенькам и сесть на одно из задних пассажирских сидений, а сам забрался в другое. Они оба пристегнулись и надели наушники, как велел пилот.

— Ты готова? — спросил ее Грей.

— Думаю, да.

Ее сердце колотилось, тело было переполнено адреналином. Грей взял ее руку и крепко сжал, когда двигатель завелся и винты начали вращаться. Даже в наушниках звук был громким, их ритм совпадал с ритмом ее сердца.

— Добрый вечер, — раздался в наушниках голос пилота. — Сейчас мыждемся, когда роторы наберут скорость и когда авиадиспетчеры дадут нам разрешение на взлет. А затем мы будем лететь примерно тридцать минут до острова Самфир. На этом этапе ветер попутный, поэтому обратный путь может занять немного больше времени. Садитесь поудобнее, расслабьтесь и наслаждайтесь видами.

Мэдди затаила дыхание, когда вертолет поднялся вертикально. Это было совсем непохоже на полет в самолете. Наоборот, было ощущение, что земля проваливается под ними вместе с ее животом. Она смотрела в окно, наблюдая, как мир под ними становится меньше, а огни домов превращаются в крошечные желтые и белые точки.

Потом они полетели вперед и это ощущение вызвало у нее головокружение. Она громко рассмеялась и посмотрела на Грея блестящими глазами. От того, как он смотрел на нее, перехватило дыхание. В его глазах была потребность, но в то же время и мягкость. Она хотела забраться к нему на колени и остаться там навсегда.

— Что думаешь? — спросил он.

— Это потрясающе, — ее дыхание было прерывистым. — Я думала, что это будет похоже на самолет, но это совсем не так.

Небо уже поглотила темнота и от этого пейзаж выглядел пустынным и прекрасным. По мере того, как они продвигались к побережью, горы уступали место равнинам, а затем дюнам, она не могла не восхититься красотой.

— Разве это не чудесно? — спросила она Грея.

— Да, — он усмехнулся. — Это так.

— Сколько раз ты летал на вертолете?

— Несколько, — Грей пожал плечами. — Но с тобой это мой первый раз.

От того, как он это сказал, у нее по коже пробежали мурашки.

Но это также заставило ее понять, насколько его жизнь отличается от ее. Последние несколько недель они были на равных. Два жителя Хартсонс Крик, проводящие время друг с другом. Влюбившиеся друг в друга. Но он был не просто парнем, живущим в городе. Он был Греем Хартсоном. Он продавал целые концертные залы и летал на вертолетах, как на такси.

— Ты в порядке? — спросил он ее, как будто заметил перемену в ее мыслях.

— Да. Просто думаю о твоей и моей жизни. Насколько они разные.

Он протянул руку, чтобы погладить ее по щеке.

— Вот почему ты мне нравишься. Мне нравится наблюдать за твоим лицом, когда ты впервые переживаешь этот полет. Я не ищу кого-то, кому я нравлюсь, потому что я певец или потому что у меня есть деньги. Я хочу тебя, потому что тебе нравится Грей Хартсон, который ремонтирует крыши и калечит руки.

Теснота в ее груди немного ослабла.

— Но все это должно скоро закончиться, не так ли? Ты вернешься в Лос-Анджелес и будешь гастролировать, а я буду здесь преподавать игру на пианино и работать в закусочной.

Больше никаких поздних ночных визитов. Никаких поцелуев, которые становятся грязными. Больше никакого глубокого голоса у нее над ухом, пока они занимаются любовью под звездами.

Боже, как мне будет этого не хватать.

— Это не должно закончиться, Мэдди.

— Ладно, народ, мы приземлимся через несколько минут. Если вы выглянете наружу, то увидите Атлантический океан. А впереди, если очень сильно присмотреться, вы увидите светлую точку. Это остров Самфир, место вашего назначения.

По мере приближения точка становилась все больше, и она вложила свою руку в руку Грея, когда вертолет замедлил скорость и завис над вертолетной площадкой, медленно опускаясь вниз, пока лыжное шасси не коснулось земли.

И когда винты наконец остановились, Грей вылез первым, обняв ее за талию и помогая ей спуститься на землю. Мэдди знала, что ночь только начинается.

Глава 24

Ужин был накрыт на пляже. Белые стулья и стол были расставлены под навесом из сверкающих огней и развернуты в сторону океана, который плескался и бился о берег. Грей не мог перестать смотреть на нее, несмотря на окружающую красоту. Ее лицо озарилось, когда она увидела крошечные свечи на дорожке к воде, официанта, стоящего рядом со столом с бутылкой шампанского в руке и салфеткой, перекинутой через предплечье.

— Это безумие, — сказала ему Мэдди, покачав головой с ухмылкой. — Ты ведь знаешь это, верно?

— Может быть, нам нужно немного безумия, — сказал он. — Это были трудные несколько недель.

— Знаешь, я бы и на меньшее согласилась, — она наклонила голову в сторону. — Тебе не обязательно было делать все это. Я вполне уверена в том, что касается тебя.

Он притянул ее к себе и закрыл глаза, вдыхая ее аромат. Цветочные нотки шампуня смешивались с соленым привкусом океана, наполняя его легкие.

— В тебе никогда нельзя быть уверенным, — прошептал он.

Она наклонила голову, чтобы посмотреть на него.

— Никто никогда не делал этого для меня. Никто. И ты должен знать, что ради тебя я готова пойти на все. Это должно быть написано на моем лице.

Его горло сжалось. Не только потому, что это было так правильно, но и потому, что это было то, в чем нуждалась его душа. Кого-то, кто хотел его ради него. Не потому, что он был Греем — капитаном футбольной команды или Греем — сыном, который все успевал. И уж точно не потому, что он был Греем — успешным музыкантом.

А потому что он был Грейсоном Хартсоном IV, ребенком, который плакал каждую ночь, когда умерла его мама, но скрывал это от своих братьев и сестры, потому что им нужно было, чтобы он был сильным. Мальчиком, который защищал их от гнева отца. Подростком, который сбежал, чтобы следовать за своими мечтами, только чтобы обнаружить, что они тоже граничат с кошмаром.

А теперь Мэдди пробуждала его от этих дурных снов. Она показала ему, какой могла бы быть жизнь, если бы только она была у него.

По правде говоря, он хотел ее больше, чем когда-либо хотел чего-либо в своей жизни. Включая его карьеру.

— Я хочу поцеловать тебя, — сказал он, его голос был грубым.

— Здесь, на пляже?

— Нет. В океане, — он кивнул головой в сторону бескрайней темноты. — Так, как я обещал.

— А там не будет холодно? — спросила она, глядя на свои джинсы. — Поэтому я взяла с собой сменную одежду?

— Да. Я подумал, что мы можем немного промокнуть, — он протянул руку. — Ты пойдешь со мной?

Слова показались тяжелыми, полными незадаанных вопросов. И все же она без колебаний вложила свою руку в его, наполнив сердце теплом. Ухмыльнувшись, он поднял ее на руки, ее ноги обхватили его талию, а руки — шею, и он понес ее к воде, наслаждаясь тем, как она смеется у его уха.

Он не хотел останавливаться, чтобы снять свою одежду, какой бы дорогой она ни была. Его не волновали ни носки, ни дизайнерские джинсы, за которые его стилист заплатил слишком много. Вместо этого он снял туфли и пошел вброд по воде, держа в объятиях женщину, по которой так страдал, морщась от холодной воды, пропитавшей джинсовую ткань.

— Разве мы не должны были раздеться? — спросила она его.

— Да, — его голос был хриплым. — Мы можем сделать это сейчас.

— Куда денем вещи?

— Их смоем на берег, — он пожал плечами. — Хотя я не уверен, что их можно будет спасти.

Как бы демонстрируя это, он стянул с нее плоские сандалии с ремешками и бросил их на песок.

Он посмотрел на место, где все еще стоял официант.

— Мы будем готовы поесть через час.

Официант кивнул.

— Как пожелаете, сэр. Тогда я вернусь позже, — он повернулся и ушел.

Остались только они вдвоем и океан. Он осторожно поставил Мэдди на землю и стянул с себя футболку, резко вдохнув, когда брызги попали на его голую грудь. Скатав футболку в мокрый шар, он подбросил ее так, что она перелетела воду и ударилась о песок.

— Попал, — тихо сказал он.

— Не намочи руку, — сказала ему Мэдди, кивнув на повязку на его левой ладони.

— Даже не мечтай об этом, — он подмигнул.

Мэдди усмехнулась и стянула с себя платье, обнажив кружевной бюстгальтер цвета слоновой кости, который едва прикрывал ее грудь. Она последовала его примеру и бросила

платье, хотя ее прицел был хуже, чем у него, и оно покачивалось в приливе.

Не успел Грей снять джинсы, как девушка уже нырнула в воду. Он смотрел, как рябь закрывает ее, а потом она снова всплыла и поплыла навстречу волнам.

— Пошли, — позвала Мэдди.

Он усмехнулся и расстегнул молнию на джинсах и ему пришлось потянуть за промокшую джинсовую ткань, чтобы снять их с ног. Затем он двинулся по воде, сокращая расстояние между ними сильными, уверенными шагами.

Он схватил ее за талию своей здоровой рукой и притянул к себе. Вода здесь была по грудь, и он чувствовал, как она плышет, прижимаясь к нему. И, черт возьми, у него был самый большой стояк, когда ее грудь прижималась к его груди. Ее руки обвились вокруг его шеи, чтобы удержаться, и он обхватил ее лицо своей свободной, раненой рукой.

— Ты прекрасна, — прошептал он, проводя губами по ее шее и пробуя на вкус соль. Ее влажные волосы были откинута с лица. Она выгнула спину, и он зарылся лицом в ее грудь, потянувшись губами к соску. Она расстегнула лифчик и бросила его в воду.

— Такого я больше никогда не увижу снов... ох.... — он снова втянул сосок в рот, прикинув языком к ее чувствительной плоти и почувствовал, как ее ноги сжались вокруг него. — Грей, — прошептала она.

— Да?

— У меня нет... у нас ничего нет, — она задохнулась, когда он переместился к другому ее соску. — Презервативов, я имею в виду.

Он засмеялся.

— Думаю, нам придется остановить себя, пока мы не стали слишком безумными.

Но он еще не был готов, совсем не был готов. Не сейчас, когда она прижималась к нему с каждым движением его языка, а вода поднимала ее вверх и опускала вниз, плавно покачивая. Мэдди извивалась на нем, пока ее сердцевина не уперлась в его твердость, и он наклонил голову, чтобы поймать ее губы своими. Ее тело мягко прижалось к его телу.

Да, у них ничего не было, но он все равно хотел, чтобы она кончила. И когда она кончила, он наблюдал за ней. Голова откинута назад, рот приоткрыт в полукрике, руки и ноги цепляются за него, словно она никогда не хотела отпускать его.

Господи, как она прекрасна.

Он был полон решимости сохранить ее. Неважно, какую цену ему придется заплатить.

— Я хотел тебя кое о чем спросить, — сказал Грей, положив столовое серебро на стоящую перед ним пустую тарелку. Они только что съели изумительное блюдо из крабов в мягких панцирях с ризотто и зеленым салатом. Мэдди все еще чувствовала вкус великолепной заправки на языке.

— О чем? — спросила она, глядя на него. Луна была высоко в небе, освещая его лицо, подчеркивая его выдающиеся скулы и острую челюсть.

— Я хочу, чтобы ты полетела со мной в Лос-Анджелес. Встретилась с моим пиарщиком. Она моргнула.

— Когда? Зачем?

— Потому что, как я уже говорил тебе ранее, я не хочу, чтобы это был конец. Я влюбился в тебя, Мэдди. Черт, думаю, что влюбился около трех недель назад. Но я должен вернуться в Лос-Анджелес, чтобы записать свой альбом, а потом мне нужно будет отправиться в тур для его продвижения. Это означает, что я снова буду в центре внимания и

если я буду там, то и ты тоже, — он тяжело сплотнул. — Если ты хочешь быть со мной, конечно.

Ее дыхание перехватило в горле.

— Конечно, я хочу.

— Не похоже, что ты так уверена.

— Я просто боюсь, — призналась она, глядя в свою пустую тарелку.

— А чего бояться? — спросил он. — Я буду с тобой на каждом шагу. Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось.

В ее груди было так тесно, что казалось, будто сердце протискивается в горло.

— Я боюсь, что недостаточно хороша для тебя, — сказала она ему.

Грей вздрогнул.

— Почему ты так думаешь?

— Я просто честна, — она пожала плечами. — Посмотри на себя, а потом посмотри на меня. Мы в разных мирах. И когда люди увидят, что я стою рядом с тобой, они увидят то же самое, что и я. Они будут говорить о том, что ты с девушкой ниже себя по статусу. Что я тяну тебя вниз. Я не хочу этого для тебя, — мягко сказала она. — Или для меня.

Он нахмурился.

— Кто обращался с тобой так плохо, что ты не видишь себя такой, как все остальные? — спросил он ее. — Потому что ты сумасшедшая. Посмотри на себя. Ты красивая, ты чертовски смешная, и ты поешь и играешь на пианино, как чертов ангел. Если кто и ниже по статусу, то это я.

В ее глазах стояли слезы.

— Есть вещи, которые ты обо мне не знаешь.

— Тогда расскажи мне, — настойчиво попросил он.

Ее губы дрогнули. Он обошел стол и опустился на колени рядом с ней, его теплый взгляд поймал ее.

— Ничего из того, что ты расскажешь, не заставит меня не хотеть тебя, Мэдди. Разве ты не можешь сказать, что я чувствую к тебе?

— Я...

— Я влюблен в тебя, Мэдди. Это звучит безумно, я знаю. Прошло всего несколько недель, и ты сестра Эшли, все остальные вещи говорят против нас. Но каждый раз, когда я закрываю глаза, ты рядом. Я просыпаюсь с улыбкой каждое утро, потому что знаю, что смогу поговорить с тобой. И когда я обнимаю тебя, мне кажется, что все хорошо впервые за целую вечность. Наверное, с тех пор, как умерла моя мама. Ты заполняешь ту дыру в моем сердце, которую я не хотел признавать. Так что скажи мне, что тебя расстраивает, потому что я никогда не хочу видеть твои слезы.

Он притянул ее к себе, пока ее голова не уперлась в его плечо. Она судорожно вдохнула, слезы полились из глаз. Он любил ее. Эти слова наполнили ее. И все же он так многого о ней не знал.

— Ты слышал о Брэде Риксоне? — спросила она, прижавшись губами к его свежей футболке.

Он поцеловал ее влажные волосы.

— Нет. Кто он? Бывший?

О Боже. О Боже. О Боже.

Она крепко зажмурила глаза.

— Он учился в Анселле в то же время, что и я. Мы встречались некоторое время. И он только что получил контракт в той звукозаписывающей компании, что и ты.

— Получил? — голос Грея был настороженным. Когда она снова открыла глаза, его взгляд был прикован к ее лицу.

— Да. Наверное, я должна напомнить тебе, кем я была до того, как попала в Анселл, — сказала Мэдди, заставив себя встретиться его взглядом. — Я была просто ребенком. И очень замкнутым. Я была в Нью-Йорке только на собеседовании, и у меня не было времени задерживаться. Я была определением девочки из маленького городка, живущей в мире маленького городка.

— В тебе нет ничего маленького, — его голос был суровым.

Призрак улыбки промелькнул на ее губах.

— Наверное, я чувствовала себя маленькой. Отчасти из-за того, что росла в тени Эшли. Я всегда была сестрой Эшли Кларк, понимаешь? Не такой красивой и не такой популярной.

— Хочешь, я расскажу тебе, насколько ты красивее? — спросил он, проводя руками по ее волосам. — Или я могу показать тебе? — он прикоснулся губами к ее губам.

Она вздохнула.

— Подожди. Позволь мне сказать тебе это, и тогда ты сможешь решить, что ты думаешь обо мне.

Его лицо было серьезным, когда он отстранился, как будто он понимал всю серьезность того, что она хотела сказать. Его глаза были темными, а рот — тонкой линией. Это заставило ее грудь сжаться.

— Когда я приехала в Анселл, впервые в жизни люди не сравнивали меня с Эшли, — тихо сказала она ему. — И это было хорошо. По-настоящему хорошо. Я почувствовала себя сильнее, старше, как будто люди наконец-то полюбили меня такой, какая я есть, — она прикусила губу. — И тут появился Брэд.

— Он увидел тебя такой, какая ты есть?

Ее голос дрогнул.

— Я так думала. Он был на два года старше. Он провел пару лет, играя на концертах на разогреве для групп, чтобы заработать на обучение, и эта разница в возрасте была для меня огромной. Он жил в Нью-Йорке уже несколько лет. Он играл в барах по ночам, у него была огромная компания друзей и все они казались такими продвинутыми, — она тяжело сглотнула. — Поэтому, когда он начал разговаривать со мной в коридорах, мне показалось, что я особенная.

Уголкем глаза она заметила, как руки Грея сжались в кулаки. Как будто он знал, что будет дальше. Но он ничего не сказал, выражение его лица было нейтральным.

— Он был моим первым, — сказала она ему. — До него у меня не было парня. В ту первую ночь он был нежным и добрым, и когда я проснулась на следующее утро, я уже думала о том, как попросить его поехать со мной домой на весенние каникулы, чтобы я могла представить его своей семье.

— Он поехал с тобой?

Она покачала головой.

— Он сказал, что слишком занят и должен остаться в Нью-Йорке, — Мэдди пожала плечами. — Но я думаю, правда была в том, что он не хотел ехать. Поэтому я вернулась домой и провела целую неделю, мечтая о нем, а потом вернулась и бросилась в его объятия. Я почти все ночи спала у него дома. Я ходила смотреть на него в бар или присоединялась к

нему и его друзьям в клубе. Наверное, я очень старалась быть частью его толпы, хотя у меня все еще было ноющее чувство, что я не вписываюсь в нее. Особенно к девушкам. Они чувствовались немного недостижимыми, как будто не хотели общаться со мной, — она отвела взгляд от его глаз. — Я пила больше, чем следовало, в попытке соответствовать. И пробовала наркотики.

— Я знаю, каково это.

— Знаю, что знаешь, — прошептала она. — Может быть, поэтому я чувствую такую связь с тобой.

— Так что же произошло между тобой и Брэдом? Что заставило тебя покинуть Анселл?

— Это была ночь, незадолго до конца второго семестра. К тому времени мы были вместе уже некоторое время, хотя он никогда не называл меня своей девушкой. Во всяком случае, не на людях, — она прикусила губу. Так много тревожных сигналов, но она была слишком наивна, чтобы увидеть их. Слишком отчаянно хотела, чтобы ее приняли. — Он пел со своей группой и алкоголь лился рекой. Одна из девушек, которая с ними тусовалась, предложила мне таблетку.

— Что за таблетка?

— Такую, от которой все кажется туманным и приятным. К закрытию бара я уже была под кайфом. Когда Брэд предложил девушке пойти с нами домой и выпить еще, я согласилась, потому что не хотела, чтобы эта ночь заканчивалась.

Челюсть Грея дрогнула. Она наблюдала за тем, как она то сжимается, то разжимается.

— Когда мы вернулись к Брэду, было еще больше выпивки. Текила, я думаю. Он включил музыку, был как всегда очарователен. А потом он начал целовать другую девушку, — она облизала свои сухие губы. — Затем он сказал мне поцеловать ее тоже.

— И ты поцеловала?

— Да. Но мне это не понравилось. И я начала переживать, — она посмотрела вниз на свои руки. — Ты, наверное, думаешь, что я настоящая ханжа.

— Я вовсе так не думаю. Я знаю, что ты не такая. Но я также знаю, что никогда не хотел бы делить тебя с кем-то еще.

— У меня началась истерика. Обвиняла его в том, что он мне изменяет. А Брэд пытался меня успокоить. Он отвел меня в спальню и поцеловал. Сказал, что я для него номер один и он никогда не захочет, чтобы я делала то, чего не хочу. Он предложил мне подготовиться ко сну, пока он избавится от девушки. Так я и сделала. Я приняла душ, потому что чувствовала себя странно, потом забралась в кровать и стала ждать его. В какой-то момент я, наверное, заснула.

— Он лег с тобой в постель? — спросил Грей.

Она кивнула.

— Да. И она тоже.

Бровь Грея приподнялась.

— Он заставил тебя? — спросил он, стиснув зубы. — Он заставил тебя заниматься сексом втроем?

— Нет, — ее голос дрогнул. — Я проснулась от того, что одеяла сбились вокруг моих ног. И они занимались сексом рядом со мной, пока я спала. Сначала я так растерялась. Я все еще была в оцепенении от алкоголя и наркотиков. Я пыталась что-то сказать, но слова не шли, — она поджала губы. — Я пыталась пошевелиться, сделать что-нибудь, но все мое тело как будто отяжелело. Думаю, мне повезло, что он быстро закончил.

— Мудак, — выплюнул Грей.

— Это было не самое худшее, — она перевела взгляд на него.

Он нахмурился.

— Что еще он сделал? Он изнасиловал тебя?

— Нет.

— Слава Богу. Но я все равно хочу его убить.

— Он записал это. Всё. Они занимались сексом рядом со мной, пока я спала. Мои реакцию, когда я проснулась. Все это, — она медленно выдохнула. — Хотя я не знала об этом, пока не пришла на учебу на следующий день.

— Что случилось? — он притянул ее к себе.

Она боролась с желанием отстраниться, убежать, спрятаться. Ей хотелось свернуться клубочком и снова заблокировать все это, как она делала столько лет. Забыть о жестокости, свидетелем которой она была. О боли, которая пронзила ее, когда она поняла, что он не чувствует того же, что и она.

Забыть о том, как люди смеялись.

— Мэдди?

Она моргнула и вынырнула из своих мыслей.

— Это все была шутка. Пари. Они все были членами какого-то дурацкого клуба. Некоторые из них должны были выманивать деньги у людей. Другим приходилось столкнуться со своими худшими страхами. А Брэд... — она втянула в себя воздух. — Брэду нужно было унижить девственницу.

— Господи, Мэдди...

— Он загрузил видео на порносайт. Потом он распечатал листовки с моей фотографией и адресом сайта. Через пару часов я стала посмешищем. Куда бы я ни пошла, люди смотрели видео, где я сплю, а они занимаются сексом.

— Ты сообщила об этом?

— Декану? — спросила она. — Нет. Не сразу. Хотя Эшли связалась с ними, как только я ей рассказала.

— Я имею в виду полицию.

Она покачала головой.

— Декан хотел позвонить в полицию, но я просто... — ее голос оборвался. — Я не могла, — она смахнула слезы. — Это было так унижительно. Я не могла больше находиться в Нью-Йорке. Эшли приехала, как только я ей позвонила и привезла меня домой, хотя она хотела, чтобы я осталась и боролась за себя, — девушка поджала губы. — Она спасла меня. — И теперь они даже не разговаривали. При этой мысли у нее защемило сердце.

— Ему все сошло с рук, — пробормотал Грей. — А теперь у него контракт на запись, а ты здесь...

Его челюсть была сжата, глаза сверкали. Мэдди обхватила пальцами его бицепс.

— Все в порядке, — прошептала она.

— Нет, не в порядке. Я хочу убить его нахрен, — его глаза сверлили ее. — Мысль о том, что он прикасался к тебе. Сделал тебе больно. Этот ублюдок заслуживает уничтожения за то, что разрушил твою жизнь.

— Это старые новости, — сказала она ему. — Я с этим покончила. И дело в том, что даже если бы он ничего мне не сделал, и я осталась бы в Анселле, я бы, наверное, вернулась домой после окончания школы. Моя мама здесь, а также Эшли и ее семья. Мне нравится моя

жизнь.

— У меня есть контакты. Я могу испортить ему жизнь.

— Нет, — ее голос был твердым. — Я не хочу, чтобы ты вмешивался. Как я уже сказала, это уже история. С этим покончено. Я просто хочу жить дальше, — она переместилась в своем кресле. — Но теперь ты понимаешь, почему это не сработает?

— Нет, — Грей покачал головой. — Вообще не понимаю. Я не такой, как тот мудака. Я бы никогда не причинил тебе такой боли. Я хочу защитить тебя, Мэдди. Хочу, чтобы ты была со мной. И не хочу, чтобы ты так плакала, — он вытер слезы с ее щек.

— Но ты не можешь. Ты знаменит и всегда в новостях. И я не могу... — ее голос сорвался. — Я не могу сделать это с тобой. Обо мне уже говорили, и я не смогу этого вынести.

Он обхватил ладонью ее подбородок и поднял ее лицо так, что оно оказалось прямо перед его лицом. Она могла видеть себя, отраженной в глубине его глаз.

— Мэдди, — прошептал он. — Ты чертовски красива. С тех пор, как ты вошла в мою жизнь, — он улыбнулся, — или прыгнула в нее, все было не так, как раньше. Я никогда не буду прежним. Ты — все, о чем я думаю. Твое имя звучит на моих губах, когда я засыпаю и когда я просыпаюсь, оно все еще там. Что бы ни потребовалось, чтобы все получилось, я готов это сделать. Только скажи.

От его слов у нее перехватило дыхание. Она хотела верить ему, действительно хотела. И да, она знала, что он не такой, как Брэд. Он был хорошим парнем. Она была рядом с ним достаточно, чтобы знать это.

— Мне страшно, — снова сказала она.

— Нечего бояться. У меня отличный пиарщик, и она поможет нам со всем. Мы можем просто быть собой. Ты будешь летать в Лос-Анджелес. Я буду летать сюда. У нас все получится, если мы этого захотим.

Ее сердце билось в груди. Не только от воспоминаний о ее унижении, но и из-за выражения его лица. Там была нужда и, возможно, немного любви. Но больше всего он выглядел уязвимым, и это тронуло ее душу.

— Я хочу попробовать, — прошептала она, и он на мгновение закрыл глаза. Когда он снова открыл их, на его губах заиграла широкая улыбка.

— Слава Богу, — сказал он. Мужчина поцеловал ее так, словно она была воздухом, которым ему нужно было дышать. — Потому что я не могу представить себя без тебя. Утром я позвоню Марко и своему пиарщику и предупрежу их об этом. Я обещаю тебе, что все будет хорошо.

Мэдди вздохнула, прижалась к его губам, и ее охватило облегчение. Он знал и не отвергал ее. Возможно, он был прав. В конце концов, все может наладиться.

Глава 25

Он был влюблен в Мэдисон Кларк. Грей не сомневался в этом. Он любил ее и до этой ночи, но, узнав, с чем ей пришлось столкнуться в Нью-Йорке, он стал восхищаться ею еще больше. Да, о нем ходили слухи, он совершал глупости, которые попадали в заголовки не тех газет. Но у него был пиарщик, чтобы справиться с этим и поклонники, готовые на все, чтобы показать, что они его поддерживают.

Но Мэдди... Его убивала мысль о том, что она так одинока и унижена. О том, что кто-то вроде Брэда Риксона использовал ее как шутку. Не заботясь о той боли, которую он причинил.

Грей держал ее руку в своей на протяжении всей поездки на вертолете, а затем прижал ее тело к своему на заднем сиденье машины, которая привезла их домой, где они сейчас и находились. Водитель сосредоточенно смотрел вперед через лобовое стекло, когда Грей провел пальцем по лицу Мэдди и наклонился, чтобы поцеловать ее снова. Ее губы были солеными на вкус из-за высохших слез.

— Могу я зайти с тобой? — спросил он, кивнув на бунгало.

— Там моя мама, — сказала Мэдди, ее глаза расширились.

— Да, я знаю. Но я не хочу оставлять тебя сегодня вечером, — он ждал, что она будет сопротивляться, но вместо этого ее глаза встретились с его глазами, и она кивнула головой.

— Хорошо. Но давай я сначала зайду и проверю, спит ли она.

Она открыла пассажирскую дверь, затем наклонилась вперед, чтобы поблагодарить водителя.

Улыбка растянула рот Грея. Она всегда была вежливой. За исключением его самого. Ему это нравилось в ней.

Через две минуты он увидел, что окно ее спальни открыто. Она высунулась и позвала его. Даже сзади он мог видеть ухмылку водителя.

— Я выйду. Спасибо, что подвез, — сказал ему Грей.

— Пожалуйста. Надеюсь, Вы приятно проведете остаток вечера, сэр.

Грей взглянул на часы на приборной панели. Они показывали четверть третьего ночи.

— Обязательно.

— Надеюсь, мисс Кларк тоже. Она прекрасная молодая женщина.

— Да, — сказал Грей, его горло сжалось. — Да, она такая.

Он вылез из машины и смотрел, как она отъезжает, затем подошел к Мэдди, которая ждала его у окна.

— Ты хочешь, чтобы я забрался внутрь? — спросил он ее. — Или тыпустишь меня через парадную дверь?

Она пожала плечами и отступила назад, отдергивая занавеску.

— Залезай. Зачем ломать привычки всей жизни?

Он сделал то, что ему было сказано, используя свою здоровую руку, чтобы перелезть через низкий порог, и его ноги приземлились на мягкий кремовый ковер в ее спальне. Она сняла свои туфли и была босиком. Он заметил несколько песчинок, прилипших к ее коже. Она подняла руку, чтобы коснуться своих волос, волнистых и покрытых солью океана.

— Наверное, мне стоит принять душ перед сном.

— Оставайся такой. Ты мне нравишься грязной.

Она закатила глаза. Как будто вернулась прежняя, дерзкая Мэдди и ему это нравилось. Ему также нравилась ее уязвимость. Господи, да ему все в ней нравилось. Это было безумием, как быстро он в нее влюбился.

Он наблюдал, как она переодевается в пижамные шорты и майку и проводит щеткой по густым прядям, морщась, когда задевала колтуны.

— У меня нет ничего для тебя, чтобы надеть, — сказала она ему. — Если только ты не думаешь, что сможешь влезть в мою пижаму.

Он посмотрел вниз на свое тело. Он был на 30 сантиметров выше и по крайней мере на 27 килограммов тяжелее, чем Мэдди.

— Я не так планировал влезть в твою пижаму.

Она откинула одеяло и указала на матрас.

— Просто залезай.

— Подожди, — он снял ботинки, затем джинсы и, наконец, футболку, после чего забрался в ее маленькую кровать в одних боксерах. Она последовала за ним, ее ноги были теплыми, когда они соприкоснулись с его ногами. Здесь не было достаточно места, чтобы они не соприкасались. Он повернулся на бок, протянул руку, и она прижалась к ней.

— Просто чтобы ты знал, здесь не будет секса, — сказала она ему.

— Нет? — он усмехнулся.

— Нет. Эта кровать еще не окрещена и хотела бы остаться такой, — она посмотрела на него сквозь густые ресницы. — Ты первый парень, который когда-либо был здесь.

— Когда ты говоришь такие вещи, мое тело воспринимает это как вызов, — он взял ее руку и скользнул ею вниз между своих бедер. — Видишь?

Она обхватила его пальцами, и он застонал.

— Мэдди...

— Твоя сила воли слаба, — прошептала она.

— Да. Это действительно так, — он повернул голову на подушке. — Насколько сильна твоя?

— Как крепость.

Он провел пальцем по ее горлу до самой груди.

— Правда?

У нее перехватило дыхание, когда он добрался до ее холмиков.

— Да.

Кончиком пальца он провел по груди, вниз по животу и продолжил, пока не достиг ее голых ног.

— Значит, если я сделаю это, — прошептал он, проводя рукой между ее бедер, — ты не откроешь их.

Она засмеялась, потому что уже это сделала.

— Это просто рефлекс.

— Да. Я так и подумал, — он передвинул руку вверх, пока она не оказалась в сантиметре от ее сердцевины. — Значит, у твоего разума есть сила воли, а у тела — нет.

Нежным прикосновением он провел большим пальцем по ее коже. Мэдди вздохнула и откинула голову назад. Ее глаза смягчились, встретившись с его, и он понял, как сильно он этого хотел. Хотел ее.

— Мэдди, — прошептал он, прижимаясь губами к ее горлу. — Если ты не хочешь, чтобы я это делал, я прекращу.

Он был джентльменом. Он знал, что хорошо, а что плохо. Но больше всего на свете он знал, как важно, чтобы она могла сказать «да» или «нет». Чтобы ее желания были услышаны. После всего, через что ей пришлось пройти, ее согласие — это все.

— Только прикосновения, — прошептала она. — Ничего больше.

Он усмехнулся.

— Я смогу с этим жить.

Он просунул пальцы под мягкую ткань ее шорт, сдерживая стон, когда они коснулись ее тепла. Боже, он хотел ее. Любым способом. Его большой палец коснулся того самого местечка, отчего ее спина выгнулась в ответ, кожа вспыхнула, а глаза расширились.

Он никогда не устанет от этого. Никогда не устанет от нее. Он любил ее.

И это была самая страшная и самая прекрасная мысль в мире.

— Вот черт!

Глаза Мэдди расширились, когда она поняла, что уже утро, а Грей все еще лежит рядом с ней в постели. Ее кожа была горячей от того, что она прижималась к нему всю ночь, волосы были в безумном беспорядке от того, что она ворочалась рядом с ним. Как он и обещал, они не делали ничего, кроме прикосновений.

Она никогда не знала, что прикосновения могут быть такими горячими.

— Грей, — прошептала она, тряся его за плечо.

— М-м? — он приоткрыл один глаз, а затем снова закрыл его. Ей понадобилось тридцать секунд, чтобы понять, что он вовсе не проснулся.

— Грей, — сказала она громче, приблизив свое лицо к его. На этот раз открылись оба глаза. Медленная, сексуальная улыбка появилась на его губах, когда он притянул ее к своей теплой, крепкой груди.

— Доброе утро, красавица.

— Мы проспали. И мама уже встала, — прошептала Мэдди. Она слышала, как мама возится на кухне. — Тебе нужно идти.

Он моргнул.

— Она знает о нас, да?

— Да. И она недовольна тем, что мы с Эшли ссоримся из-за этого.

Он сел, и она изо всех сил старалась не смотреть на его грудь и красивые чернила, украшающие ее.

— Тогда, похоже, сейчас самое время наложить на себя немного очарования.

— Сейчас? — у нее открылся рот.

— Почему бы и нет? — он провел пальцем по ее подбородку и снова закрыл его. — А потом мы должны поехать к моей семье. Позавтракаем вместе с ними.

— А после этого, почему бы нам не дать объявление в журнал «Рок»? — поддразнила она. — Просто чтобы убедиться, что никто не пропустит новости.

Он усмехнулся.

— Это хорошая идея. Я позвоню своему пиарщику.

— Грей! — она засмеялась. — Прекрати, — девушка слезла с кровати, поймав свое отражение в зеркале. — Фу, я не могу встретиться с твоей семьей в таком виде. Я в полном беспорядке.

— Они уже знают, как ты выглядишь, — заметил он. — И ты выглядишь потрясающе, как всегда.

— Да, они знают, как я выгляжу. Но только как Мэдди, их подруга и официантка. Теперь, когда они знают о нас, они будут смотреть на меня по-другому, — она зажала губу между зубами.

— Тетя Джина и Бекка любят тебя. Тебе не о чем беспокоиться.

— Но как же твой отец? — она бросила на него обеспокоенный взгляд.

— Он будет слишком занят, осуждая меня, чтобы беспокоиться о тебе.

Хотя он сказал это беззаботно, в его голосе прозвучала нотка беспокойства. И она слишком хорошо знала это чувство. То, когда ты не чувствуешь себя достаточно хорошим.

— Ладно, — сказала она, сделав глубокий вдох. — Мы сделаем все это. Но сначала я приму душ и покрашусь, хорошо?

Двадцать минут спустя Мэдди вошла на кухню. Ее мама сидела за столом, склонившись

над кроссвордом. Она подняла глаза, услышав Мэдди и положила ручку на газету.

— Доброе утро.

— Привет, мам. Я... эм... мы поздно вернулись, поэтому Грей остался у нас ночевать, — последние несколько слов вырвались в спешке, налетая друг на друга.

— Привет, Грей, — сказала ее мама, ее выражение лица было зловеще нейтральным. — Как ты?

— Я в порядке, спасибо, миссис Кларк. А как Вы?

— Я очень хорошо. Если не считать того, что мои дочери дерутся как кошки, — она одарила его язвительной улыбкой. — Надеюсь, что ты поможешь Мэдди все уладить. А теперь не хотите ли кофе? В кофейнике есть немного.

— Вообще-то, мама, мы идем к Грею на завтрак, — сказала ей Мэдди. — Но сначала я могу приготовить тебе что-нибудь поесть.

— Я вполне способна сама приготовить себе тост, — сказала она с укором. — Тебе не нужно беспокоиться обо мне.

— Хорошо, — это все еще было странно. Стоять на этой кухне рядом с Греем Хартсоном. Мэдди чувствовала его тепло позади себя. — Думаю, увидимся позже.

— Увидимся, — ее мама взяла ручку и прижала ее к губам. Когда Мэдди повернулась, чтобы уйти, ее глаза встретились с глазами Грея, женщина снова заговорила.

— О, Грей, можно тебя на пару слов. Наедине?

— Правда, мам? — Мэдди вздохнула.

— Все в порядке, — Грей подмигнул ей. — Конечно. Что случилось, миссис Кларк?

— Наверное, тебе лучше называть меня Дженни, — услышала она слова своей мамы, когда Мэдди вышла в коридор и неохотно закрыла дверь.

Она должна была почувствовать облегчение. В конце концов, они сделали первый шаг.

Но она не могла отделаться от ощущения, что им предстоит преодолеть еще сотню пролетов.

— Ты в порядке? — спросил Грей, когда они подъехали к его дому. Мэдди отвезла их на своей машине. У нее была пара часов до смены в закусочной, но она чувствовала себя лучше, когда ее машина была здесь. Это был своего рода путь к отступлению.

На случай, если она понадобится.

— Что сказала моя мама? — спросила она его, когда они вылезли из машины. Он выглядел таким спокойным, когда обнял ее и притянул к себе. Когда они шли по дорожке к дому его отца, он посмотрел на нее сверху вниз.

— Она напомнила мне, что под всеми этими остротами у тебя мягкое сердце.

— Надеюсь, ты сказал ей, что у меня нет сердца, — она покачала головой. Это было в духе ее мамы — сказать что-то подобное.

— Я сказал ей, что твое мягкое сердце — одна из причин, почему ты мне нравишься, — он усмехнулся. — Наряду с твоими остротами, — он повел ее к задней части дома.

— Куда мы идем?

— Ты — семья. Мы войдем через заднюю дверь.

В доме Хартсонов полным ходом шел завтрак. Сквозь сверкающее стекло окна Мэдди видела, как Бекка держит ломтик тоста и бурно жестикулирует им. Тетя Джина что-то говорила ей с улыбкой на лице. А отец Грея молча наблюдал за ними, его глаза были мягкими, пока две женщины вели беседу.

— Ты готова? — спросил ее Грей.

— А если я откажусь? — она усмехнулась.

— Тогда я напомню тебе, что сделал это первым. И я даже согласился поговорить с твоей мамой наедине.

— Хорошо, я готова. Но не оставляй меня с ними наедине.

— А я и не собирался, — он подмигнул и толкнул дверь.

Три пары глаз смотрели на них, когда они вошли в кухню. Глаза тети Джина были полны любопытства. Глаза Бекки были расширены от волнения. А мистер Хартсон? Он выглядел... настороженным.

— Доброе утро, — сказал Грей, его голос звучал легко, когда он вошел. — Я привел Мэдди на завтрак. Надеюсь, вы не против.

Первой пришла в себя тетя Джина. Она встала и широко улыбнулась.

— Конечно, все в порядке. Мэдди здесь всегда рады. Проходите. Сейчас я принесу кофе.

Глаза Бекки все еще блестели.

— Ты можешь сесть здесь, — сказала она, похлопав по стулу рядом с собой. — И мы все можем послушать, как Грей расскажет нам, почему он не пришел домой вчера вечером.

— Бекка, — сказала тетя Джина. Это был не вопрос, а скорее предупреждение.

— Эй, я беспокоилась о нем, — запротестовала она, озорная улыбка озарила ее лицо.

— Я водил Мэдди на свидание.

Бекка повернулась на своем стуле, чтобы посмотреть на них обоих.

— Так вы двое действительно встречаетесь? — спросила она, повернувшись к Мэдди. — Тетя Джина сказала мне, но я ей не поверила. А заставить Грея открыться в чем-либо — все равно что пытаться расколоть камень.

— Заткнись, — сказал Грей, садясь на сиденье рядом с Мэдди. Он перекинул руку через спинку ее стула. — Мы встречаемся, ясно?

— О Боже! — сказала Бекка, наклоняясь вперед, чтобы обнять Мэдди. — Это потрясающе. Я никогда бы не подумала, что вы будете встречаться после Эш... — она запнулась, как будто подумала о том, что ей лучше сказать. — Значит ли это, что ты будешь приезжать домой чаще? — спросила она Грея.

— Мы все еще работаем над этим.

— Я всегда хотела сестру, — сказала Бекка Мэдди. — Ты не представляешь, какой это ад — иметь четырех братьев.

— Могу себе представить, — сказала Мэдди, ее голос был спокойным.

— Весь этот тестостерон и драки. И подружки, — Бекка закатила глаза. — За исключением нынешней компании, конечно. Быть сестрой четырех братьев Сердцеедов — это особый вид ада. Наверное, в прошлой жизни я сделала что-то очень плохое.

— Ты сделала несколько плохих вещей и в этой жизни, — заметила тетя Джина. — А теперь давайте прекратим эти двадцать вопросов и дадим нашей гостье позавтракать. Мэдди, хочешь яичницу с беконом? — спросила она, вставая, чтобы отнести еду.

— Звучит замечательно, — с благодарностью сказала Мэдди, заметив, что Бекка все еще смотрит на нее и Грея.

— Я тоже буду немного бекона, — сказал Грей, подняв свою тарелку.

— Ты можешь обслужить себя сам, молодой человек, — сказала ему тетя Джина, покачав головой. — Ты не гость и у тебя все еще есть одна здоровая рука. Если только она не будет ранена, я не собираюсь обслуживать тебя, — она громко вздохнула. — Мэдди, дорогая,

не хочешь ли ты апельсинового сока?

— Да, пожалуйста.

Мэдди сдержала улыбку от того, как тетя и сестра Грея обращались с ним. Казалось, он ничуть не расстроился. Единственным человеком, который не сказал ни слова, был его отец, который внимательно наблюдал за ними.

Глава 26

— Ты читал это? — спросил Марко по телефону несколько дней спустя. Грей сидел за столом в столовой, перед ним лежал раскрытый экземпляр журнала «Рок» за этот месяц. Курьер принес его сегодня утром — постучал в дверь двадцать минут назад и вложил толстый конверт в руку Грея. Он сразу же отнес его на кухню, которая, к счастью, была пуста и открыл его, пролистывая страницы, пока не нашел ту, на которой была наклеена его фотография.

— Да, я читал.

— А Мэдди?

— Пока нет. Она работает. Я заеду за ней и дам ей почитать, — он еще раз пролистал гляцевые страницы. — Все не так уж плохо. Она знала, что они напечатают что-нибудь о ее пребывании в Анселле. Если что, она отделалась легче, чем я надеялся. Спасибо за помощь. Я ценю это.

Что-то пискнуло. Это должен был быть телефон Марко.

— Одну минуту, Грей...

— Я, наверное, должен позвонить в отдел рекламы. Они хорошо поработали. И ты говорил со звукозаписывающей компанией о Брэде Риксоне, верно? Сказал им, что я не хочу, чтобы он был рядом со мной, — продолжил Грей.

— Да. Я сказал им, что он расстроил твою девушку, и ты не хочешь находиться с ним в одной комнате, хотя ты и не рассказал мне всех подробностей, — Маркус вздохнул. — Но Грей...

— Если я увижу его, то ударю этого ублюдка. Ты ведь знаешь это, верно?

— Да. Но сейчас это не важно, — Марко заговорил быстро, пытаясь не дать Грею перебить его снова. — Я только что получил сообщение. В Твиттере есть ссылка на видео. Оно становится вирусным.

— Какое видео?

— Видео с Мэдди, когда она училась в Анселле. Секс-видео. Ты знаешь об этом?

Как будто кто-то ударил его по лицу. Грей физически отшатнулся.

— Где Брэд занимается сексом с другой женщиной рядом с ней? — спросил он, его желудок перевернулся.

— Похоже на то. Господи, это нехорошо. Какого черта ты не сказала мне об этом, когда рассказывал о Брэде?

— Потому что Мэдди не хотела, чтобы кто-то знал. Это должно было быть старой историей, — Грей провел пальцами по волосам. — Ты можешь замять это? Заставить Твиттер убрать это?

— Да, я могу попытаться. Но это займет время. И кто-нибудь другой просто опубликует это снова. Эти вещи как мухи. Каждый раз, когда ты думаешь, что избавился от одной, появляется другая, — он прочистил горло. — Мне нужно сделать несколько звонков. Но держи свой телефон поблизости, и я дам тебе знать, что происходит.

— Мне нужно найти Мэдди, — сказал Грей, его желудок сжался. Мысль о том, что это

видео находится в открытом доступе, разорвет ее. Все увидят его, и она снова почувствует себя жертвой издевательств. — Сделай все возможное, чтобы это исчезло.

— Я постараюсь.

Грею не понравилось, что Марко звучал не очень уверенно. Он поджал губы и убрал телефон в карман, когда его сестра спускалась по лестнице.

— Бекка! — позвал он, благодаря Бога за то, что у нее сегодня выходной. — Ты не могла бы подвезти меня в город?

Она спустилась по лестнице.

— Конечно, — сказала она, собирая волосы в хвост. — Что случилось, у тебя синдром отмены Мэдди?

— Нет, — он перевернул свой телефон, чтобы она могла видеть экран. Бекка пролистала твиты, ее глаза расширились, когда она увидела их содержание.

— Вот дерьмо, — прошептала она. — Бедная Мэдди.

— Это убьет ее. Я хочу быть там, когда она узнает.

— Хорошо, — сказала Бекка, снимая ключи с крючка на стене. — Пойдем.

Мэдди убрала со стола, который недавно освободила компания, нагромодила тарелки, а затем взяла кружки, стаканы и аккуратно их составила. Она отнесла их на кухню, толкнув металлические двери, а затем поставила их перед посудомоечной машиной.

— Они не притронулись к своей каше, — ворчал Мерфи, вытряхивая остатки в мусорное ведро. — Иногда я не знаю, зачем я беспокоюсь.

— Что тебя гложет? — спросила она его. — У тебя весь день плохое настроение.

— А ты уже несколько недель беспричинно счастлива. Куда делись все эти язвительные замечания и мудрые подколки? — спросил ее Мерфи. — Я ненавижу счастливых людей.

— Нет, не ненавидишь.

Он посмотрел на нее с поднятыми бровями.

— Правда, ненавижу. Так не могла бы ты сбавить тон своей улыбки?

Она даже не заметила, что улыбается. Похоже, это происходило часто. С тех пор, как она поговорила с Греем по душам на пляже, и они открылись друг другу как пара, она чувствовала себя легкой как перышко. Ее щеки начали болеть.

— Счастливые официантки — это хорошо для бизнеса, — заметила она. — Я делаю тебе одолжение.

— Хм... — Мерфи задвинул тарелки в посудомоечную машину. — По моему опыту, счастливые официантки предупреждают об увольнении. Есть определенная закономерность.

По наитию она наклонилась вперед и поцеловала его в щеку. Она не была уверена, кто удивился больше — Мерфи или она.

— Я не уйду, — сказала она ему. — Я просто счастлива. Постарайся тоже порадоваться за меня.

Взяв чистящий спрей и тряпку, она вернулась в закусную, чтобы протереть стол. Группа девушек смотрела в свои телефоны и о чем-то хихикала. Она погладила джинсы, чтобы найти свой собственный телефон, и поняла, что оставила его в кармане куртки, висевшей на кухне.

Дверь открылась, раздался звонок, и вошла Джессика Мартин с двумя другими принаряженными женщинами.

— Займите столик, я принесу меню, — позвала Мэдди.

— Вообще-то, Мэдди, — сказала Джессика, подойдя к стойке. — Я просто пришла убедиться, что с тобой все в порядке.

Брови Мэдди сошлись.

— Я в порядке, спасибо. А ты как? — ей стало интересно, разговаривала ли с ней Эшли.

— Ну, не я та, кто стал вирусом, так что у меня все отлично, — Джессика улыбнулась. — Я рада, что ты не позволяешь этому беспокоить тебя. Люди будут говорить, верно?

Итак, новости о ней и Грее были опубликованы. Она знала, что так и будет.

— Ты читала статью в журнале?

Джессика покачала головой.

— Какую статью в журнале? Я говорю о том видео с тобой и твоим... я не знаю. Он был парнем? А девушка, она была твоей девушкой? Я живу здесь, в Хартсонс Крик, и не знаю, как работают эти отношения втроем, — она засмеялась. — Ты — темная лошадка, знаешь ли?

В груди Мэдди стало тесно. Она попыталась вдохнуть, но воздух не проходил. Дверь снова открылась и вошел Грей, казалось, что все в комнате повернулись, чтобы посмотреть на него.

А потом на нее.

Их глаза встретились, и она увидела, как ее беспокойство отразилось в его глубоких синих глазах.

— Мэдди... — сказал он, тяжело сглотнув.

— Я знаю, — ее голос был скрипучим.

— Привет, Грей, — Джессика улыбнулась ему. — Давно не виделись.

Он нахмурился.

— Я тебя знаю? — на секунду Мэдди захотелось поцеловать его.

— Я Джессика Мартин. Раньше была Джессикой Чилтон. Ты должен помнить меня. Я была чирлидершей, — она выглядела оскорбленной.

Он покачал головой, нахмутив брови.

— Мэдди, мне нужно с тобой поговорить.

— О, я слышала, что у вас двоих что-то произошло. Думаю, в этом есть смысл, верно? Она из тех девушек, которые привлекают плохих парней, — Джессика пожала плечами. — Я просто говорила Мэдди, какая она темная лошадка. Не думаю, что я когда-либо встречала кого-то, у кого раньше был секс втроем.

— Джуди, да? — спросил Грей. — Ты можешь заткнуться и оставить нас в покое?

Ее спина выпрямилась.

— Я платный клиент. Я не ожидаю, что со мной будут так разговаривать.

— Если ты сядешь и заткнешься, может быть, кто-нибудь придет и обслужит тебя, — сказал Грей.

Джессика открыла рот и снова закрыла его, покачивая головой, словно пытаюсь разобраться в ситуации. Не обращая внимания на ее молчаливый протест, Грей взял Мэдди за руку и повел ее к двери кухни.

Мерфи поднял глаза от посудомоечной машины, когда они вошли.

— Эй, никаких посетителей здесь.

Мэдди вырвала свою руку из рук Грея и достала телефон из кармана пальто, быстро открыв его большим пальцем.

— Тебе не нужно смотреть, — голос Грея был низким. — Это заставит тебя чувствовать себя еще хуже.

— Мне нужно знать, насколько все плохо, — она открыла Твиттер и нахмурилась, когда эта чертова птица, казалось, застыла на экране.

— Все плохо, Мэдди, — мягко сказал он. — Очень плохо. Но я работаю над этим, хорошо?

На ее телефоне наконец-то открылся Твиттер, и она набрала свое имя. Когда появились результаты, она уставилась на экран, стараясь не заплакать.

Никогда в своих худших кошмарах она не представляла, что ее так размажут по социальным сетям. Плохо — это еще не то слово.

Грей наблюдал, как побледнело лицо Мэдди и разомкнулись ее губы, точно зная, что она видит. Он сам смотрел это и одно воспоминание об этом вызывало у него желание сесть в самолет до Лос-Анджелеса и протащить Брэда Риксона за волосы по Голливудскому бульвару.

Этот засранец заслужил это.

— О Боже, все это увидят, — голос Мэдди был слабым. — Джессика расскажет нескольким людям, они расскажут другим и все в городе будут знать.

— И когда они увидят это, они поймут, что ты была жертвой.

Она покачала головой.

— Нет. Они увидят во мне посмешище. Я не могу этого сделать. Я не могу вернуться туда и обслуживать клиентов, которые смотрят на это, — она зажмурила глаза, и из них выкатилась слеза. — Я просто... — ее голос надломился.

Мерфи подошел к Мэдди, бросив на Грея странный взгляд.

— Мэдди? Ты в порядке?

Она посмотрела на него, ее глаза заблестели и покачала головой.

Он взглянул на экран и нахмурился.

— Это ты?

Грей смотрел, как дрожат ее руки, когда она передавала ему телефон.

— Ты, наверное, захочешь, чтобы я ушла, — сказала она. — Я понимаю.

— Ты хочешь пойти домой? — спросил ее Мерфи.

— Нет, я имею в виду, что ты захочешь меня уволить.

Он нахмурился еще больше.

— Зачем мне увольнять своего лучшего работника?

— Ты же видишь, что это такое, Мерф? — спросила она, снова показывая ему свой телефон. — Это секс-видео. С моим участием. И все твои клиенты будут знать, как я выгляжу без одежды.

— Мэдди...

Она вдохнула воздух, ее грудь быстро поднималась и опускалась.

— Я не могу с этим справиться. Не могу. Мне нужно уйти...

— Я отвезу тебя домой, — сказал Грей. — Бекка ждет снаружи.

— Я не могу пойти домой. Мама не знает об этом, — она закрыла рот рукой. — О Боже, мама узнает.

У нее началась гипервентиляция, дыхание стало поверхностным и неровным. Грей потянулся к ней, но она отпрянула, словно его ладонь могла ее обжечь.

Он чувствовал себя беспомощным. И виноватым. Потому что это была его вина. Она жила с этим секретом долгие годы. Никто в городе не знал истинной причины ее отъезда из Анселла. Но теперь, благодаря ему, ее имя будет у всех на устах.

— Я закрою закусочную, — сказал Мерфи, его голос был тихим. — Иди домой, Мэдди. Туда, где тебе место, — он посмотрел на Грея, затем снова на нее. — Хочешь, я отвезу тебя?

— Моя машина снаружи. Я сама сяду за руль.

— Я поеду с тобой, — быстро сказал Грей. — Мы можем поговорить о том, что делать дальше. Позволь мне сказать Бекке, хорошо?

Голос Мэдди был твердым, несмотря на слезы.

— Нет. Мне нужно побыть одной, — ее руки были обхвачены вокруг тела, как будто она защищала себя. Казалось, что она отгораживается от него.

Господи, он чувствовал себя бесполезным. Он хотел что-то сделать. Что угодно, лишь бы убрать с ее лица уязвленное выражение. Он хотел заключить ее в свои объятия и защитить от всего.

— Ты не должна быть одна, — тихо сказал Мерфи. Грей теплел к нему с каждой минутой.

Она натянула куртку и достала ключи из кармана.

— Не могу сейчас находиться среди людей. Мне просто нужно время, чтобы подумать, — она сжала губы в мрачной улыбке. — Я поговорю с тобой позже.

— Ты уверена? — спросил ее Грей.

Она кивнула и это было похоже на удар ножом в сердце.

— Да, я уверена.

Затем она вышла из двери, ведущей на асфальтированную заднюю площадку и тихонько закрыла ее за собой.

— Ну, черт, — сказал Мерфи, когда она ушла. — А ведь всего несколько минут назад она говорила мне, как она счастлива, — он пожал плечами. — Думаю, нам лучше пойти и закрыться.

Первое, что заметил Грей, когда они вышли из кухни, это то, сколько людей вошло в закусочную за последние несколько минут. Второе — блондинка с пылающими глазами, стоявшая у стойки и стрелявшая в его сторону огненными кинжалами.

— Эшли, — он кивнул ей.

— Где Мэдди? — спросила она низким голосом. — Она знает о видео?

— Да, она знает, — прошептал он в ответ. Почти все в закусочной смотрели на них.

— Она на кухне? Мне нужно с ней поговорить.

— Она только что ушла.

— Куда?

— Домой, наверное, — Грей сглотнул.

— И ты позволил ей уйти? — голос Эшли повысился. Несколько человек, которые не смотрели на них, подняли головы и уставились на них. — Господи, Грей. Она, должно быть, в полном беспорядке.

— Она не позволила мне пойти с ней. Она хотела побыть одна.

— Боже мой, ты идиот, — она покачала головой. — Это все твоя вина, ты знаешь это?

— Да, знаю, — он сжал свою здоровую руку в кулак.

— Если бы ты не вернулась в город и не заставил ее влюбиться в тебя, этого бы никогда

не случилось, — она тяжело вздохнула. — Я обещала ей, что никто никогда не узнает, — ее глаза вспыхнули. — Ты сделал меня лгуньей.

— Я не делал тебя никем, — заметил он. — И разве это имеет значение, даже если бы сделал?

Мэдди влюблена в меня?

Он отложил эту мысль на потом.

— Нет, думаю, нет.

— Эшли. Я удивлена видеть тебя здесь. Думала, вы с Мэдди не разговариваете.

Джессика все еще была здесь?

Грей заложил руки за спину, потому что бить женщину было невежливо.

— Она моя сестра, Джессика.

— Я так не думаю. Не после того, как она начала спать с твоим бывшим. Я бы убила свою сестру, если бы она так поступила, — Джессика наклонилась вперед и заговорщически прошептала. — Ты видела видео? Поэтому она нравится Грею?

— Знаешь что, Джесс? — сказала Эшли, в ее голосе звучало отчаяние. — Почему бы тебе не отвалить?

Вся закусочная замолчала. Достаточно, чтобы Мерфи услышали, когда он крикнул, что закрывается рано.

— Что ты сказала? — Джессика моргнула.

— Ты слышала меня, — Эшли прижалась к ней. На мгновение он словно вернулся в школу, наблюдая, как чирлидерши издеваются друг над другом за какую-то воображаемую провинность.

— Я на твоей стороне, — шипела Джессика. — Твоя сестра обидела тебя.

— Да, но мне не нужна твоя поддержка. И Мэдди тоже, — Эшли повернулась к Грею. — Я собираюсь найти свою сестру. Ты идешь?

— Да, — сказал он. — Я иду.

Она схватила его за руку.

— Тогда пойдем.

Глава 27

— Отличная машина, — сказал Грей, садясь в серебристый Мерседес Эшли. Салон был чист, кожаные сиденья начищены до блеска.

— Спасибо, — она включила зажигание. — Какая у тебя машина?

— В Лос-Анджелесе? Приус.

Она выехала с парковки.

— Никогда бы не подумала, что ты заботишься об окружающей среде.

— Я не люблю делать вещи хуже, чем нужно, — он пожал плечами и пристегнул ремень безопасности.

— Мог бы и обмануть меня.

Он приподнял бровь.

— Туше.

Его телефон зазвонил, когда она повернула налево от площади, направляясь к дому, где жили Мэдди и ее мама.

— Мне нужно ответить. Это мой менеджер.

— Конечно. Твоя карьера всегда на первом месте.

Он закатил глаза и включил громкую связь.

— Марко.

— Я в звукозаписывающей компании. У нас тут полный ад. Мы работаем над стратегией, чтобы снизить накал ситуации.

— Брэд Риксон там?

— Нет. Он затаился, но я видел его менеджера с одним из больших начальников. Не думаю, что они устраивали какие-то вечеринки. В любом случае, я позвонил потому, что я с Энджи.

— Мой пиарщик?

Эшли покачала головой.

— Да. Она делает все возможное, чтобы убрать видео, но эта лошадка уже ускакала. Нам нужно раскрутить историю сейчас как можно лучше.

— Я слушаю.

— Ее машины здесь нет, — сказала Эшли, заглядывая в лобовое стекло. — Оставайся здесь, я проверю, внутри ли Мэдди, — она вылезла из машины и громко хлопнула дверью.

— Хорошо, — Марко продолжал говорить с Греем. — Мы готовим второе интервью для журнала «Рок», но, конечно, оно выйдет только в следующем месяце. Нам нужно что-то срочное, поэтому Энджи обзванивает все поздние вечерние телешоу. Мы надеемся, что у Дэна О'Лири найдется место для тебя.

— Вы хотите, чтобы у меня взяли интервью? — он не мог сидеть здесь и ждать. Держа телефон в руке, он вылез из машины. — Я не могу лететь в Лос-Анджелес, я нужен здесь.

— Ты мог бы взять с собой Мэдди. Сделать эксклюзив о ваших отношениях, — предложил Марко. — Это точно привлечет внимание сплетников.

— Этого не случится, — прорычал Грей. — Я не собираюсь подвергать Мэдди всем этим спекуляциям.

— Рада это слышать, — сказала Эшли, выходя из дома. — И ее здесь нет. Нам нужно вернуться в машину.

— Кто это с тобой? — спросил Марко. — Это Мэдди?

— Это ее сестра.

— Ее сестра, то есть твоя бывшая? — голос Марко повысился. — Грей, не делай хуже, чем есть.

— Можешь передать ему, что я слышу каждое его слово? — сказала Эшли сквозь стиснутые зубы.

— Мне жаль, — Марко вздохнул. — Но это действительно беспорядок, Грей. Нам нужно разобраться с этим, пока звукозаписывающая компания не разозлилась. Я забронирую тебе билет на завтрашний рейс.

— Я не полечу. Не собираюсь сидеть и выкладывать все Дэну О'Лири.

— Нет, ты собираешься, — сказала Эшли. — Ты собираешься попасть на это телешоу и очистить имя моей сестры. Черт, Лаура тоже ее не видела. Как ты думаешь, она могла пойти к тебе?

— Нет. Бекка позвонила бы, если бы она была там, — Грей сжал губы.

Где она?

— Хорошо. Нам нужно подумать, где она может быть. Есть идеи?

— Марко, мне нужно найти Мэдди. Я могу тебе перезвонить?

— Конечно. Я закажу тебе билеты, пока ты будешь искать и договорюсь о машине, которая заберет тебя утром.

— Отлично, — с сарказмом сказал он, завершая разговор. — Как думаешь, она может еще ездить по округе? — спросил он Эшли.

— Она плакала?

Его сердце сжалось.

— Да, плакала, — тихо сказал он.

— Тогда нет. Очень трудно вести машину, когда плачешь, — она выдохнула полный рот воздуха. — Спроси меня, откуда я знаю.

— Эш...

Она покачала головой.

— Не обращай на меня внимания. Я снова веду себя как сука. Я просто хочу найти свою сестру.

— Мне жаль, — сказал он ей, его голос был мягким. — Мне действительно жаль, что я разбил твое сердце.

Эшли кивнула, отгоняя машину с подъездной дорожки.

— Спасибо. Думаю, это все, что мне нужно было услышать.

— И у меня есть идея, где найти Мэдди.

— Где? — она переключила передачу.

— На озере.

Эшли нахмурилась.

— Какого черта Мэдди должна быть там?

— Мы ездили туда однажды. Она сказала, что в детстве ее туда не пускали. Я рассказал ей, что раньше это было мое любимое место для размышлений.

— Хорошо, — Эшли не была так уверена. — Но я припаркуюсь на дороге. Не хочу пачкать машину.

Когда они подъехали к повороту, в грязи были свежие следы от шин. Грей посмотрел сквозь деревья и заметил красную машину, припаркованную в стороне.

— Это ее машина.

— Хорошо, — Эшли посмотрела вниз на свои ноги. — Уф. Мне придется испортить эти туфли.

— Я схожу за ней.

— Нет, не пойдешь, — она покачала головой. — Это работа для сестры. Почему бы тебе не пойти домой, а я попрошу ее позвонить тебе позже?

— Нет. Я никуда не пойду.

— Ты всегда был упрямым засранцем.

Он усмехнулся.

— Ты помнишь.

— Ну, останься здесь ненадолго. Я хочу поговорить с ней, как сестра с сестрой, хорошо?

Он с любопытством посмотрел на нее.

— Думал, вы не разговариваете.

— Да, но все изменилось.

— У меня такое чувство, что под твоей ледяной манерой поведения скрывается золотое сердце.

— Заткнись, — сказала Эшли, выключая зажигание. — За это замечание я не оставлю тебе кондиционера.

— Я выйду. Использую природное охлаждение. Я водитель Приуса, помнишь?

— Неважно, — она открыла дверь. — Только не попади грязью в мою машину.

— Даже не мечтаю об этом.

Он вылез со стороны пассажира и наблюдал за осторожными шагами Эшли, пока она пыталась избежать погружения каблучков в грязь. Он сдержал усмешку, когда она споткнулась и была вынуждена опереться на дерево, чтобы удержаться на ногах.

Как только она скрылась из виду, он прислонился к ее машине и вздохнул. Это был долгий день и казалось, что он только начинается.

Мэдди подобрала камень и бросила его в озеро. Она выключила телефон. Девушка не могла больше смотреть на это проклятое видео. Она думала, что видела его последний раз много лет назад, когда Брэд удалил его по настоянию декана.

Она чувствовала себя оскорбленной. И пристыженной. Мысль о том, что люди в этом городе могут увидеть это, заставляла ее кричать. Она подобрала другой камень и бросила его с такой силой, что у нее заболело запястье. Он совершенно не попал в озеро и отскочил от дерева слева.

— Вот ты где. Ты когда-нибудь пыталась пройти по грязи на шпильках?

Узнав голос, Мэдди обернулась и обомлела. Ее обычно безупречная сестра держала в руках пару туфель, покрытых грязью. Ее ноги в чулках были покрыты грязью. А ее волосы выглядели так, словно она побывала на битве.

— Эш?

— Грей подумал, что ты можешь быть здесь, — она сморщила нос. — Мне не нравится, что он был прав.

— Почему ты здесь?

— Потому что я беспокоюсь о тебе, — Эшли на цыпочках прошла по траве и посмотрела на бревно, на котором сидела Мэдди. На нем был мох, а часть коры отходила.

— Взялась за дело... (имеется в виду пословица: «Взялся за дело, доводи до конца») — Эшли пожала плечами и разгладила юбку, присев рядом с Мэдди.

— Тебе стоит купить себе пару джинсов, — предложила Мэдди.

— У меня есть. Я надеваю их, когда мы украшаем дом.

— Раз в год на Рождество? — губы Мэдди дернулись.

— Именно так, — Эшли пожала плечами. — Мне не очень нравилась эта юбка. Или эти туфли, — она прислонилась к Мэдди, ударившись о ее плечо. — Как ты, малышка?

— Мы уже разговариваем?

— Похоже на то, — Эшли склонила голову набок. — Если ты не хочешь, чтобы я ушла?

— Ты можешь остаться, — Мэдди пожала плечами, стараясь быть бесстрастной. На самом деле она хотела, чтобы Эшли была с ней. Это успокаивало, словно теплое одеяло вокруг ее тела. — Даже, если я разбила тебе сердце.

Эшли фыркнула.

— Возможно, я немного преувеличила. Я была расстроена из-за тебя.

— Я получила это сообщение. Я не понимала, насколько Грей важен для тебя.

— Это не так, — Эшли махнула рукой. — Это говорило мое эго. Ничего больше, — она положила голову на плечо Мэдди. — Ты, наверное, заметила, что оно у меня довольно большое.

— Я не заметила.

— И именно поэтому я люблю тебя, — Эшли улыбнулась ей. — В любом случае, меня

разозлило то, что Грей Хартсон был не против бросить меня, но при этом он хотел тебя настолько, что навлекал на себя всеобщий гнев. Это ударило меня по больному месту. Прямо в мою самооценку, — она притворилась, что согнулась от боли. — И я выместила это на тебе. Мне жаль.

— Все в порядке. Это не имеет значения.

— Нет, имеет. Но, думаю, сейчас у нас есть более важные дела.

— Например, ты собираешься тайно вывезти меня из города и отправить на необитаемый остров, где нет Wi-Fi?

— Тебе не нужно шутить со мной. Я знаю, как это больно.

Эшли скользнула рукой по плечам Мэдди. Это было похоже на то, как будто она открыла плотину. Слезы собрались в глазах Мэдди. Злые. Обиженные. Стыдливые. Они лились по щекам, пока она думала об этой проклятой записи.

— Все будут смотреть его.

— Я знаю, — Эшли кивнула.

— И они все увидят меня голой в постели рядом с этими двумя... — голос Мэдди запнулся. — Они будут смеяться надо мной. Так же, как Брэд и его друзья.

— Нет, не будут, — голос Эшли был уверенным. — Потому что в этом нет ничего смешного, Мэдди. То, что он сделал, было не просто аморально, это было незаконно. Он записал тебя и выложил в сеть без твоего согласия. Ни в чем из этого нет твоей вины. Ни капли. Люди беспокоятся о тебе. Вот и все.

— Джессика выглядела весьма самодовольной по этому поводу.

— Да, ну она сука. И если я услышу, что она что-то говорит, я ей врежу.

Мэдди фыркнула.

— Я не думаю, что смогу сделать это снова. Я недостаточно сильна.

— Нет, достаточно. И один парень у моей машины хочет посмотреть, насколько ты сильная. Мне пришлось практически сдерживать его, чтобы он не пошел со мной.

— Грей здесь? — Мэдди нахмурилась.

— Я не смогла удержать его, — Эшли закатила глаза. — А я пыталась, поверь мне. Думаю, что ты действительно нравишься этому парню.

Да, ну, чувство было взаимным.

Мэдди он нравился слишком сильно. Страх снова пострадать, тянул ее, заставляя свернуться в клубок, как броненосец, оставив на всеобщее обозрение только свою твердую броню.

Жизнь была проще, если не подвергать себя опасности. Гораздо спокойнее, когда ты позволяешь себе быть жесткой по отношению к миру. На один безрассудный миг она обнажила свою нежную плоть и ножи вонзились в нее.

Она была идиоткой. Потому что она знала, что это случится.

— Я хочу домой, — прошептала она.

Эшли взяла ее за руку.

— Хорошо.

— И я хочу съесть столько мороженого, сколько весит мое тело.

— Мы можем это сделать, — Эшли кивнула.

— А когда оно закончится, я хочу открыть бутылку виски и пить, пока все не исчезнет.

— Из того, что я знаю о тебе, это случится всего через две стопки, — Эшли встала и потянула Мэдди за собой. — Пойдем, отвезем тебя домой.

Глава 28

Эшли повернула машину на Малберри Драйв, нажала на тормоз, чем заставила Мэдди и Грея рвануть вперед. На пассажирском сиденье Грей машинально уперся руками в приборную панель и поморщился от боли в поврежденной руке. Он как раз набирал сообщение Бекке, прося ее забрать машину Мэдди. Он предложил отвезти ее домой, но Эшли заявила, что в ее машине они будут в большей безопасности. В конце концов, Грей не стал спорить.

— Проклятье.

— Ты их видишь? — спросила Эшли, глядя прямо в лобовое стекло.

Мэдди наклонилась вперед с заднего сиденья.

— Кого их?

— Прессу, — Грей опустил голову на сиденье. — Быстро они. Должно быть, местные. Никто не смог бы так быстро добраться сюда из Нью-Йорка или Лос-Анджелеса.

— Мама там, — сказала Мэдди. Грей повернулся, чтобы посмотреть на нее и увидеть ее обеспокоенное выражение лица. — Мы должны пойти помочь ей.

— Я позвоню ей, — Эшли наклонилась и достала телефон из сумочки, разблокировав его одним движением пальца. — Мама? — сказала она, как только звонок соединился. — Ты в порядке?

— Я полагаю, ты имеешь в виду цирк возле дома. Они пытались постучать несколько раз, но я их игнорировала, — ее голос прозвучал через громкий динамик. — Мэдди с тобой?

— Я здесь и со мной все в порядке, — солгала Мэдди. Она ни за что не хотела причинять маме еще больше беспокойства.

— Звонил преподобный Мейтланд. Сказал, чтобы я не выходила в интернет и не смотрела видео. Я сказала ему, что понятия не имею, как пользоваться всемирной паутиной. В любом случае, он приедет и приведет с собой нескольких друзей. Сказал, что пообщается с прессой за нас.

Глаза Мэдди встретились с глазами Грея. Они все еще были слезящимися. Но впервые с тех пор, как она вернулась в машину с Эшли, он увидел в них что-то кроме печали. Возможно, юмор. И немного злости. Ему понравилась эта перемена больше, чем он мог бы сказать.

— Мэм, я отвезу Мэдди в безопасное место, — сказал ей Грей.

— Только не забирай ее к себе домой. Джина позвонила и сказала, что там тоже есть люди, которые стучат в дверь.

— Черт, — Грей выдохнул. — Я попробую найти нам гостиницу, где можно остановиться.

— Нет, — Эшли покачала головой. — Я отвезу ее к себе домой. Они не найдут нас там. А если и найдут, то я живу в огромном поместье с закрытыми воротами. Никто не сможет к ней приблизиться. Мама, я перезвоню тебе позже.

Мысль о том, что Мэдди будет вдали от него, словно удавка сдавливала его грудь. Но он знал, что это правильно. Она не была готова к такому воздействию. Сначала он должен был все исправить.

— Хорошо, — сказал он. — Похоже, так будет лучше. Завтра я улетаю в Лос-Анджелес, но вернусь в начале следующей недели. Надеюсь, к тому времени все успокоится, и мы сможем вернуться к нормальной жизни.

— Разве я не имею права высказаться по этому поводу? — спросила Мэдди, выгнув

бровь.

Грей улыбнулся.

— Конечно, да. Куда ты хочешь поехать? Если ты предпочитаешь отель, я найду его.

Она вздохнула.

— Нет, все в порядке. Я поеду к Эшли.

— Тебе, наверное, лучше уходить отсюда, Грей, — сказала Эшли, разворачивая машину. — Иди домой через лес. Так тебя никто не заметит.

— Могу я сначала попрощаться с моей девочкой?

— Не тяни, — пробормотала Эшли. Но потом она остановила машину, отстегнула ремень безопасности и вылезла. — У тебя есть одна минута, а потом я вернусь. Не пачкайте мою машину, хорошо?

Она вышла, не обращая внимания на иронию по поводу того, что ее ноги и обувь покрыты засохшей грязью. Как только дверь закрылась, Грею удалось пролезть через щель в сиденьях, пока он не оказался рядом с Мэдди.

— Ты мог бы пройти через дверь, — сказала ему Мэдди. Он ненавидел то, что ее голос был таким напряженным от эмоций.

— Мы так не поступаем, не так ли? — он протянул руку, чтобы вытереть слезы на ее щеках. — Мы занимаемся скалолазанием.

— Как Ромео и Джульетта.

— Надеюсь, с менее трагическим исходом, — его глаза были мягкими, когда он улыбнулся ей. — Мне жаль, что я втянул тебя в этот беспорядок. Ты этого не заслуживаешь, — он прижался губами к ее губам. Они были мягкими и припухшими и Грей почувствовал боль за нее. — Я бы хотел, чтобы это исчезло.

— Я тоже, — прошептала она, ее рот приблизился к его.

Он скользнул рукой по ее спине и притянул ее к себе, углубляя поцелуй, наслаждаясь тем, как ее дыхание вырывается из его губ. Когда он отстранился, ее глаза были горящими и пылкими и только усилием воли он не поцеловал ее снова.

— Я должен идти, — сказал он ей. — Пока Эшли не устроила скандал.

— Она была такой милой сегодня.

— Да, — сказал он с улыбкой. — Это заставляет меня нервничать.

Она засмеялась. Это был тихий и приглушенный, но все же смех. Он принял его.

— Она в порядке, — мягко сказала она. — Временами она может быть стервой, но она всегда была рядом со мной, когда я в ней нуждалась.

— Не заставляй меня любить ее, — предупредил он. — Это слишком.

Водительская дверь открылась и Эшли заглянула внутрь.

— Ты закончил? — спросила она Грея.

Его глаза поймали взгляд Мэдди.

— Мы даже не начали.

— Просто выходи, — сказала Эшли со вздохом. — Пока папарацци не поймали тебя в моей машине.

Он поцеловал кончик носа Мэдди.

— Позвоню тебе позже. Я буду в Лос-Анджелесе два дня. Максимум три.

— Куда ты сейчас пойдешь?

— К отцу. Мне нужно собрать вещи. И я хочу убедиться, что с ними все в порядке.

— Будь осторожен.

— Я могу справиться с прессой. Я занимаюсь этим уже много лет. Я беспокоюсь только о тебе.

— Если ты так волнуешься, может, ты тогда уберешься отсюда, пока нас всех не завалила толпа, — Эшли забралась внутрь и с грохотом закрыла дверь.

— Я передумал, — сказал Грей Мэдди. — Она мне нравится. Так же, как нравится Ганнибал Лектер.

— Убирайся, рок-звезда.

Он усмехнулся. Он не мог представить себе время, когда ему не нравилось прикалываться над Эшли. Возможно, это было хорошо. Знала Мэдди об этом или нет, но он планировал остаться здесь надолго.

— Твой отец в кабинете, — сказала ему тетя Джина, когда Грей вошел в дверь кухни. — Возможно, ты захочешь сказать ему, что ты дома.

Грей выдохнул воздух через рот. Меньше всего ему нужна была еще одна конфронтация с отцом. А он знал, что это будет конфронтация. На дороге стояли бессистемно припаркованные машины, а в конце подъездной дорожки толпились журналисты и фотографы. Они не заметили, как он вернулся домой, благодаря черному ходу через лес, но это был лишь вопрос времени, когда они придут и снова постучат в дверь.

— Я схожу к нему.

— Я предупредила Бекку обо всех этих машинах. Сегодня она останется у своей подруги Элли, — сказала тетя Джина, развязывая фартук, который она надевала, чтобы помыть посуду. — Я иду к Дженни Кларк. Мы все по очереди посидим с ней.

Еще одна вещь, за которую он был ответственен.

— Должен ли я оплатить номер в гостинице для мамы Мэдди, пока все не утихнет?

Лицо тети Джины смягчилось. Она прошла вперед и погладила его по щеке.

— Ты хороший мальчик, ты знаешь это? Но нет, Дженни предпочитает оставаться в своем доме. Она знает, где что находится. Он адаптирован для нее. Она подождет пока они уйдут. У нее достаточно времени, — выражение ее лица стало мрачным. — А если они попытаются с ней связаться, им придется пройти через нас.

Через несколько минут Грей вошел в кабинет отца.

Его отец поднял взгляд от газеты, которую читал.

— Вижу, ты устроил хаос на улице.

Грей прислонился к дверному косяку, засунув руки в карманы.

— Тебе не стоит беспокоиться. К завтрашнему дню они уйдут. Я отправляюсь в Лос-Анджелес.

— Ты уезжаешь?

— На несколько дней. Мне нужно сделать несколько вещей.

— Хм.

— У меня будет интервью. Обо мне и Мэдди Кларк.

— От твоих отношений у меня голова кругом идет. Кажется, не так давно ты и Эшли встречались.

Грей решил, что может привыкнуть к разговору с враждебной аудиторией.

— Я встречался с Эшли, когда был ребенком. Но Мэдди — та женщина, в которую я влюбился.

— Верно, — его отец аккуратно сложил газету, отодвинув ее в сторону, чтобы уделить

Грею все свое внимание. — И ты планируешь разбить сердце и этой девушке Кларк? Первое может быть воспринято как ошибка. Второе выглядит так, будто ты нацелился на семью.

— Я вовсе не планирую причинять ей боль. Я влюблен в нее.

Бровь его отца приподнялась.

— Ах. Это звучит грязно.

— Я не жду твоего благословения, — сказал ему Грей. — Я научился за эти годы жить без этого. Просто хочу, чтобы ты знал, на случай, если услышишь разговоры людей.

— Я не слушаю сплетни.

— Я знаю это.

Его отец заставил себя встать, поморщившись, когда его колени хрустнули. Положив ладони на стол, он наклонился вперед, поймав взгляд Грея.

— Знаю, ты думаешь, что я был жесток с тобой.

— Я не думаю, я знаю. Ты постоянно драл мне задницу в детстве. И во взрослой жизни. Почему, по-твоему, я все эти годы не возвращался домой?

Его отец поморщился.

— На это есть причина. Жизнь трудна, Грей. Чертовски трудна. Я хотел, чтобы ты и твои братья были достаточно выносливыми, чтобы выдержать это. Видит Бог, я бы хотел, чтобы кто-нибудь научил меня этому.

Сердце Грея стучало о грудную клетку. Он подумал о всех тех годах, когда он отчаянно искал одобрения отца, но вместо этого получал его осуждение. Да, это сделало его жестким. Достаточно твердым, чтобы противостоять этому сейчас.

Но какой ценой?

— Я просто хотел твоей любви, — сказал ему Грей. — Но я знаю, что у тебя ничего этого не осталось. Не после смерти мамы, — он глубоко вздохнул. — Но я понял, что она мне не нужна. Больше не нужна. Я не боюсь тебя, папа. Мне тебя жаль.

Отец поджал губы и схватил свою трость, тяжело опираясь на нее.

— Я старый человек, Грейсон. Слишком старый, чтобы измениться и начать говорить о любви и счастье, — он подошел к тому месту, где стоял Грей. — Но, может быть, тебе стоит заглянуть в верхний ящик моего стола. Возможно, ты чему-то научишься.

Грей отошел влево, чтобы его отец мог пройти через дверной проем.

— Я собираюсь посидеть в саду, — сказал он. — Думаю, к моему возвращению ты уже уйдешь.

Грей молча наблюдал за уходом отца. Любопытствуя, он подошел к старому письменному столу отца из красного дерева и сел в зеленое кожаное кресло, которое тот только что освободил. Оно было еще теплым.

Он просунул пальцы своей здоровой руки под ручку и потянул ящик, нахмурившись, когда тот заело. Еще один рывок, и тот нехотя открылся.

Грей потянулся внутрь, чтобы вытащить что-то. ДИСК. Он поднес его к глазам и увидел, что это один из его дисков. Его второй альбом, с голым татуированным торсом на лицевой стороне.

Там были еще диски. Всего их было четыре. А еще там были распечатанные программы его гастролей — те, которые тетя Джина, должно быть, привезла с собой. Моргнув, он достал большой альбом и открыл его. Страницы были покрыты журнальными и газетными статьями, а также флаерами с его концертов. Грей осторожно перелистывал страницы, его горло засадило, пока он читал ранние рецензии на свой первый альбом, когда еще никто не

знал, кто он такой.

И вот наклеена последняя статья. Его интервью журналу «Рок». Должно быть, его отец сделал это сегодня утром.

Слезы навернулись ему на глаза. Он смахнул их, закрыл альбом и аккуратно положил его в ящик. Верхняя часть книги зацепилась за что-то. Рамка. Грей осторожно поднял ее и перевернул, чтобы посмотреть на фотографию. Она была цветной, но выцветшей, как будто ее слишком долго держали на солнце. Тем не менее, она была достаточно четкой, чтобы Грей смог узнать людей, стоящих во дворе этого самого дома.

Его отец выглядел таким молодым. Он не мог быть намного старше, чем Грей сейчас. И он стоял рядом с красивой молодой женщиной. Мамой Грея. У нее на руках был ребенок — он сам, как он предположил, и они вдвоем смотрели на малыша, улыбки озаряли их лица.

Он тяжело сглотнул. Он никогда раньше не видел эту фотографию. Никогда не видел ее на столе отца или в его спальне.

Неужели он спрятал ее, потому что воспоминания были слишком болезненными?

Бог знал, что Грею было больно смотреть на нее.

Когда он задвинул ящик стола и встал, чтобы выйти из кабинета, в груди у него все еще было тесно.

Его отец был слишком стар, чтобы измениться, он и сам это признавал, но, возможно, Грей мог с этим жить. Даже понять это. Потому что, если бы он потерял Мэдди так же, как его отец потерял маму, это убило бы его.

С этой мыслью он направился вверх, чтобы собрать вещи, необходимые для полета в Лос-Анджелес. Пришло время отстоять единственное хорошее, что было в его жизни.

Глава 29

Мэдди хандрела и ей это ни капельки не нравилось. Она не позволяла вещам влиять на себя, не теперь. У нее была пружинистая кожа, проблемы отскакивали от нее и переходили к кому-то другому. А что не отражалось? Ну, обычно у нее был саркастический ответ, благодаря которому казалось, что это не больно.

Но это видео и все комментарии, которые люди делали по этому поводу? Они ранили ее до глубины души. Некоторые говорили, что она — золотоискательница, раз положила глаз сначала на Брэда Риксона, а потом на Грея Хартсона. Другие смеялись над ней, спрашивая, как она может спать, когда рядом с ней двое занимаются сексом.

И да, были и добрые слова. Люди говорили, как отвратительно, что Брэд записал, как он изменяет ей, пока она спит. Другие призывали привлечь его к ответственности за сексуальные преступления.

В любом случае, от всего этого ей хотелось спрятаться. Вырваться из этого тела и забиться в темный угол, пока сплетни не утихнут.

Если они вообще утихнут. Хартсонс Крик был маленьким городком. Люди здесь сплетничали так же, как вдыхали кислород.

— Грейс хочет, чтобы ты почитала ей сказку, — сказала Эшли, входя в гостиную. — Если ты согласна.

— Конечно, согласна, — Мэдди решительно положила телефон. — Я с удовольствием почитаю ей.

— Когда ты спустишься, мы можем открыть бутылку вина и съесть мороженое, о котором ты говорила. И посмотреть что-нибудь на Netflix.

— Ты уверена, что я не создаю тебе проблем своим присутствием? — спросила

Мэдди. — Не могу представить, что так ты планировала этот вечер.

— Дорогая, ты моя сестра. Нет ничего важнее, чем убедиться, что с тобой все в порядке.

Было странно, как легко они ссорились и снова мирились. Так было с тех пор, как они были маленькими девочками. Возможно, кровь действительно гуще воды. Потому что Мэдди чувствовала, как ее охватывает любовь к сестре.

Она почувствовала и кое-что еще. Силу, которую она искала весь день. Она не исчезла навсегда, она просто спряталась на время. Зализывала раны, обдумывая свой следующий шаг. Она почувствовала, что ее позвоночник выпрямился. Не настолько, чтобы это было заметно, но это было так.

Ей надоело хандрить и быть жертвой. Это была не она. Больше нет.

— Могу я получить отсрочку на фильм? — спросила она сестру. — Потому что сначала я должна сделать кое-что еще.

— Что? — Эшли недоуменно улыбнулась.

— Мне нужно заказать билет. Я еду в Лос-Анджелес, чтобы встретиться с Греем.

— Хорошо, давай еще раз все обсудим, — сказала Энджи, его консультант по связям с общественностью, глядя на записи, которые она сделала на своем телефоне. — Мы договорились, что ты будешь говорить о предстоящем альбоме, о своей руке и, конечно же, о тебе и Мэдди, но не должно быть никаких упоминаний о Брэде Риксоне и его участии в записи. Не сейчас, когда звукозаписывающая компания все еще консультируется со своими юристами.

— А если Дэн О'Лири спросит меня о нем?

— Он согласился не спрашивать. Это всего лишь пятиминутный фрагмент. Когда он будет закончен, ты исполнишь «Вдоль реки», — она улыбнулась ему. — Без гитары, конечно.

— У нас есть отличный ведущий гитарист, который сыграет для тебя, — сказал ему Марко. — Алекс Драммонд. Ты ведь знаешь его, верно?

— Я гастролировал с ним.

— Отлично. У вас, ребята, будет немного времени на репетиции перед началом шоу. Вам нужно быть в студии к шести.

— А перед этим ты встретишься с Ричем Чарльзом из журнала «Рок», — сказала ему Энджи. — Он присоединится к тебе на ранний ужин. Это дает нам час времени. Может, повторим несколько вопросов? — спросила она, светло улыбаясь. — Я могу записать нас на диктофон, и мы сможем посмотреть на тебя со стороны, если это поможет?

Нет, это не поможет. Ни капельки.

Дело в том, что он не хотел быть здесь. Он хотел быть в маленьком городке за три тысячи километров отсюда, опираясь на стойку закусочной, где подавали худшую яичницу в стране. Он хотел наблюдать за красивой женщиной за ней. Ловить ее взгляд.

Он хотел того, что у него было. Теперь, когда он вернулся в Лос-Анджелес, он остро ощущал потерю.

Не помогло и то, что вчера вечером, когда он прибыл в аэропорт Лос-Анджелеса, его встретила толпа папарацци. Вспышки света на мгновение ослепили его, пока он прокладывал себе путь к выходу, осознавая, что телохранитель, нанятый звукозаписывающей компанией, стоит прямо за ним. Грей не был маленьким человеком, при росте сто девяносто два сантиметра, но этот защищающий гигант превосходил его.

И он ненавидел, что ему нужна эта защита.

Он проверил свой телефон, чтобы узнать, ответила ли Мэдди на сообщение, которое он отправил ранее, но оно все еще оставалось неп прочитанным. Он нахмурился, затем набрал сообщение Бекке, спрашивая, все ли в порядке в Хартсонс Крик.

Ее ответ пришел быстро.

Да. Большая часть прессы уехала. Мерфи начал угрожать, что приготовит им завтрак, думаю, это их окончательно распугало.

— Ты в порядке? — спросил его Марко.

Грей вздохнул.

— Да, я в порядке. Просто хочу, чтобы это закончилось. Чтобы пресса оставила меня в покое.

— Это цена, которую ты платишь, — напомнил ему Марко. — Раньше тебя это никогда не волновало.

— Может быть, я изменился.

Марко заставил себя улыбнуться.

— Будем надеяться, что ты не слишком изменился. Ты нравишься своим поклонникам таким, какой ты есть. К завтрашнему дню ты станешь вчерашней новостью. Просто приди на шоу О'Лири, скажи, о чем мы договорились, а Энджи сделает все остальное.

И что потом?

Вот в чем был вопрос. С тех пор как это видео попало в сеть, он чувствовал ноющую боль в животе. Ему достаточно было вспомнить лицо Мэдди, когда она посмотрела на свой телефон, чтобы понять, насколько она была опустошена тем, что ее секрет стал известен. Даже если пресса перестанет говорить об этом, добрые жители Хартсонс Крик не перестанут. Благодаря ему Мэдди придется жить с этим.

В его голове пронеслась еще одна мысль. Та, которая заставила эту жалость превратиться в настоящую боль.

Что, если все это было слишком тяжело для нее? Что, если она решит, что не хочет быть в центре внимания? Что ей лучше оставаться в тени, чем быть со мной?

Он стиснул зубы при одной мысли об этом. Эти несколько недель с ней изменили его жизнь. Она показала ему другой образ жизни. Тот, в котором не было постоянных гастролей, папарацци и бессмысленных отношений. Мэдди была настоящей и только она видела его душу.

Потеря ее может убить его.

Телефон Марко зажужжал.

— Твоя машина здесь, — сказал он Грею. — Мы поедем в ресторан немного раньше.

Грей попрощался с Энджи и вслед за Марко вышел из конференц-зала. Коридор был широкий, стены увешаны плакатами и золотыми дисками и Грей поднял бровь, увидев там свой последний.

— Грей, — позвал голос. — Могу я с тобой поговорить?

Он поднял глаза и увидел женщину лет тридцати, идущую к нему. Ее волосы были коротко подстрижены и выкрашены в платиновый цвет. В своих драных джинсах и обтягивающей черной футболке она вполне вписывалась в здешнюю обстановку.

— Не сейчас, Рэй, — сказал Марко. Затем он тихо пробормотал Грею: — Это менеджер Брэда Риксона.

— Это не займет много времени, Марко. Брэд хотел бы поговорить с Греем, — она

подняла брови. — Чтобы извиниться.

— Мне нечего ему сказать, — ответил ей Грей, внутри него разгорался огонь. — И извиняться ему нужно не передо мной.

— Он хотел бы устроить встречу и с Мэдди, — улыбка Рэй была примирительной. — Он осознает, как много он испортил в юности, и ему все это отвратительно. Он так же, как и ты, расстроен тем, что это просочилось. Это, должно быть, был кто-то из учебного заведения, в котором они оба учились.

— Это не очень хорошая идея, — твердо сказал Марко. — Спасибо, но нет.

— Это было много лет назад, — запротестовала Рэй, когда они проходили мимо нее. — Неужели ты позволишь разрушить его карьеру из-за этого? Это была неудачная шутка. Плохое суждение. Разве мы все не совершаем ошибки? Давай, хотя бы поговори с ним. Как мужчина с женщиной.

Грей обернулся, его глаза пылали.

— Он не гребаный мужчина, он мудака. А я не имею дел с мудаками и точка. Если ты его менеджер, то советую тебе держать его подальше от меня, если не хочешь управлять мертвым певцом.

— Грей, — пробормотал Марко, похлопывая его по руке. — Сохраняй спокойствие.

— Он разрушил жизнь Мэдди, ты знала об этом? — сказал ей Грей. — Она ушла из Анселла из-за него. Бросила свою музыкальную карьеру. Так что не проси меня сожалеть о том, что его карьера разрушена. Он заслуживает гораздо большего.

— Все в порядке? — спросил Лиам, его охранник, выходя из лифта. — Машина все еще ждет внизу и берег чист.

— Мы уже идем, — заверил его Марко, направляя Грея по коридору.

— Позвони мне, если передумаешь, — крикнула Рэй вслед удаляющимся спидам. — У Марко есть мой номер.

— Мы не будем ей звонить, — пробормотал Грей, когда они входили в открытый лифт. — Ни сейчас, никогда-либо еще.

— Конечно, не будем, — Марко кивнул. — Пойдем, поговорим с журналистами. Начнем выкладывать все начистоту.

Прошло меньше двух месяцев с тех пор, как Грей пел перед такой аудиторией, но казалось, что между тем временем и сейчас прошла целая жизнь. Он чувствовал себя голым без гитары. Он наклонился к микрофону, его здоровая рука обвилась вокруг стойки, и он посмотрел на толпу.

Они были на его стороне. Он знал это с того самого момента, когда они бурно зааплодировали, как только Дэн О'Лири назвал его имя. Они снова зааплодировали, когда он сказал им, что Брэд Риксон — засранец, хотя Дэн и извинился за выражения Грея.

— Это единственное, что я могу придумать на данный момент, чтобы избежать исключения из эфира, — сказал ему Грей. — А я не хочу, чтобы это случилось.

Зрители засмеялись, и он понял, что они на его стороне. Он подумал, смотрит ли Мэдди шоу в доме Эшли. Он надеялся, что да.

Энджи предложила ему спеть одну из его самых популярных песен.

— Сейчас не время пробовать свои новые композиции, — сказала она ему. — Ты хочешь, чтобы фанаты сразу же нашли с тобой общий язык: и те, кто в зале, и те, кто дома. Дай им что-то, что они смогут подпевать. Помогите им сблизиться с тобой.

Была только одна песня, которую он действительно хотел спеть. Ту, которую он пел перед ней. А в ту ночь в баре «Лунный свет» он даже не понял, что чувствует к ней. Он не понимал, что каждое слово, которое он пел, было для нее.

Но теперь он знал.

Гитарист заиграл вступление, и зрители снова начали хлопать. Он посмотрел на них, а затем на камеру, желая, чтобы Мэдди смотрела на него.

Затем он почувствовал всплеск адреналина. Это было похоже на наркотик, пронесшийся по его венам. Его сердце начало биться в ритм барабанщика и все эти мысли, эти заботы растворились в воздухе, музыка взяла верх.

— *Помнишь, когда мы были детьми?* — он не сводил глаз с камеры.

Его голос был глубоким и ровным. Кто-то однажды сказал ему, что он может петь так, что трусики с монашки спадают. Он рассмеялся, но сейчас он хотел петь в ее сердце. Если это делало его мягкотелым, ему было все равно.

— *И все, что мы делали? Дни, которые мы проводили в школе прямо у реки.*

Он мог слышать бэк-вокалистов рядом с собой.

— *День, когда умерла любовь. И все плакали. Мы крепко обнимали друг друга у реки.*

Боже, как ему хотелось снова обнять ее. Почувствовать мягкость ее груди, прижатой к его твердой груди. Гладить ее волосы и чувствовать, как их шелковистые локоны извиваются между его пальцами. С каждым словом, которое он пел, его сердце болело, потому что теперь он знал, что означают эти слова.

Он знал, что такое любовь. И он хотел спеть об этом всему миру.

Когда песня подошла к концу, зрители вскочили на ноги и дико захопали, свист эхом разнесся по студии. Дэн О'Лири тоже хлопал, на его лице была огромная улыбка, когда он подошел поблагодарить Грея. Мгновение спустя он повернулся лицом к камере и перешел к рекламной паузе.

Затем они вышли из эфира и все закончилось. Однако адреналин остался и движения Грея стали немного дергаными.

— Ты был великолепен. Зрителям ты понравился, — сказал ему Дэн, пожимая руку. — Возвращайся поскорее, хорошо?

— Звучит неплохо, — Грей кивнул.

— И если уж на то пошло, я встречался с Брэдом Риксоном, и он тот еще засранец, — Дэн одарил его язвительной улыбкой. — Надеюсь, он получит по заслугам.

Грей не стал задерживаться в студии. Поблагодарив группу и производственный персонал, Лиам подтолкнул его и Марко к двери со сцены. Когда она открылась, он увидел людей повсюду. Фанаты толпились вокруг, отчаянно пытаясь увидеть его. Когда они увидели, что он вышел, они начали скандировать его имя.

— Слишком много людей, — сказал Лиам Марко. — Нам нужно отвести его сразу к машине.

— Нет, — Грей покачал головой. — Я всегда нахожу время для своих фанатов.

Марко пожал плечами.

— Ты здесь главный. Десять минут, хорошо? И если возникнут проблемы, мы уйдем отсюда.

Грей общался со всеми, с кем только мог, позировал для селфи, подписывал плакаты. Когда они подходили слишком близко, Лиам пробирався между ними, оттесняя их назад. Щеки Грея болели от улыбки, а рука пульсировала, как сучка. Тем не менее, он продолжал

пробиваться вперед, благодаря их за поддержку и за то, что они были рядом.

Это было ошеломляюще. Возможно, именно поэтому он чуть не пропустил ее, стоящую там, на улице.

Она держалась сзади, на ее лице была забавная ухмылка, когда он поднял на нее глаза. Ее теплые взгляд встретился с его, и он почувствовал, что его окутывает одеяло приятных чувств.

— Мэдди?

— Привет, — она улыбнулась ему. Первое, что он заметил, это то, что красные пятна вокруг ее глаз исчезли. Там, где в прошлый раз, когда они были вместе, ее рот был плотно сжат от беспокойства, теперь была легкость.

И, черт возьми, если ему не хотелось поцеловать эти губы.

— Что ты здесь делаешь?

Она пожалала плечами, все еще улыбаясь.

— Я вроде как скучала по тебе.

Слава Богу.

— Я тоже по тебе скучал, — его голос был грубым. Не только от пения. В горле стоял ком, который он никак не мог убрать.

— Грей! Могу я с тобой поговорить?

Его улыбка исчезла, когда он увидел Брэда Риксона, идущего к ним. Его первым побуждением было сделать шаг вперед, чтобы оградить ее от этого засранца. Он оглянулся, чтобы посмотреть, где Лиам.

Слава Богу, он был прямо за ними.

Из толпы послышался ропот. Уголкем глаза Грей заметил, как они подняли свои телефоны, чтобы запечатлеть сцену.

— Лиам, нам нужно идти, — пробормотал он.

— Я займусь этим.

— Что происходит? — спросила Мэдди, схватив его за руку. Должно быть, она увидела Брэда сразу после этого, потому что Грей услышал ее вздох.

— Все в порядке. Мы уходим. Тебе не нужно с ним разговаривать.

— Это Мэдди? — спросил Брэд, проталкиваясь к ним. — Мэдди, мне нужно с тобой поговорить. Ты должна сказать всем, что это недоразумение.

— Убирайся отсюда, — сказал Грей, его голос был зловеще тихим. — Не говори ей ни слова.

— Она чертова уродина, — голос Брэда повысился. — Все в школе так говорили. Она никто. Никто. Так какого черта она разрушает мою карьеру?

Руки Грея сжались в кулаки.

— Убирайся, — прорычал он. — Пока я не прикончил тебя нахрен.

— Давайте вытащим Вас отсюда, — Лиам положил свою руку на руку Грея, но тот стряхнул ее.

— Вытащи Мэдди. Я в порядке.

— Я никуда не пойду, — сказала ему Мэдди. — Только не без тебя.

— Господи, она снова это делает. Она и со мной была чертовски приставучей, — Брэд покачал головой. — Надеюсь, сейчас она лучше сосет, чем, когда я был с ней.

Он шагнул вперед, отводя руку назад, чтобы удар был достаточно сильным. Но прежде чем его рука успела соединиться с челюстью Брэда, Мэдди шагнула к нему. Грею пришлось

попятиться, чтобы не задеть ее.

Затем Брэд отшатнулся назад, на его лице появилось шокированное выражение. Только когда Мэдди выругалась и схватилась за кулак, Грей понял, что она сама ударила Брэда.

Повсюду были телефоны, которые были направлены на них троих. Лиам встал между Мэдди и Брэдом, который стоял совершенно неподвижно, как будто был ошеломлен.

— Мисс Кларк, нам нужно вывести Вас и мистера Хартсона отсюда.

Мэдди кивнула. Она и сама выглядела довольно ошеломленной.

— Хорошо.

Лиам провел их троих через толпу, затем открыл дверь черной низкой машины, которая ждала в конце улицы. Мэдди забралась первой, за ней последовали Грей и Марко. Лиам обошел их, чтобы сесть на переднее сиденье.

— Хорошо, — сказал Лиам водителю. — Мы можем ехать, — он повернулся, чтобы посмотреть на Мэдди. — Если только леди не захочет еще раз наброситься на мистера Риксона.

Глава 30

Глаза Грея прищурились, когда он усмехнулся.

— Я писал тебе весь день. Теперь я знаю, почему ты не отвечала.

— Я ответила, когда прилетела в аэропорт Лос-Анджелеса, но ты, наверное, уже был в студии, — сказала она ему.

Девушка все еще была в шоке от того, что снова увидела Брэда. От того, что ударила его. Ей казалось, что она находится в каком-то сне.

Было больно пошевелить рукой. Она поморщилась, когда попыталась.

— Дай-ка я посмотрю, — пробормотал Грей, протягивая ей руку. Он осторожно коснулся ее. — Болит?

— Да. Как сучка, — она подняла брови.

— Ты должна была позволить мне ударить его.

— И чтобы ты повредил свою оставшуюся здоровую руку? Я так не думаю.

Его глаза были нежными и теплыми.

— Я бы сделал это для тебя.

— Знаю, что сделал бы. Но я рада, что ударила его сама. Я задолжала ему удар еще много лет назад.

Губы Грея дернулись.

— Ты бы видела его лицо. Это была чертова картина.

Она попыталась, но не смогла проглотить свой смех.

— Я видела.

— Ну, тебе будет приятно услышать, что это было записано для потомков, — сказал Марко, совсем не забавляясь. — Это во всех социальных сетях. Вот тебе и пресечение этой истории на корню.

Телефон Марко зажужжал, и он вздохнул.

— Это Энджи. Она будет в ярости.

Ответив на звонок, Грей осторожно обхватил пальцами больную руку Мэдди.

— Мы должны отвезти тебя в больницу, — сказал он ей.

— Ничего не сломано. Я могу шевелить ею. Будет просто синяк, — прошептала она.

Он поднял ее руку и прикоснулся губами к ее ладони.

— Лучше перестраховаться.

— Я позвоню врачу, чтобы он приехал к тебе домой, — сказал Марко, прикрывая телефон рукой. — Наверное, лучше пока держаться подальше от посторонних глаз, — он покачал головой и вернулся к своему разговору.

Потребовалось полчаса, чтобы добраться до просторного дома Грея с видом на побережье Малибу. Даже в это время суток движение в Лос-Анджелесе было плотным. Мэдди моргнула, когда машина проехала через открытые электрические ворота, и ее глаза расширились, когда она увидела низкий белый дом, покрытый штукатуркой. Он был современным и элегантным, совсем не походил на дома в Хартсонс Крик. Она не могла не почувствовать, что он ее немного пугает.

Лиам вошел первым, чтобы осмотреть дом. Через две минуты он вернулся через парадную дверь и наклонился к машине.

— Все чисто. Желаю вам обоим хорошо провести вечер.

— И постарайся больше никого не бить сегодня вечером, хорошо? Если только это не Грей, в этом случае я полностью согласен, — Марко ухмыльнулся Мэдди.

Грей засмеялся и покачал головой.

Они вылезли из машины на посыпанную гравием подъездную дорожку Грея.

Первое, что она заметила, это шум волн, разбивающихся о песок внизу. Она почувствовала соленый привкус океана и сладкий аромат жасмина, устилающего дорожку. Грей перекинул ее сумку через плечо, обнял ее и повел вверх по ступенькам.

Они вошли внутрь, водитель снова завел мотор и выехал через ворота, забрав с собой Лиам и Марко. Мэдди удивилась тому, как тихо здесь было. Как только шум машины исчез, не было ничего, кроме океана и биения ее сердца.

Грей привел ее в огромный коридор. Стены были выкрашены в белый цвет, пол выложен плиткой из песчаника. В центре стоял круглый диван, сиденья которого были обращены наружу, обитый светло-серым бархатом, на который падал свет.

— Это непохоже на дом, — сказала Мэдди, стараясь не дать подавить себя размерам всего.

Грей рассмеялся.

— Можно и так сказать. Пойдем на кухню. Ты голодна?

Она покачала головой.

— Нет. Не совсем.

— Я принесу нам пару бутылок воды. А потом покажу тебе это место.

Казалось, что каждая комната была более впечатляющей, чем предыдущая. Мебель была большой — по словам Грея, сделанной на заказ, — а побеленные стены были увешаны картинами и плакатами. Но они не заглушали эхо их шагов, когда они проходили через дверные проемы комнат. Было и что-то еще. Мэдди нахмурилась, пытаясь определить, чего не хватает.

— Где все твои вещи? — наконец спросила она его.

— Какие вещи?

Она закусил губу, вспоминая свою спальню, заваленную фотографиями и памятными вещами, одеждой и косметикой. И, конечно, ее музыка. Она была повсюду.

Но дом Грея был похож на элегантный номер в отеле. Красиво обставленный, полный стиля и в то же время какой-то бездушный.

— Твои вещи. Твоя одежда. Твоя обувь. Журналы, книги или вещи, которые ты оставляешь на столе, потому что устал и не можешь убрать.

Он моргнул.

— Думаю, горничная все убирает. Я здесь не так часто. Несколько недель за раз. И когда я здесь, я просто хочу расслабиться, понимаешь? Смотреть на океан, играть на гитаре. У меня не так много вещей.

— О.

Он улыбнулся ей.

— Это большой дом для одного человека. Я купил его несколько лет назад, думая, что со временем остепенюсь и найду кого-нибудь, кто будет жить здесь со мной.

— Он очень красивый, — сказала она ему, не обращая внимания на тесноту в груди. — Для правильного человека это будет замечательный дом.

Они дошли до гостиной. Она последовала за ним к огромным раздвижным стеклянным дверям, выходящим на пляж. Даже ночью она могла видеть, какой потрясающий вид открывается из окна. Неудивительно, что он влюбился в это место.

И все же... это был не дом.

Не для нее.

— Тебе здесь не нравится, — просто сказал он.

— Я этого не говорила. Просто это не... — она запнулась и глубоко вздохнула. — Это кажется таким безличным.

Его глаза смягчились.

— Все в порядке, — сказал он ей. — Я чувствую то же самое. Это похоже на жизнь на съемочной площадке фильма или что-то в этом роде. Это не настоящая жизнь.

Он точно уловил это. Находясь здесь, она чувствовала себя как в отпуске. Идеально провести несколько дней, но после этого она будет тосковать по дому.

Он повернулся к ней и обхватил ее лицо своей теплой ладонью. Она закрыла глаза.

— Я купил это место, потому что мне было что доказывать, — тихо сказал он, наклоняясь, чтобы прикоснуться губами к ее губам. — Моему отцу, больше, чем кому-либо. А он даже не знает о его существовании. Я хотел, чтобы каждый, кто увидит это, знал, что я добился успеха. Что я стал кем-то. Но в конце концов, это всего лишь кирпичи и цемент.

Ее глаза поймали его взгляд.

— Я знаю, что тебе придется проводить здесь много времени. И Лос-Анджелес — удивительное место. Но Хартсонс Крик — это дом. По крайней мере, для меня.

Он снова поцеловал ее. На этот раз крепче и увереннее. Несмотря на усталость и пульсирующую боль в руке, она почувствовала, как ее тело отвечает ему. Она прижалась к его груди, обвила его шею своей здоровой рукой и поцеловала его сильнее.

Грей застонал ей в губы, и ее пронзила волна наслаждения.

— Детка, дом там, где ты, — сказал он ей, прижимаясь ртом к ее рту. — Хартсонс Крик, Лондон, Париж. Мне плевать. Я просто хочу, чтобы ты была в моих объятиях.

— Ты говоришь это сейчас, но как же твоя работа?

— Я всегда в разъездах, ты же знаешь. Может быть, иногда ты будешь путешествовать со мной, а иногда нет. В конце концов, нам придется все переосмыслить, когда у нас появятся дети.

Ее губы скривились.

— У нас будут дети?

— Да. Я думаю, четыре мальчика.

Она засмеялась.

— Потому что это так хорошо сработало у тебя.

Он провел пальцем по четкой линии ее щеки.

— Мальчики, девочки, мне все равно. Я просто хочу, чтобы их было несколько. А ты будешь играть на пианино и следить за порядком. Мне очень нравится эта идея.

Теперь она ухмылялась. Картина, которую он нарисовал, затронула ее сердце.

— А по воскресеньям мы будем ходить в церковь и радовать преподобного Мейтланда. Потом мы поведем детей к Мерфи и скажем им, чтобы они избегали яиц.

— Ты все предусмотрел.

— У меня было время все обдумать, — сказал он ей. — Может быть, Хартсонс Крик у меня в крови. Так же, как и в твоей. Видит Бог, я пытался убежать от него, и думал, что мне это удалось. Но потом я вернулся домой и нашел свое сердце. Нашел способ снова дышать, — он прижался лбом к ее лбу. — Благодаря тебе.

— Где бы мы жили? — спросила она его, еще не готовая отказаться от этой картины.

— Мы бы нашли участок земли. Построили бы большой дом и пристроили к нему студию. Ты смогла бы преподавать игру на пианино. Может быть и песни писать. Когда я не буду гастролировать, я буду записывать там свои альбомы. Может быть, даже продюсировать несколько других артистов. А в конце каждого дня мы бы сидели на паре кресел с пивом и смотрели на светлячков.

Боже, она хотела этого. Больше, чем она когда-либо осознавала.

— А как же папарацци?

— Они пойдут дальше, потому что мы будем чертовски скучны, — он усмехнулся. — Не так уж много денег можно заработать на рок-звезде, живущей долго и счастливо, — Грей наклонил голову в сторону, его глаза сканировали ее лицо. — Конечно, это означает, что тебе, вероятно, придется повесить свои боксерские перчатки.

Она подняла брови.

— Я могу это сделать. Это было только на одну ночь.

— Это хорошо, потому что у тебя сильный правый хук.

— Тебе стоит помнить об этом.

— Детка, я запомню, — он целовал ее челюсть, горло, маленькую впадинку у основания шеи. Она затаила дыхание, когда ее соски выступили под тонкой футболкой. — И я имею в виду каждое слово. Я хочу счастливую жизнь, белый заборчик. Семья Брэди Банч, которая поет вместе, — его взгляд был пристальным, когда он поднял голову от ее груди. — Я хочу тебя, Мэдисон Кларк. Ты будешь моей?

Ее тело болело от потребности. В нем. Его видения будущего. Семьи, которую он хотел, чтобы они создали. Она видела правду в его глазах, уголок его губ изогнулся в сексуальной улыбке, перед которой она никогда не могла устоять.

— Да, Грей Хартсон. Я буду твоей.

История о том, как Мэдди ударила Брэда Риксона, обсуждалась в социальных сетях в течение почти двадцати четырех часов. У нее даже появился свой хэштег — #сосункаударили. Но потом национального политика поймали на камеру с голливудской актрисой, и никто больше не говорил о Мэдди и Грее.

Грей не мог не чувствовать благодарности за то, что кто-то другой занял их место в Твиттерсфере, когда они приземлились в аэропорту Балтимора. Это означало, что их переход от самолета к машине, ожидавшей их снаружи, был почти беспрепятственным. Их

заметила только пара девочек-подростков.

— Похоже, мы уже вчерашние новости, — сказал он, пока машина ехала по шоссе в сторону Хартсонс Крик.

— Слава Богу, — Мэдди прислонила голову к его плечу. Ее рука была туго перебинтована благодаря врачу, который приехал в дом Грея две ночи назад. Он велел ей несколько дней не трогать руку и прикладывать холодные компрессы, если она будет болеть. Грей смеялся каждый раз, когда смотрел на их одинаковые травмы. — Может, теперь они оставят нас в покое на некоторое время.

— Будем надеяться.

Он поцеловал ее в лоб. Невозможно описать, как тепло он чувствовал себя сейчас, когда ехал к дому отца с любимой женщиной рядом. Пустота исчезла, ее заменила она. Мэдди Кларк. Женщина, с которой он собирался провести остаток своей жизни.

Когда через час они подъехали к дому его отца, их уже ждала очередь на прием. Бекка была там, ухмыляясь, с поднятыми кулаками, словно собиралась драться. Рядом с ней стояла Эшли, одетая по высшему разряду в совершенно новые туфли и шелковый юбочный костюм, а также мама Мэдди и тетя Джина. Грей тяжело сглотнул, когда поднял голову и увидел своего отца, стоящего на вершине ступенек, ведущих к входной двери, его спина была прямой, а лицо почти бесстрастным.

Почти, потому что Грей готов был поклясться, что увидел на нем намек на улыбку, прежде чем он повернулся и вошел в дом.

— Наверное, это и есть версия папарацци в Хартсонс Крик, — пробормотал он, когда машина остановилась.

— Они выглядят невинно, но они сломают тебя за тридцать секунд, — согласилась Мэдди, ее глаза сияли от счастья. — Мы должны встретиться с этим лицом к лицу.

— Да, должны.

Он повернул ее лицом к себе, а затем прижался к ее губам в сладчайшем поцелуе. Грей не спешил выходить и разговаривать с ними. Не тогда, когда он мог бы целовать Мэдисон Кларк до умопомрачения.

— Грей?

— М-м-м? — его слова вибрировали на ее губах.

— Думаю, они смотрят.

— Пусть, — он снова поцеловал ее. — Им нужно привыкнуть к этому. Потому что я намерен целовать тебя часто.

— Звучит ужасно, — она поцеловала его в ответ, задыхаясь.

Он засмеялся.

— Вот за это я тебя и люблю. Ты знаешь, как погладить мое эго.

— Твое эго не нуждается в поглаживании. Оно достаточно велико, — ее голос понизился, глаза смягчились. — Я тоже люблю тебя, Грей Хартсон. Даже несмотря на то, что все, что нас связывает, не должно работать.

— Но это так, — сказал он ей, его сердце увеличилось примерно на десять размеров. Она любила его и это озаряло его мир, как фейерверк. Ему никогда не надоедало слышать это.

— Да, это так, — она наклонилась вперед, чтобы снова поцеловать его. — А теперь пойдем и встретимся с инквизицией. Они начинают беспокоиться.

Да, Бекка уже приближалась к ним, вместе с Эшли и тетей Джинной.

— Хорошо, — согласился он, его глаза светились любовью. — Давай сделаем это.

Эпилог

«*Деньги не просто говорят, они работают на тебя*», — думала Мэдди, глядя на дом. На его строительство ушло чуть меньше восьми месяцев. И теперь это был не просто особняк, это был дом. Их дом. Тот, в котором они будут жить и работать. Тот, в котором ее мама со временем переедет в специально построенную пристройку слева от главного дома, приспособленную для ее нужд.

В конце травянистого двора находилась огромная музыкальная студия. Наряду со студией звукозаписи для Грея, в ней находилась отдельная музыкальная комната для Мэдди. Там она могла обучать школьников и работать над написанием собственной музыки. Она написала две песни для последнего альбома Грея, и они звучали великолепно. Иногда ей приходилось ущипнуть себя, чтобы поверить в это.

А когда они вдвоем работали в студии, мягкий кожаный диван в кабинете Грея был идеальным местом для воссоединения.

И да, возможно, это произошло сегодня утром. Ну, подайте на нее в суд. Он был ее парнем, и он был горяч. Некоторые вещи были слишком хороши, чтобы от них отказываться.

— Какой час? — спросил Грей, его тень упала на нее, когда он обнял ее сзади.

— Почти четыре, — ответила Мэдди, откинув голову назад на его грудь. Он наклонился, чтобы поцеловать ее в шею, и она снова почувствовала все это. Эти мурашки, эту потребность.

Исчезнут ли они когда-нибудь?

Она усмехнулась, представив, что они были теми родителями, которые сводили своих детей с ума чрезмерной привязанностью.

— Люди должны начать прибывать к шести. Твой брат позвонил и сказал, что они приземлились.

— Какой брат? — он обвил рукой ее талию и провел губами по изгибу ее плеча.

— Таннер. Он забирает Логана и Кэмерона, помнишь?

Он усмехнулся возле ее кожи.

— Помню. Мне просто было интересно, кто из них додумается позвонить. Я должен был догадаться, что это Таннер.

За последние несколько месяцев Мэдди лучше узнала братьев Грея. Они взяли ее под свое крыло, дразнили ее так же, как они дразнили Бекку, когда созванивались по видео. Вызывали ее на кулачные бои, когда встречались в реальной жизни. Трудно было не влюбиться в Братьев Сердцеедов. Они были сильными и добрыми, если ты был членом семьи, они защищали тебя до смерти. Ей нравилось, что они были частью ее жизни.

Даже Эшли нехотя признала, что с ними все в порядке. Что было высокой похвалой с ее стороны.

— Итак, сегодня вечером здесь будет семья, а завтра состоится большая вечеринка, — сказал Грей, проведя руками по ее бедрам. Ей нравилось, как он всегда прикасался к ней, когда они были близки. Как будто он наполовину боялся, что она не настоящая. — А после этого мы снова получим это место в свое распоряжение.

— Пока ты не начнешь записываться через две недели, — напомнила она ему. — А потом группа останется с нами.

Он поднял голову, сморщив нос.

— Как ты думаешь, я могу отложить это? Я хочу провести некоторое время со своей

девушкой.

— Ты итак провел со мной много времени, — но она все равно усмехнулась, потому что знала, что он чувствует. — Я приехала с тобой в Лос-Анджелес для записи альбома, потом ты остался здесь со мной, чтобы я могла работать со своими детьми. А потом мы оба поехали в Мексику, потому что тебе нужен был перерыв.

— Может, мне стоит переосмыслить это продюсерство, — пробормотал он. — Вместо этого стать мужем-домоседом.

— Ты бы заскучал за минуту, — сказала она, подняв бровь.

— Нет, не заскучал бы.

Она усмехнулась.

— Да, заскучал бы. В Мексике ты не мог усидеть на месте и пяти минут. В итоге ты написал четыре песни. А когда строилось это место, ты все время настаивал на помощи подрядчикам. Давай признаем, Грей, ты парень, который не любит сидеть без дела.

— Я бы сделал это с тобой, — сказал он ей, и его губы изогнулись в улыбке. Эта улыбка. Та, которая всегда заставляла ее тело дрожать.

Она положила свою руку на его.

— Тогда иди и сядь со мной сейчас. Расскажи мне о своем дне. Потом мы можем пойти и подготовиться к встрече наших семей. Ты же знаешь, тетя Джина всегда приходит рано.

— А твоя мама и Эшли всегда опаздывают.

Она усмехнулась.

— А твои братья обычно ошибаются днем.

Было удивительно, как легко он вписался в ее мир, так же как она идеально вписалась в его. Как будто в жизни каждого из них было пространство в форме Мэдди и Грея, которое только и ждало, чтобы его заполнили. В некоторые выходные они действительно ходили в церковь, а потом к Мерфи — который наконец-то смирился с тем, что она ушла с работы.

А в другие были в Лос-Анджелесе, проводили время с друзьями Грея по музыке и общались с его звукозаписывающей компанией. Ей даже удалось напрямую продать им несколько своих песен. Она гордилась тем, что не только его деньги были вложены в строительство дома, который они делили вместе.

— Знаешь, у меня есть идея получше, — сказал Грей, потянув ее за собой по ступенькам к дому и заключив ее в объятия. — У нас есть час до прибытия кого-либо и огромная кровать, которая скучает без нас. Мы должны пойти проверить ее.

— Да, должны, — Мэдди кивнула. — Мне бы не хотелось, чтобы неодушевленный предмет мебели чувствовал себя одиноким.

Он провел руками по ее спине, его ладони согревали ее через тонкий сарафан.

— Есть только один способ сделать так, чтобы она чувствовала себя лучше.

— Спать на ней?

Он крепко притянул ее к себе, чтобы она не сомневалась в том, как она на него влияет.

— То, что я задумал, не включает в себя сон.

Она выгнула бровь, наслаждаясь каждой минутой.

— А что включает?

— Давай я тебе покажу, — он поддержал ее, пока она не оказалась за дверью и на кухне, его руки все еще держали ее за бедра. — Это не займет много времени.

— Знаменитые последние слова, — но она все равно любила это. Любила быть в его объятиях. Любила, когда он ее целовал. Любила то, как он всегда хотел быть с ней, на ней,

внутри нее.

Потому что она тоже этого хотела.

Ладно, это заняло немного больше времени, чем он планировал. Но это стоило каждой минуты поклонения ее телу. Грей откинул голову на подушку, когда Мэдди прижалась к нему всем телом, а ее голова прильнула к его плечу.

Даже после всех этих месяцев он не мог насытиться ею. Честно говоря, он думал, что никогда не сможет. Они будут старыми и дряхлыми, а он все еще будет медленно тащить ее в постель, чтобы взять ее снова и снова.

— О чем ты думаешь? — спросила Мэдди.

— О том, что ты станешь старой и морщинистой.

— Фу, — она повернулась, чтобы посмотреть на него. — Это ужасно.

— Нет, — он усмехнулся. — Я подумал, какой сексуальной ты будешь тогда. Вся эта дополнительная кожа, которую я смогу целовать.

Она закатила глаза.

— Ты рано начал пить?

— Это все я, детка. Алкоголь не нужен. Ты и так наркотик.

Его глаза сверкнули, когда встретились с ее глазами. В них отражалась любовь, которую он испытывал к ней и это заставило его захотеть ее снова.

— Нам нужно встать. Принять душ.

Она перевернулась на бок, чтобы посмотреть на часы на столике рядом с кроватью.

В этот момент хлопнула входная дверь. Она повернула голову назад, ее глаза расширились, когда голос позвал с лестницы.

— Грей, ты здесь?

— Таннер, — пробормотал Грей. У Мэдди открылся рот, и ему пришлось подавить смех.

— Где пиво? — это был либо Логан, либо Кэм. Грей все еще не мог различить их голоса.

— Хватит открывать все шкафы, Кэм, — ладно, это точно был Логан. — Ты должен подождать, пока тебя пригласят.

— Они рано, — прошептала Мэдди.

— Ага.

— И я голая.

— Я заметил, — его голос был низким и признательным.

— Тебе нужно спуститься и не дать им подняться, — Мэдди спрыгнула с кровати. — Скажи им, что я принимаю душ, потому что... потому что... я весь день потратила на распаковку вещей.

— Конечно, — он криво улыбнулся ей. — Они в это поверят, — он слез с матраса и схватил свою одежду. — Я быстро умоюсь и спущусь поздороваться.

Она закрыла лицо ладонями.

— Не могу поверить, что позволила тебе уговорить меня на это.

Он медленно отстранил ее пальцы.

— Детка?

— Да?

— Они мои братья. Их не будет волновать, чем мы занимались. Они могут немного

пошутить, чтобы ты покраснела, но они любят тебя. Так что иди прими душ и спустись поздороваться, потому что они будут рады тебя видеть.

Она глубоко вздохнула и посмотрела на него.

— Хорошо.

Боже, она была потрясающей. Он сделал бы для нее все, действительно сделал бы. Она не только боролась со своими демонами, но и помогала ему бороться с его. Она была его человеком, тем, кого он искал целую вечность, и он не хотел бы, чтобы было иначе.

Когда он спустился вниз, его братья уже чувствовали себя как дома. У него защемило сердце, когда он увидел, как они втроем сидят вокруг кухонного острова и пьют пиво, которое Кэм обнаружил в холодильнике.

— Привет, — он улыбнулся им, когда вошел. — Есть бутылочка для меня?

— Привет, брат. Конечно. Для тебя всегда найдется пиво, — Кэм поставил открытую бутылку на стойку.

— Как прошла поездка?

— Все было хорошо. За исключением храпа Кэма, — сказал ему Логан.

— Я не храплю.

— Да, брат, храпишь. Как ты думаешь, почему я жил в общежитии своей девушки, когда мы учились в колледже?

Таннер покачал головой, его глаза встретились с глазами Грея.

— Дом прекрасен. Вы, ребята, проделали отличную работу.

— Спасибо, — Грей сделал глоток пива. — Я покажу вам все, когда Мэдди спустится.

— Где она? — спросил Кэм, оглядываясь по сторонам, как будто она спряталась в углу.

— Принимает душ.

Логан засмеялся.

— Мы что-то прервали?

— Брат Сердцеед снова наносит удар, — Кэм поднял свою бутылку.

— Ребята, потише. Она работала весь день и хотела прибраться до вашего прихода, — Грей покачал головой. — А вам приспичило хоть раз прийти пораньше.

— Только не говори мне, что мы прервали тебя до конца, — сказал Таннер, смеясь. — Кэм, я говорил тебе, что мы должны были подождать, пока кто-нибудь откроет дверь.

— Ни в коем случае, — Кэм усмехнулся. — Помнишь, как Грей застал меня с Элли Мейнард в летнем домике? Это время расплаты.

— Тебе было двенадцать, — сказал ему Грей. — А Элли была девушкой Логана. И летний домик тоже был не твой.

— Я близнец, — Кэм пожал плечами. — Я родился, чтобы делиться.

Грей открыл рот, чтобы ответить, когда раздался громкий стук в заднюю дверь.

— Придержи эту мысль.

Он подошел, чтобы открыть дверь, и ухмылка расплылась по его лицу, когда он увидел, что там стоит его младшая сестра.

— Бекка. Ты единственная в этой семье, у кого есть манеры, ты знаешь об этом? — спросил он, приглашая ее войти. — Видите, ребята, вот как надо быть вежливыми. Вы стучите, ждете, пока кто-то ответит, а потом входите, когда вас приглашают.

Бекка усмехнулась ему.

— Теперь, когда ты пригласил меня один раз, я, наверное, буду входить сама, как вампир. Она обняла его, а затем побежала туда, где сидели другие ее братья, позволяя им

обнимать ее, ругать и делать все остальное, что всегда делала семья Хартсонов. — Спасибо, — сказала она Таннеру, когда он открыл ей пиво. — И кстати, угадайте, кто вернулся в город?

— Тень? — предположил Кэм.

— Заткнись. Я разговариваю с Таннером.

Кэм притворился, что ему выстрелили в грудь, схватившись за грудные мышцы и наклонился набок.

— Я сейчас укушу тебя, — сказал Таннер, улыбаясь своей младшей сестре. — Кто вернулся?

— Саванна Рид.

На почти незаметное мгновение глаза Таннера расширились. Затем он сделал глоток пива и тщательно изменил выражение лица.

— Правда? — спросил он, его голос был бесстрастным.

— Кто такая Саванна Рид? — спросил Грей.

— В школе ее звали Ван, — сказала ему Бекка.

Грей моргнул.

— Ван — лучшая подруга Таннера?

Бекка усмехнулась.

— Да. Я видела ее вчера в закуской. Она ничего особенного не сказала, но у меня сложилось впечатление, что она вернулась навсегда.

Таннер опустошил свою бутылку и поставил ее на стол, ничего не говоря.

— Малышка Ван вернулась, — сказал Кэм, ухмыляясь. — Черт, она была огненным шаром. Все, что мы умели делать, она умела делать лучше. Обтесывать камни, играть в футбол, она даже выиграла несколько драк, — они все присоединились к рассказам о своем детстве. Все, кроме Таннера. Грей заметил, что его брат смотрит вдаль, выражение его лица было задумчивым.

— Ты в порядке? — спросил он Таннера.

— Да, все хорошо. Думаю, я возьму еще пива. Хочешь?

— Все еще пью это, — Грей поднял свою бутылку.

— Вечеринка уже началась? — спросила Мэдди, спускаясь по лестнице в огромную кухню. — Я думала, она будет завтра.

— Мэдди здесь, — пискнула Бекка, подбегая, чтобы обнять ее. — Слава Богу, я задыхалась от всего этого тестостерона.

Обняв братьев, Мэдди обняла Грея за талию и поцеловала его в щеку.

— Все в порядке? — пробормотала она.

— Более чем в порядке.

Он повернулся, чтобы поцеловать ее губы. Каждое слово было правдой. Он был окружен своей семьей. Теми, с кем он родился, и теми, с кем он только начал создавать будущее, и он не мог придумать ничего более идеального. Кэмерон открыл еще одно пиво и передал ей. Грей притянул ее к себе на колени, табурет для завтрака устоял под их весом.

Он обхватил ее руками и вдохнул свежий аромат ее шампуня, чувствуя, что наконец-то добрался до дома.

Для Грея не было лучшего места, где бы он хотел сейчас быть.

Больше книг на сайте - Knigoed.net